

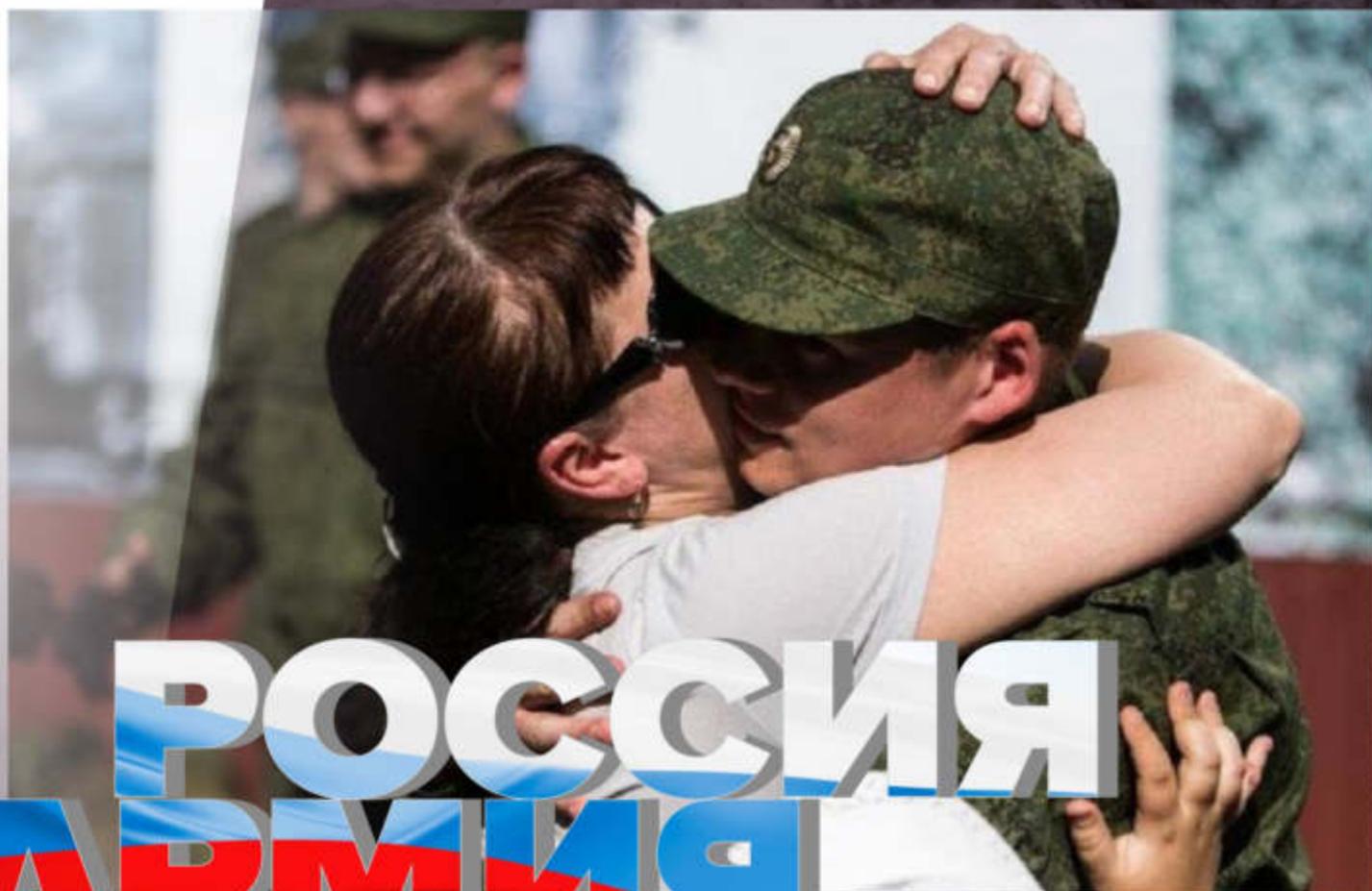
ЛАУРЕАТЫ
ВСЕАРМЕЙСКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ
КОНКУРСОВ

КНИЖНЫЕ
СЕРИИ ЦДРА

Центральный Дом Российской Армии имени М.В.Фрунзе

КНИГА ВТОРАЯ

РОССИЯ АРМИЯ СУДЬБА

ПОЭЗИЯ, ПРОЗА, ПУБЛИЦИСТИКА

2002 - 2021 ГОДЫ

Федеральное государственное бюджетное
учреждение культуры и искусства
«Центральный Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе»
Министерства обороны Российской Федерации

Военно-художественная студия писателей

РОССИЯ. АРМИЯ. СУДЬБА.

КНИГА ВТОРАЯ

Поэзия, проза, публицистика

2002–2021 годы

Центральный Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе

Москва
2022

УДК 82-1, 82-3, 82-4
ББК 84 (2Рос=Рус)
Р76

Составитель В.А.Силкин

Р76 Россия. Армия. Судьба. Книга вторая. Поэзия, проза, публицистика. Составитель В.А. Силкин. – М.: Центральный Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе, 2022. – 161 с. (Лауреаты всеармейских литературных конкурсов: книжная серия ЦДРА).

Во вторую книгу- трилогию «Россия. Армия. Судьба» вошли произведения участников всероссийских литературных конкурсов имени генералиссимуса А.В.Суворова и «Твои, Россия, сыновья!», становившихся победителями и дипломантами этих литературных форумов в течение 21 года. Сборник содержит стихи, рассказы, отрывки из повестей и романов, а также очерки, посвященные прошлому и настоящему нашей Родины, мужеству и героизму защитников Отечества, любви к армии и флоту. В основном они принадлежат перу людей, не один год прослуживших в Вооруженных Силах СССР и России, не понаслышке знающих, что такое военная жизнь. Многие писатели прошли «горячие» точки и стали летописцами событий, произошедших в нашей стране и за ее пределами.

ЦДРА не несет ответственности за мнения авторов.

12+

© Коллектив авторов, 2022
© А.В. Кабин – обложка, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Вадим Зимин, Третий тост.....	4
Александр Истомина, Баллада о походе.....	9
Александр Кердан, По всем законам тактики.....	38
Геннадий Козлов, Россия, Севастополь, Крым.....	45
Владимир Кошелев, Завтра едем на войну.....	52
Валерий Латынин, Судьба-непостижимый дирижер.....	61
Сергей Лобанов, У взлетной полосы аэродрома.....	70
Евгений Лукин, Танки на Москву.....	77
Александр Махнёв, Уходят фронтовики.....	92
Артём Матвеев, Мандариновое утро.....	104
Сергей Нитков, Пандемия, или военные что-то знают.....	119
Виктор Носатов, В списках роты не значится.....	138
Андрей Объедков, История рода Кубаневых.....	147

Вадим Юрьевич Зимин.

Родился в 1954 году в Санчурском районе Кировской области. Имеет огромный послужной список работ различного жанра: от военковровских, журналистских публикаций до стихов и прозы, фотоэкспозиций, аналитических материалов на темы военной патриотики, развития бильярдного спорта, жизни городов и регионов Сибири...

В 1974 году окончил военное училище. Служил в Среднеазиатском, Забайкальском, Московском, Сибирском военных округах на командных должностях от командира взвода до старшего офицера управления округа.

Окончил военную службу в штабе СибВО. Полковник запаса.

Стихи писал постоянно: для друзей, товарищей, для души. Имеет больше 300 публикаций в различных изданиях, в том числе Минобороны России – в газете «Красная звезда», в газетах военных округов, журналах «Советский воин», «Сибирские огни», в альманахе «Алтай» и других изданиях.

Более 10 раз печатался в коллективных сборниках, вышли 2 собственных сборника: Автор книг «По праву долга и любви» (2004 г.), «Солдатского хлеба судьба» (2010 г.) Сибирского книжного издательства. Публиковался в Литературном журнале «Московский вестник». Член Союза писателей России.

В 2018 году удостоен медали «За труды в военной литературе». Дипломант Всероссийского литературного конкурса «Твои, Россия, сыновья!» 2021 года.

ТРЕТИЙ ТОСТ

***

Все мотается жизни клубочек,
Где в нагрузку,
а где налегке...
Вот и счастье, как снежный
комочек-
Полежит и растает в руке.

***

Он домой не пришел
с раскаленного юга,
Он в горах защищал интересы страны.
Сорок лет я живу
за себя и за друга,
Унесенного ветром далекой войны.

Он был лучшим из нас-
пред начальством не гнутся,
говорил, отвечая, глядя прямо в глаза...
Но с жестокой войны он домой не вернулся,
И над вятской деревней
полыхнула гроза.

Так приходит беда.
В обветшалой избушке
Звонкий смех, словно эхо, звенит и звенит...
Что еще рассказать,
безутешной старушке.
Той, чье сердце донине болит и болит.

Вновь в душе завывает
февральская вьюга.
Подпорошены снегом седые виски.
Третий тост за ребят,
вечно юного друга,
А потом из-за вас, тех кто жив, мужики!

***

Когда входили мы туда,
никто не знал,
никто не верил,
Что будут долгими года,
И будут горькими потери...

И вот тогда узнал Союз,
И все услышали впервые:
И что такое «200 груз»,
И как идут «на боевые»...

Но долг свой выполнив
сполна
Ушли достойно с поля брани...
Но до сих пор душа больна,
И быть такой
не перестанет...

***

Мы доиграемся в войну,
Наступит миг, когда
солдаты
Совсем забудут тишину,
Привыкнув к лязгу автоматов.

Они привыкнут к вою мин,
Забыв любовь

и сострадания...
И рухнет мир с больших вершин
К своим истокам созидания...
***

Двадцать второе... Беда... Воскресенье.
Как в том, сорок первом, проклятом, году.
Солнце вновь палит.
Войны предзнаменье?
И снова мечусь я в кошмарном бреду.

Черные танки... Мышиные тени,
Безликие лица,
похожи на мглу.
Безумные люди-живые мишени
Детей прижимают к родному теплу.

Свихнулась земля-
только взрывы и стоны,
И горькая боль через душу мою.
Война... Вновь война...
В голове монотонно
Прносятся мысли, как пули в бою.

Кричу, призываю:
-опомнитесь люди,
К чему эти войны?
Но голос пропал...
Наверное, плохо история судит
Всех тех,
кто войны поджигает запал...

Двадцать второе. Война. Воскресенье...

***

День обрывает наши сны,
Ероша волосы и мысли:
-Ах, как дожить бы до весны,
Лишь только б не было войны,
И чтобы мысли не прокисли...
И подводя итоги дня,
Когда ложишься недовольный,
На свете все и всех кляня,
Погоду гнусную виня,
Ты засыпаешь беспокойно.
А ночью колет маята,
Когда бессонница приходит,
Что ты не тот и жизнь не та...
И та награда, что с куста,
Тебя сегодня не находит...
И ты лежишь, себя коря,

Что где-то что-то не доделал,
Что жизнь прожил на свете зря...
Свалить бы надо за моря...
-Смени пластинку...
Надоело!
Ты жив, и
радуйся пока
За мир большой и беспокойный-
Плывут по небу облака
И нету пули у виска,
И весел взгляд девчонки знойной.
Посеребрила жизнь виски,
И мы еще не старики...
И пусть считает дни кукушка,
А верба-добрая подружка
Склоняет ветки у реки...

***

Зима потеплела, отстали морозы,
Отметилось солнце приходом весны...
Багульника запах
и запах мимозы
Разносится вновь на просторах страны.

Поздравим любимых и преданных
женщин,
И праздником этим-
приходом весны...
Улыбок побольше и злости поменьше...
Добра и веселья-
они так нужны.

Мы все не подарки.
Сложны и упрямы,
А что же поделать-ведь мы мужики.
Любимые жены
и добрые мамы
Простите за все с вашей легкой руки.

Женщины имя красиво гордо!
Пусть будет всегда благодушие к ней...
Всем яркого солнца,
весенней погоды...
Терпите. И лето наступит быстрее.

***

Какая ночь-луна в четыре цвета
Холодных звезд далекие огни,
И шепчет обреченная планета:
- О, Господи, спаси и сохрани.

Ну, а Россия корчится от боли-
Всю жизнь в глазах людей тоска.
Печаль проклятья приложила что ли
К ее челу нечистая рука...

***

Прости, Россия, неразумных нас,
Не в праведности- в злобе наша сила...
Куда нас в жизни только не носило,
Наверно, видит только божий глаз...

***

Разумнейшая из всех планет,
Тебе, наверно, в страшном сне не снилось...
Погубит нас не страшный гром ракет,
А карликовый, подлый, хитрый вирус.

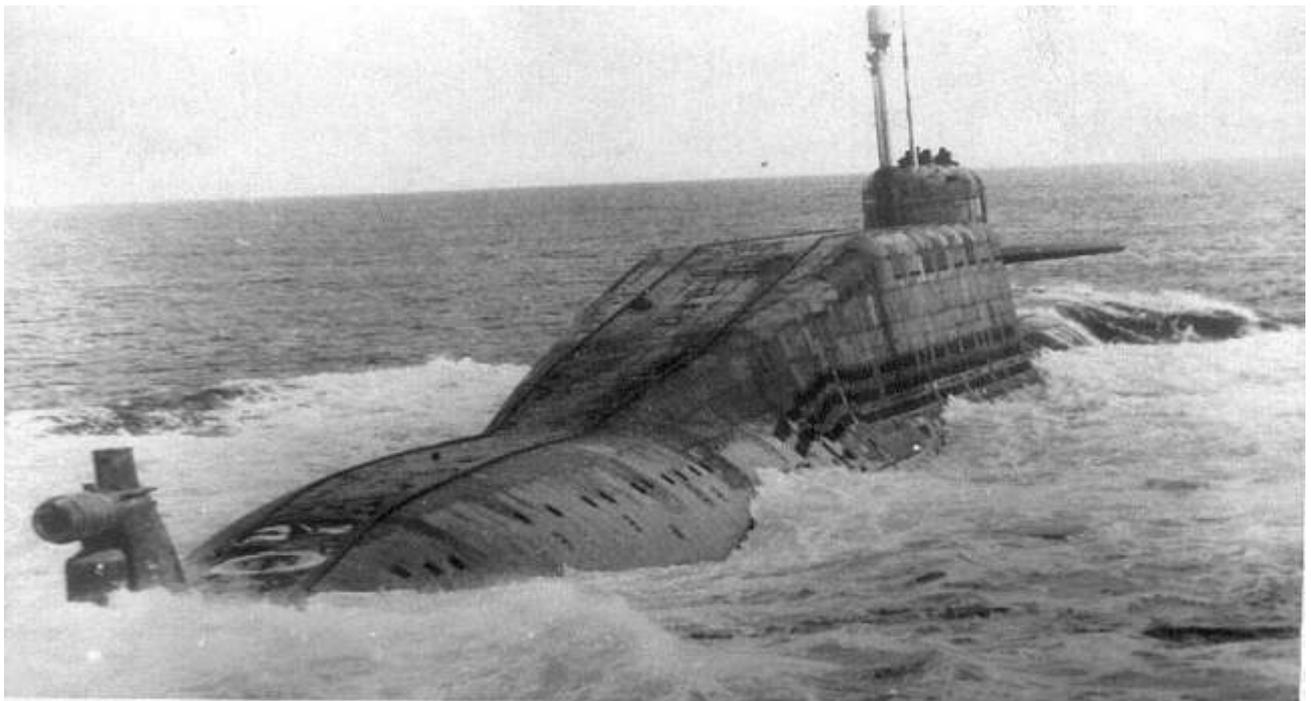

Александр Алексеевич Истомирин.

Родился 14 июня 1969 года в Ярославле. В 1986 году окончил среднюю школу, в 1987 году – СПТУ №2. Срочная служба 1987-1990 годы, 13-я дивизия атомных ракетных подводных лодок Краснознаменного Северного флота. 1991-1996 годы – учеба в Ярославском техническом университете, машиностроительный факультет.

Дипломант Всероссийского литературного конкурса «Твои, Россия, сыновья!» 2018, 2019, 2020 гг., лауреат Всероссийского литературного конкурса имени генералиссимуса А. В. Суворова» 2020 года.

БАЛЛАДА О ПОХОДЕ

Фото неизвестного автора

Часть 1.
СЕВЕР

Край холодный, берег дальний –
На него глаза глядят.
Север, Север мой бескрайний,
Я остался, уходя.

Спят, разбитые морями,
Берега на мерзлоте,
Ночь цепляют якорями
Звезды в черной пустоте.
Кто фиордами* изрезал
Твердь седых скалистых гор,
И погнал снегов завесу
В неизведанный простор?

Заполярье гонит волны
К сердцу северных ветров,
И сиянием наполнен
Ночи сумрачный покров.

В нас останется отныне:
Как, хрустальная всегда,
Синевой в озерах стынет
Полусонная вода.

Парусит шинелью вьюга,
Завывая на Луну,
День и ночь идут по кругу,
Ждут далекую весну,

Что когда-то непременно
Все ж, придет, не торопясь.
И вздохнет самозабвенно,
Лед растопит, снег и грязь.

От себя же, разомлеет,
Поднимаясь высоко,
То, что живо – отогреет,
Да не слишком глубоко.

Ты копай в родных пенатах,
Под ногой земля не та:
Полтора штыка лопаты,
Дальше – только мерзлота.

А ее – хоть динамитом,
Хоть кайлом, хоть топором:
Тайны все надежно скрыты,
Не опишешь и пером.

Если не был, то не надо
А уж был – не забудь.
Есть и здесь своя отрада:
Океанской шири суть.

Было дело – огорчались:
У погоды нрав шальной.
Уезжая, обещались
Позабыть, как сон дурной.

Неприметно, неуютно,
И трава не так густа,
И не слишком многолюдны
Эти тихие места.

Солнце низкое проглянет,
Одного мне не понять:
Отчего так сильно тянет
Здесь еще раз побывать?

Четверть века пролетело,
Еще столько же пройдет,
Память, странное то дело –
Спать порою не дает.

Это севера ворота,
И войти в них – раз шагнуть.
Заполярные широты:
Всем тернистый долгий путь.

Часть 2. **НАЧАЛО**

От дверей военкомата
На вокзал, и на перрон:
Наш черед служить, ребята,
Всех зеленый ждет вагон.

Побежали за окошком
Тополя, кварталы, мост,
Вот Луна неполной плоской
Эшелону светит в хвост.

Старшина – веселый, ладный,
Усмехается в усы:
«Климат будет попрохладней,
Чем у средней полосы.

Миль шестьсот на север ехать,
Вроде, как недалеко.
Расскажу вам не для смеха –
Там служить не так легко.

Ветер встретит у порога:
С Беломорьем не шути,
Но, куда б ни шла дорога,
Раз ступил – по ней иди».

Звезды падают за лесом,
И под ложечкой сосет,

За каким же это бесом,
Да в такую даль несет?

«Сухпак» вместо обеда,
Ночь черна, как будто смоль,
И не клеится беседа,
В настроении – бемоль.

Диссонанс в ладу гитарном,
На душе – такая муть!
Старшина, скажи тогда нам:
В чем же службы скрыта суть?

По гражданской жизни жажды
Не испытывал, хоть раз?
И не думал утром каждым:
Где он, «дембельский» приказ?

Кто – по девкам в ритме танца,
Ну а ты – пешком на плац,
И с уставом должен знаться,
И прогары* – сплошь эрзац.

Тот, как будто только ждали,
Посмотрел: не свысока,
А из дальней-дальней дали,
И прищурился слегка:

«В чем-то правы вы, наверно:
Климат жизни поменять
В одночасье просто скверно,
И кому-то не понять.

Службу мы не выбираем:
Два там года, или три,
Но возьми, с другого края
На проблему посмотри.

Вот живешь ты: дом, работа,
Институт, друзья, кабак,
Там семейные заботы –
Жизнь проходит как-то так.

Отложи мечты полеты,
Сделай, громко не трубя,
Для других, хотя бы что-то,
Забывая про себя».

Опустел и тамбур даже,
Что прокурен был насквозь,
И уже в плацкарте нашей
Полвагона собралось.

Интерес у всех не детский:
Кто там спорит: вздор, не вздор?
А идет совсем не светский,
И о главном разговор.

«В жизни всякое бывает,
Вам в одном лишь возражу:
Что не к совести взываю –
Призадуматься прошу.

Говорить не буду рьяно:
Если б все назад вернуть,
Ничего менять не стану,
А пройду такой же путь.

Что в погонах пролетело,
То – мое: ни взять, ни съесть.
А прогары – в них ли дело?
Не одним нам эта честь.

Морем, кто служил – болеет,
Снится синяя волна,
Ни о чем я не жалею», –
Подытожил старшина.

Краски неба холодеют
Под недружный стук колес,
Мчится поезд, мрак редет,
И рассвет встает белес.

Часть 3.

ДРУБЬЯМ ПО УЧЕБНОМУ ОТРЯДУ

Часть простая, войсковая,
С буквой «Ф», что значит – флот.
И она, я точно знаю:
Малый Севера оплот.

Где, таинственной силой,
Побросав свои дела,
Неизвестность нас манила,
И пугала, и звала.

Кто же, духом ты мятежный,
Что рискнул сюда попасть,
Под напором вьюги снежной
Не боящийся упасть?

Так легла на карту карта,
Дальше путь лежит один:

Он, почти с учебной парты,
Прямиком на штурм глубин.

А случается, хоть реже,
Но, поверь, не будешь рад
Выходить на воздух свежий
Сквозь торпедный аппарат.

Вот ползешь в трубе проклятой,
И не видно ни черта:
Ты не первый, не десятый –
Теснота и духота,

Перестук кольцом железным,
Звон в ушах от тишины,
Но наука та полезна:
Под водою все равны.

Для кого-то – просто скверно,
Для кого-то – чуть не шок,
Ну а первый – уж, наверно
Там на всплытие пошел.

Вот и свет в конце тоннеля:
Ухватив рукою трос,
Поднимаюсь еле-еле,
Точно в небо альбатрос.

А потом «Пожар в отсеке»,
«Поступление воды»,
Недосып, слипались веки –
Не пропали те труды.

И пока мечты парили,
В дали дальние маня,
Мы о многом говорили,
Сigaretами дымя.

И о том, что наболело,
И, что жизнь не так проста,
И, что есть на свете белом
Распрекрасные места.

А один: «Всега дороже
Та сторонка, где меня
Так устали ждать, и все же
Ждут, безвестие кляня.

Край мальчишеских проделок,
К небу рвущихся берез,
Деревенских посиделок,
Запоздалых майских гроз».

И добавил: «Непременно,
С бело-синею каймой,
Будет он, обыкновенный
День, когда приду домой.

В форме три*, пускай и жарко,
Прогуляюсь по двору,
Кликну всех друзей на чарку –
Так положено в миру.

И, в тельняшку облаченный,
С разливным в душе теплом,
«Кину якорь»* облегченно
За раздвинутым столом.

Расскажу, где был, где не был,
Не совру, к чему оно?
А потом взгляну на небо
В неприкрытое окно.

Я оттуда, где был нужен,
Лямку там тянул свою,
И, как все, других не хуже
Отслужил, на том стою».

И замолк на слове этом,
Будто все сказал, что смог,
А с потухшей сигареты
Падал пепел на сапог.

Точно кем замороженный,
Молча слушал я его:
Кроме сути обнаженной
Не слышал ничего.

И светлее стало сразу:
Знать, все видел далеко,
Говорил простые фразы,
А запали глубоко.

Миновало дней порядком,
Осень первая пришла,
А на лбу украдкой складка
Чуть заметно пролегла.

Отучилась наша рота,
После врозь пошли пути:
На четыре разных флота
Разлетелись – не найти.

Был и зной, и непогода,
Но, добавлю без прикрас:
Прав он был, что эти годы
Не украл никто у нас.

Хоть не выразить словами,
Мне одно всего важней:
Жизнь меня столкнула с вами,
И за то спасибо ей.

Где бы ни были – удачи,
Всех вас помню, как вчера,
Да не может быть иначе,
Видно, встретиться пора.

И не мог подумать даже,
Что останутся они
Дни «учебки»* старой нашей,
Как далекие огни.

Так уж вышло: годы-птицы
Нас несут всегда вперед,
Но, бывает, все ж приснится
Дробный шаг учебных рот.

Уж другие море режут
На притихшем рубеже,
Верю я, что мы все те же,
Жаль, кого-то нет уже.

Реют флаги над волнами
Под созвездием ветров:
В море я сегодня с вами,
Как тогда, идти готов.

Часть 4.

ПЕРВЫЙ ПОХОД

Сквозь победы и потери,
Всю стальную суть собрав,
Жизнь глубинами измерит
Самый северный «подплав»*.

Из обычной все мы плоти,
И из чувств, вполне людских.
Занесло служить на флоте
Деревенских, городских,

Здесь всегда, и очень срочно
Лишь хороших ждут вестей
Из краев дальневосточных
И центральных областей.

Здесь, о будущем не зная,
И о прошлом не скорбя,
С неба звезды не хватают –
Верят только лишь в себя.

Кто-то ясно, кто-то смутно,
Все по-разному течет:
Кто-то, чуть ни поминутно,
Помнит первый свой поход.

Миль потом немало было
По воде и под водой,
След кильватерный размыло
Перед утренней звездой.

Заметет поземкой белой,
Но меж лет не будет стерт
День, когда тобою сделан
Шаг ногой на черный борт.

Снег с утра – к добру, наверно,
В том специфика души:
Моряки все суеверны,
Но смеяться не спеши.

В час, когда предельным креном
Тащит лодку* в глубину,
Думал всяк о жизни брэнной
Хоть секунду, хоть одну.

Кто в экстерне*, кто – в походе,
Кто черед свой в базе ждет
Все в одном строю мы, вроде,
Да кому как повезет.

Не дано на белом свете
Знать, что будет впереди,
По хорошей же примете
Легче в море выходить.

Там бывали и не редко,
Настает опять пора.
Борт* соседний в «кругосветку»*
Уходил еще вчера.

Через день порою снежной
Отшвартуемся и мы,
И вперед, в простор безбрежный
Океанской кутерьмы...

Полночь, сутки на исходе,
Разорвав винтами ночь,
Лодка в плаванье уходит:
Надо снова превозмочь

Силу волн, стихий коварство
На нелегком том пути,
Льдов неведомое царство
Поперек и вдоль пройти.

Было все тогда впервые:
С кораблем в одну слились
Судеб линии кривые,
Закачались вниз и ввысь,

Началось, пошло движенье –
Да, лежал на сердце груз,
Помню с первым погруженьем
И воды забортной вкус.

Учащенный пульс у сердца
Наверху шумит волна:
«По отсекам осмотреться!
Девятнадцать глубина»*.

Где на карте это место?
Сверху – зеркало воды,
Вниз – считает мили бездна,
В ней теряются следы.

Чтоб остаться честной былью,
И, куда б хватало глаз,
Нам удачи видеть крылья,
Надо просто каждый раз

Подниматься, как впервые,
Покидая глубину,
Продувая носовые*
С дифферентом* на корму.

Где никто до нас и не был,
Толстый взламывая лед,
На поверхность, словно к небу,
До немислимых высот.

Вот и он, квадрат пустынный:
Ненадолго подвсплывем:
Путь назад такой же длинный,
Оглядимся и пальнем

По Камчатке холостыми,
Точно в дальний полигон

Пуск болванками пустыми,
С матюгами им вдогон.

Чертят след ракеты жадно,
Огибая небосвод,
Отстрелялись, вот и ладно:
Вглубь, на левый разворот.

Румбы*, галсы* замелькали
Циркуляцию* крутя,
Многотоньем растолкали
Толщу вод винты, шутя.

Только штурман знает точно,
Где от нас таится дно,
Где стоит возврата точка,
А в машине* – все одно.

Здесь жара: зима ли, лето,
Монотонный рев турбин,
И, едва-едва заметны,
На виске следы седин.

Может, если кто не знает,
Расскажу уже, зачем
Из кормы* не вылезает
Наша пятая БЧ*.

«Руки в масле, нос – в тавоте»,
Да без этого никак:
Вы от пирса не уйдете
Ни на милю, ни на шаг.

Песни лучшие не спеты,
До поры их на засов:
Крутит паром перегретым
Обе линии валов.

Дабы в бури и в туманы
Вдруг не встать на полпути:
По глубинам океана
Не на веслах же идти.

Там над пультами склонились,
Чтоб до самого конца
По отсекам ровно бились
Корабельные сердца,

По стальным гуляла венам
Мощь десятков мегаватт,
А над морем, уж наверно
Разливается закат.

Или, может, утро встало,
Красит охрой неба гладь.
Что природа там сверстала,
Не всплывешь – не увидеть.

Солнца первый луч забрезжит,
Позовет к себе скорей,
И уже поверхность режут
Кромки рубочных рулей*.

Море в дымке предрассветной
Раскачало корабли,
Наверху штормит заметно,
Трое суток до земли.

И волна волну встречает,
Поднимаясь в полный рост,
И крепчает, и крепчает
Сам король ветров – норд-ост.

Расправляет свои крылья
Над простором здешних вод,
Всех морской засыпав пылью,
Кто отважился в поход.

Собирает тучи вместе,
Что повисли вдалеке,
И поет свои им песни
На каком-то языке.

А потом, набравши силы,
От себя их гонит прочь,
Враз отринув то, что было,
И неважно: день ли, ночь.

Но природа все шальнее,
Не в своем, видать, уме:
С каждым часом бьет сильнее,
Пеной хлещет по корме.

Так бывает в страшной сказке:
Не увидев, не понять,
Как стихия в дикой пляске
Норовит корабль подмять.

Не расскажешь, если не был,
Как вода встает стеной,
Поднимается до неба
Над пучиной ледяной.

Словно щепку, обнимает
Океанская волна,
От себя не отпускает,
Воздаёт за все сполна.

Кто в отсеке по пайолам,*
Нынче просто сам не свой,
В жесткий шторм совсем уж квелый,
В трюм сползает головой.

И лицо – как будто мелом,
Точно знаю я одно:
Не в привычке только дело,
Тут – кому уж что дано.

Качка, качка килевая,*
Ты совсем здесь не нужна.
Но, кого одолевает,
А кому и не страшна.

Для кого-то – просто счастье,
Да не стоит им пенять,
Что бегом на камбуз* мчатся,
Чарку красного поднять.

Тело, ум здоровьем дышит,
А в глазах огонь горит
И тому, кто это пишет,
Сам за них же говорит.

По природе ль, по рождению
Та досталась благодать,
Что на все воды волнение
Им вот взять и наплевать?

Тает неба отраженье,
День прошел еще один,
Ночь, тревога, погруженье,
Одиночество глубин.

Часть 5.
ГЛУБИНА

Море – всякое там было:
Летом, осенью, зимой.
Отгорело, и остыло,
И осталось за кормой.

То, что годы не размоют,
Все увидится во сне.
Но отдельно вспомнить стоит
Пару слов о глубине.

Глубина повыше рангом,
И не наша в том вина.
Я скажу тебе о главном:
Глубина на всех одна.

Неподкупна, неизменна
От поверхности до дна,
Не разгадана, нетленна,
Но зачем-то же дана?

Побывавши, скажет каждый,
Через многие года,
Что она в тебя однажды
Коль вошла, так навсегда.

Где и пульс вот-вот собьется,
И не выстрелит салют,
Солнца луч не доберется,
Ветры песен не споют.

Там почти все так, и все же
Не совсем, как на земле:
Воздух золота дороже
На подводном корабле.

И среда чуть-чуть другая:
Наверху дожди, снега,
Под водой жизнь не такая,
Только также дорога.
А, быть может, и побольше,
Чем под небом на песке:
Ты в морской, соленой толще
Каждый миг на волоске.

И еще хочу добавить:
С глубиной нельзя на «ты»:
Поздно что-то будет править
В царстве полной темноты.

Часть 6.
ВРЕМЯ

Мы приходим, чтоб скитаться,
Тайны дум своих тая,
И когда-то оказаться
За пределом бытия.

Пелена дождя, иль снега,
Мир накроет этот вдруг.
Каждый, кто устал от бега,
Разорвать мечтает круг.

Где-то рядом бродит вечность:
Да не встретимся никак.
А вообще жизнь скоротечна:
Вот он свет, и вот он мрак.

Время – лекарь непонятный,
Время – сонная река.
И уходят безвозвратно
Дни, недели, год, века.

Быль несет она и небыль,
И превратности судьбы
В край, где я ни разу не был,
А, быть может, позабыл.

Я б тому еще поверил
Что мудрейшим он прослыл,
Кто хоть раз ее измерил,
Иль, хотя бы, переплыл.

Нет моста и брода тоже,
И ни лодок, ни плотов,
И никто там не поможет,
Если плыть ты не готов.

Сам, еще пути не зная,
Как и все, иду один,
Иногда не разбирая
Краски яркие картин.

Но не смолкла моя лира
И сияют облака,
Не ищу другого мира,
Коли в этом жив пока.

Часть 7.

ПОМИНАЛЬНАЯ

Наши годы штормовые
В Лету канули давно.
Лишь бы только мы, живые,
Вечно помнили одно.

Речь веду не про пустое:
Нам, в оглохшей тишине
Лишь за тех пить надо стоя,
Кто остался там, на дне.

Лишь за них по полной, молча –
Больше нет земных оков,

Именам звучать их громче
До скончания веков.

Кто сгорел в своем отсеке,
Но не дал огню пройти,
Тех уже закрыты веки,
И неведомы пути.

И прильнут цветы к граниту,
Полетит дурная весть,
Зазвучит по алфавиту
Экипажа список весь.

За непризнанных героев
Явной, тайной ли войны!
Лики их, да не укроет
Сумрак вечной пелены.

Под водой другая битва –
Ни могил, и ни крестов.
Поминальною молитвой
Только реквием ветров.

Очень тонкая граница
Меж сегодня и вчера.
Вырывает память лица,
Ночь до самого утра.

Не почувствовать их взгляды
Ни спиною, ни умом,
А они проходят рядом,
Ветром шепчут о былом.

И в огромном этом мире,
Если чья-нибудь строка
Разорвет простор в эфире,
Доблесть в том невелика.

Я хочу, чтоб не забыли
Тех, кто не застал рассвет,
Да еще, чтоб не застыли
Души в нас за много лет.

Чтобы помнить поименно
Тех ребят до одного,
Чтобы, в списке награжденных,
Все они, иль никого.

Лишь они, без спору, правы
И слова здесь не нужны:
Жизнь – живым, а мертвым – слава,
Да объятья глубины.

Все, ушли давно в закаты,
Ночь укроет, как плащом.
Может, где-нибудь, когда-то
Мы и свидимся еще.

Но над синими волнами,
Что уносят ветра свист
В этот день, да будут с нами:
Ни при чем, учетный лист.

Часть 8.

АВТОНОМНОЕ ПЛАВАНИЕ

Равновесие так тонко:
Тает берег за кормой.
«Автономка»*, «автономка» –
Это долгий путь домой.

Это – многие недели
На границе тишины.
Время память пеплом стелет
Из бездонной глубины.

Мир не скатится в забвенье:
Мы идем, баланс держа,
От мгновенья до мгновенья,
Как по лезвию ножа.

Кто уходит в море с нами,
Оглянуться не забудь,
Воды вспенены винтами,
Пусть же добрый станет путь.

Да семь футов нам под килем
На любые времена,
Впереди шторма и штили,
И судьба на всех одна.

Океан вздымает плечи,
Не видать его лица,
Лишь вода, вода навстречу,
Цвета белого свинца.

Ни конца ей, ни начала:
Очень многие века
Моряков она качала,
И глядела с висока.

Буруны за бурунами
Набегают на борта,

Наверху война с волнами –
Вот такая маета.

И понять, быть может, сложно,
Но уходим в глубину,
Под морское бездорожье,
Я, как все, туда шагнул.

Крейсера* давлением сжаты,
Не видать ни берегов,
Ни рассветов, ни закатов,
Синевы меж облаков.

Шел январь, начало года,
Вспомнил вдруг я об одном,
Как еще перед отходом
Нам говаривал старпом:

«Мы выходим в море, братцы,
Чтобы, в случае чего,
С супостатом поквитаться
За деяния его.

Дабы он не спал так сладко
На своем конце земли,
Да про нас не мыслил гадко,
Служат эти корабли.

Жизнь в подплаве* – не игрушка:
Мы в поход, а не в круиз,
Должен чувствовать макушкой
Каждый миг судьбы каприз.

А уж, кто надел тельняшку –
Знать обязан РБЖ,*
Да беречь свою ИДАшку,*
Словно яйца Фаберже.

Чтоб «отныне и во веки»
Были солнечными дни,
И не вспыхнули в отсеке
Аварийные огни,

Ты законы все морские,
Осознав умом, храни:
Судьбы скрыты там людские,
Кровью писаны они.

И запомнить должен каждый,
Чтоб дожить всем до седин:
Я могу сказать и дважды,
Но судьба – всего один.

На борту ж у нас хлопушки,
А заряд у них такой,
Что не снился и царь-пушке,
Не покажешь и рукой.

Все калибром в три обхвата,
Спят до часу, до поры.
Пусть заморские ребята
Чтут все правила игры.

Но, давайте, будем верить:
Не отыщется причин
В сине небо залпом целить,
Из чернеющих пучин.

В океане риск повсюду,
Только нам он по плечу.
Жизни вас учить не буду,
Но напомнить, все ж, хочу:

Суть ни в прошлом, ни в грядущем,
Мемуары – на потом,
Здесь живут лишь днем идущим», –
Так говаривал старпом.

Монотонно, равномерно
«Автономки» жизнь течет.
Сутки, мили, им, наверно,
Иногда теряли счет.

И уже до возвращенья
В лоно гавани своей,
Забывали ощущение
Череды ночей и дней.

Дождались, теперь всем слушать,
Как тревоги перезвон
Через уши, лезет в души,
Не беда – учебный он.

Время всплытия настало:
Восемь суток подо льдом.
Много это, или мало –
Будем меряться потом.

Верхней вахты взгляд бессонный
Горизонт насквозь пронзит.
Моря каждый метр погонный
Мокрым холодом сквозит.

Иней клеится к ресницам,
Ночь промозгла и черна,
А за тучами таится
Полукруглая Луна.

И ни зги вокруг не видно,
Лишь метель в ушах свистит.
Непонятно и обидно:
То ль смеется, то ль грустит.

Мимо, что ли, проходила
Недалекой стороной?
Без тебя нескучно было,
Вот и шла б к себе домой.

Не пошла, крадется рядом,
Словно хищник по земле.
Ей какого черта надо
В черно-сизой снежной мгле?

Голос – ну совсем унылый,
И душа, наверно, есть,
Но чертовка позабыла,
Что, пора бы, знать и честь.

Возвратилась, хочет скрасить
Вместе время до зари,
Фонари в объятьях гасит,
Хоть чего ей говори.

Ты умерь свой нрав бурливый,
Всплыли только на часок –
Время нынче торопливо,
Будто в склянке той песок.

Труд везде нелегок ратный,
И всему есть свой предел.
Ляжет руль на курс обратный,
Каждый этого хотел.

Ведь с минуты самой первой
Было слово лишь одно:
То, что грело душу, нервы
И пьянило, как вино.

Слово это – возвращенье,
Будоражило умы,
Словно теплое теченье
В царстве холода и тьмы.

За него, пожалуй, стоит
Отмахать за горизонт,

Где беснуется и стонет
Штормовой полярный фронт.

И вернуться в точку старта,
Там остались, не стереть:
Жар июля, вьюги марта,
И туманы в сентябре.

Только этого лишь ради,
Рассекая тьму глубин,
Отражался в водной глади,
Заполярный паладин.

Рубка рвет туман лукавый,
Замаячил впереди
Вход в фиорд по курсу справа:
«Самый малый»* заходи.

Подтолкнёт буксир поближе
К пирсу нос, потом корму.
Берег мой, тебя я вижу
К изумленью своему.

Все часы бессонной вахты
Мне мерещился вдали,
Где стоишь на всех ветрах ты,
Обрамляя край земли.

Нынче мне твоя твердыня
Краше всех чудес иных.
Звук прибоя в уши хлынет
Слаще пения струны.

Здесь, привычно, душу греет
Синь заоблачных высот,
Крылья чайки сверху реют,
И волна о скалы бьет.

Тихий скрип сырой резины
О натруженный причал:
Он сейчас всему причина
И начало всех начал.

Трос на кнехт* ползет упрямый,
Ветер – дальше в свой полет.
Не уймется, окаянный,
С головы пилотку рвет.

«На носу: Трави в тугую!*

Выбирайте слабину!»*

На попытку же другую
Сил нет, даже на одну.

Пилигрим, штормами тертый,
Только что пришел с морей.
Ошвартован правым бортом,
Все, кто ждал, встречай скорей.

Часть 9.

ГИТАРА

Тесно в кубрике матросском,
Но, без суеты мирской:
Аскетичный и неброский
Корабельный быт морской.

Жизнь идет по распорядку,
В море время нас не ждет,
Но, порой, почти украдкой,
Кто-то к ней да подойдет.

Вот берет, на вид – небрежно,
А на деле – не дыша,
И на всех с вершины снежной
Изливается душа.

Как девчонку, обнимает,
Струны гладит сверху вниз,
А она, вдруг оживает,
Тотчас, сразу, без реприз.

К слову – нет ни грамма фальши,
Песни искренни, чисты,
И уносят дальше, дальше,
От занудной суеты.

Вместе с этой шестиструнной,
Возвращаются в умы
Цвет сирени, вечер лунный,
Васильковые холмы.

То не дань капризной моде:
Мир становится теплей,
Что в обычном турпоходе
Возле гаснущих углей,

Что на сцене светлой зала,
Что – от берега вдали,
Ей и моря будет мало,
И огромной всей земли.

Гитарист – глаза прикрыты,
Дух немного перевел:

Словно дней своих забытых,
Книгу заново прочел.

А гитара приуныла,
Как-то сникла на руках,
Вот взяла и позабыла
О примолкших моряках.

Головой тряхнул: «Ребята,
Хоть мы и не на войне,
Но в походе время сжато:
Оттого – ценней вдвойне».

И запел про школьный вечер,
Одноклассницы глаза,
Как держал ее за плечи,
И двух слов не мог сказать.

Про огни больших кварталов,
Деревенских улиц тишь,
Про дороги и вокзалы,
Все там было, ты услышь.

И сказал негромко боцман,
Что за спинами стоял:
«В море музыки ты – лоцман,
Правда здесь – всегда твоя.

Где б ни жил потом, братишка,
Напиши и спой про нас,
Песня – это, ведь, не книжка,
В ней особый нужен сказ.

Гриф и дека в цвет пожара –
Красота, не говори,
Ну, а коль не жаль, гитару,
Экипажу подари.

Этот звук струиться должен,
Словно белый свет во мгле...».
Я свою оставил тоже –
Там нужней на корабле.

Часть 10. **КОРАБЛИ**

Корабли – не люди все же,
Но, казалось мне не раз,
Судьбы наши чем-то схожи,
Что-то общее у нас.

К ним не бросишься в объятия,
Да и в гости не позвать,
Но железным нашим братьям
Надо должное воздать.

Те – на слом идут быстрее,
Видно, уж удел таков,
Те – на кладбищах ржавеют
У гранитных берегов.

А иные в час печальный
Опускаются на дно.
Укрывает вечно тайной
Их безвременья рядно.

День за днем и ночь за ночью,
Так велось десятки лет:
В криках чаек пены клочья
Их чертили долгий след.

От постройки и до слома
Жизнь проходит, не пустяк.
В базе – гости, в море – дома,
По-другому и никак.

Отчего, и сам не знаю,
Но, увидев ржавый борт,
Замираю, понимаю:
Он годами крепко терт.

И отчаянье проснется,
И не даст полночи спать,
Но язык не повернется
Это все старьем назвать.

Он видал, поди, такое,
Что не высказать в словах,
Тишью грезил и покоем,
В ураган идя, впотьмах.

Эх, не вышло по-другому,
Странник всех дорог морских.
Вот, как будто по живому,
Режут рубку на куски.

И уже один лишь остов,
А потом и от него,
Так легко и даже просто
Не оставят ничего.

Корабли придут другие:
Тише, легче и быстреей.

Вряд ли, вспомнят про такие,
И от этого острей

Сознавать, что опускают
Флаг и гюйс в последний раз.
И вода с бортов стекает,
Как слеза из чьих – то глаз.

До чего же жаль, ребята,
После стольких тысяч миль,
Ту грозу для супостатов
Просто списывать в утиль!

Распилили «на иголки»*
«С глаз долой, из сердца – вон»,
В мемуары и на полки,
Да на мельницу времен.

Все забвенью на закланье,
Второпях бы, поскорей
А потом хранить молчанье,
Там жалей уж, не жалей.

Я хочу, как все, конечно,
Всем бы им стези иной,
Но, увы, ничто не вечно
В мире этом под Луной.

И, наверное, негоже
Сей уклад хулить сейчас.
Судьбы наши чем-то схожи,
Что-то общее у нас.

Часть 11. **ДЕНЬ ВМФ**

Не вступая нынче в споры,
Так скажу: что есть в году
Праздник флотский, на который
Непременно я приду.

Как обычно, утром ранним,
Разогнав ночную тень,
Луч рассвета вспыхнет дальний,
И наступит этот день.

В нем пилотки и фуражки,
Ленты, флаги, якоря,
Бескозырки и тельняшки:
Значит, было все не зря.

Ветер чуть висок остудит,
Разгоняя облака,
И никто не позабудет
Свет в тумане маяка,

Этот вкус воды не пресной,
Рев летящей в борт волны,
Незнакомый запах бездны,
Да коварство глубины.

Больше места – нужно крылья
Развернуть своей душе,
Небыль вслед идет за былью
На особый тот фуршет.

Широка к нему дорога:
Что наезженный большак.
Праздник – наш, его не трогай,
Он пришел не просто так.

В городах, на синем море,
У фонтана, иль реки,
В летний зной на всем просторе
Соберутся моряки.

И без пафоса, без спешки
Зазвучат их голоса,
Байки с правдой вперемежку
Полетят под небеса.

Заступил июльский полдень,
Да и некуда спешить.
Встань же, боцман, слово молви,
Разливай, да от души!

Под «Прощание славянки»,
Под «Варяг», давай до дна.
Поднимай не ради пьянки,
Есть причина лишь одна:

Флоту мы свое отдали:
Больше, меньше, кто как смог.
Ветер, волны нас хлестали
Прямо и наискосок.

Помнишь, нас шторма, метели,
На широтах всех Земли
Отпевали – не отпели,
Возвратились корабли.

Звон тревоги, вахты, качки
Не забудутся вовек:

По запарке ли, в горячке,
Иль, виски присыпал снег.

Неуместны и вопросы:
Каждый знает и поймет,
Как уходят альбатросы
В нескончаемый полет.

Развернись, душа морская,
Обрывая якоря,
Все печали отпуская,
Пусть огнем они горят.

Поднимай, за тех, кто в море,
Положившись на штурвал,
Снова с бурей будут спорить
И держать девятый вал.

Да за то, что живы ныне,
Что пришли назло врагу,
И еще за тех подыдем,
Кто нас ждал на берегу.

А пока такое дело,
Мой нехитрым будет тост:
Пусть живут душа и тело
Вместе, долго и всерьез.

Часть 12.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Годы катят, оставляют
Вереницу долгих дней.
Пелену с нее срывает
Ветер памяти моей.

И, в который раз разбудит,
Распахнув в ночи окно.
И, в который раз прокрутит
Недоснятое кино.

Вся затея та пустая –
Ничего вернуть нельзя.
Так зачем же улетаю,
Тенью в прошлое скользю?

Нам морские все дороги
На винты не навернуть.
Просто люди мы, не боги,
Время – нет, не обмануть.

Иногда звучит печально
Хоровод избитых фраз.
Но, поверь, что не случайно
Долгий начал я рассказ.

Пусть нам прошлое – оковы,
Да зовет оттуда горн.
Лишь глаза закрою – снова
Ностальгия, будто шторм.

Шторм в двенадцать полных баллов
Называют ураган.
Вместе с ним частицей малой
Устремляюсь в океан.

Чьи там крылья распростерты
Над страной из облаков?
Он парит, собою гордый,
Меж скалистых берегов.

И встают воспоминанья,
Глухо память бередя.
Север, Север мой бескрайний,
Я остался, уходя.

ГЛОССАРИЙ

Автономка – на жаргоне подводников одиночное плавание корабля в течение длительного времени при несении боевого дежурства.

Борт – на морском жаргоне общеупотребительное название любого корабля.

Выбрать слабину – команда при швартовке корабля.

Галс – курс судна относительно ветра.

Дифферент – угол отклонения корпуса корабля в продольной плоскости.

ИДАшка – на жаргоне подводников индивидуальный дыхательный аппарат (ИДА-59).

Камбуз – столовая на любом корабле.

Килевая качка – качка корабля с носа на корму.

Кинуть якорь – на морском жаргоне обозначает: остановиться на отдых.

Кнехт – устройство на пирсе для швартовки корабля.

Корма – на жаргоне подводников собирательное название реакторного и электромеханических отсеков подводной лодки.

Крейсер – здесь ракетный подводный крейсер стратегического назначения (РПКСН).

Кругосветка – на морском жаргоне кругосветное плавание корабля или группы кораблей.

Лодка – на жаргоне подводников общее название любой подводной лодки.

Машина – общеупотребительное название машинного отделения любого корабля.

Носовые – на жаргоне подводников цистерны главного балласта, расположенные в носовой части корабля.

Пайолы – настил из деревянных или металлических пластин для прохода личного состава.

Подплав – на жаргоне подводников – подводный плавсостав.

«По отсекам осмотреться, девятнадцать глубина» – здесь команда на подводном крейсере: «Глубина 19 метров, осмотреться в отсеках».

Прогары – повседневная обувь матросов и старшин срочной службы.

Пятая БЧ – здесь боевая часть №5 (электромеханическая) экипажа корабля.

Распилить на иголки – общеупотребительное название процесса утилизации корабля на металлолом.

РБЖ – руководство по борьбе за живучесть подводной лодки (РБЖ ПЛ).

Рубочные рули – рубочные горизонтальные рули (РГР), расположенные на рубке подводной лодки.

Румб – в морской терминологии угол между северным или южным направлением магнитного меридиана и данным направлением.

Самый малый – самый медленный ход корабля.

Старпом – старший помощник командира корабля.

Трави в тугую – команда при швартовке корабля.

Учебка – общеупотребительное название любой учебной войсковой части.

Фиорды – узкие и глубокие заливы на побережье Северного Ледовитого океана.

Форма три (первого срока) – парадная форма одежды матросов срочной службы.

Циркуляция – в морской терминологии кривая, описываемая кораблем при перекладке руля на заданный угол до прихода на новый курс.

Экстерн – на жаргоне подводников боевое дежурство ракетного подводного крейсера при стоянке в базе.

Александр Борисович Кердан.

Родился в 1957 году в городе Коркино Челябинской области. Полковник в отставке. Сопредседатель Правления Союза писателей России, координатор Ассоциации писателей Урала. Автор 76 книг стихов и прозы, изданных в России, Азербайджане и США. Стихи и проза переведены на английский, испанский, итальянский, белорусский, азербайджанский, коми, хантыйский, якутский и другие языки. Почетный гражданин города Коркино. Заслуженный работник культуры РФ. Награжден орденом Дружбы и более 20 медалями СССР и РФ. Лауреат Большой литературной премии России, премий имени П.П. Бажова, Р.И. Рождественского, А.И. Грина, международных премий имени В.С. Пикуля, Югра, «Полярная звезда» и других литературных наград.

Лауреат Всероссийской премии имени генералиссимуса А.В. Суворова 2006 года.

ПО ВСЕМ ЗАКОНАМ ТАКТИКИ

ЗОВ

Памяти Юрия Беличенко

На зов трубы и я спешил, бывало,
К своей казарме и на полигон.
Росою сапоги мне обмывала,
Звездой ложилась юность на погон.
И кровь бурлила, алая, как знамя,
И жизнь была понятной, как Устав...

Пусть говорят, стареет даже память,
От впечатлений собственных устав.
Но этот зов, он – неизбежен, вечен,
Он поселился в сердце неспроста.
И распрямляет думы, душу, плечи
Мечта, что, словно молодость, чиста:

Вновь позовет труба на поле чести,
Где все равно – война иль не война –
Но все мы – братья, все мы снова вместе,
И Родина, как мать, у нас одна.
Где командиры так звонкоголосы,
Где, как струна, встревоженный рассвет...
Где на любые трудные вопросы
Легко находишь правильный ответ.

2008

Вжимался плотно в землю он,
Мечтая слиться с нею.
И был Победой награжден –
Стирал портянки в Шпрее.

И вот – землей навеки стал,
Привнес в родной суглинок
Своих осколков драгметалл,
Полученный в Берлине.

Да прах, что прорастет травой,
Да память, что нетленна...
Итог, как будто рядовой,
В судьбе обыкновенной.
2009

ЕГО УНИВЕРСИТЕТЫ

Он не был от рождения солдатом
И не сказать, что был таким уж смелым...
Он изучал латынь по медсанбатам,
А геометрию – по секторам обстрела.

На сапоги наматывая тропы,
Вжимаясь животом в песок и камень,
Познал он географию Европы
И все травинки выучил на память.

Пусть черный ворон над окопом каркал,
Он осознать сумел законы света...
Он победил, он встал над Трептов-парком,
Хоть сам и не успел узнать об этом.
2008

ПОБЕДИТЕЛЬ

Я убит подо Ржевом...
А.Твардовский

Я убит сегодня под Славянском,
Защищая город наш родной.
Я лежу с георгиевским бантом –
Небеса сквозные надо мной.

Где-то громыхают бэтээры,
Грохают разрывы вдалеке,
И звучат команды офицеров
На чужом, шипящем языке.

Топают наемная пехота,
Воровски косясь по сторонам...
А подмога задержалась что-то,
Не пришел никто на помощь нам.

Будто бы в каком-то сне нелепом
Вся эпоха повернула вспять!
Чтобы жили вы под русским небом,
Должен был я здесь сегодня встать

И свой смертный час принять солдатом,
Ведь не зря же на былой войне
Дед мой на рейхстаге в сорок пятом
Вывел имя, что досталось мне.
2014

НА ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ

Сынок, отринь все прошлое свое,
Забудь, когда рука оружие стиснет,
И повиликой порастёт былье,
И злобы яд в тебя эпоха впрыснет,
И в бой погонит, смыслу вопреки,
И новыми законами обяжет
Пить зверем воду из чужой реки,
Той, что тебе форсировать прикажут
И, словно зверю, горло рвать врагу,
Что встанет поперек дороги к дому...
На взятом в диком штурме берегу
Забудь о том, что можно по-другому:

Читать стихи, потягивать вино,
Ловя соседки взгляды золотые,
И думать, что все люди заодно –
Счастливые, любимые, святые...

Все это там, в немыслимой дали,
Что позади и впереди маячит...
Ты в бой идешь. Здесь слово о любви
Совсем иное, да, иное значит.
За други душу положить свою,
За землю, что забыть вовек не вправе –
В сраженье горьком, в праведном бою,
На переправе, сын, на переправе...
2014

***

От войны, как от сумы,
Отпираться нечего.
Вспышки выстрелов из тьмы,
Грозной, изувеченной.

А в окопах – стынь и кровь...
И рулетка крутится.
Будут завтра дом, любовь,
Если жить получится.

Будут завтра ордена –
Плата за увечия.
И забудет нас страна –
Удивляться нечего.

Только нам не позабыть,
Нам кошмаром мучиться,
Помнить, как хотелось жить,
Если жить – получится.

В каждом миге тишины
Взрывы отражаются.
Полстраны пришло с войны,
Полстраны сражается...
2000

СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ

Смотрю на фотокарточки
И жизнь назад листаю...
Вот я, присев на корточки,
В «солдатики» играю.

В фуражках и буденовках
Сошлись. Порядки смяли.
А с фланга – лавой конники –
Блестят полоски стали.

Сражение закончится,
Конечно же, победою...
Победой наших – знаю я,
Других побед не ведая.

По всем законам тактики
Я новый бой устрою,
Пока еще в «солдатики»
Жизнь не играет мною.

И есть резервы в ящике,
И нету веры в Бога.
И кровь не настоящая,
И пули из гороха...
2002

***

В нашем дворе, где «хрущобы» стоят с трех сторон,
В самом начале, когда только двор появился,
Было полно пацанов – для того был резон:
Если батяня вернулся с войны, ты – родился.

Весело было, и жизнь безмятежно цвела –
Время начала шестидесятых и оттепель вроде...
Всех нас судьба в этот двор заурядный свела,
И переросток шальной среди нас хороводил.

На кочегарке, на куче родного угля,
Что добывали отцы в недалеком разрезе,
Он, через слово вставляя ершистое «бля»,
Нас обучал, малолеток, как будто в ликбезе,

Не предавать, за «базар» отвечать, не темнить,
Бойко «бычок» раскурить от дрянной сигареты,
Ну, и конечно, не дрейфить и дружбу ценить,
И под гитару нам пел воровские куплеты...

Был он кудряв и красив, как трефовый валет,
Или мне это тогда от восторга казалось...
Нынче наш двор опустел, и ровесников нет,
Правду сказать, так совсем их уже не осталось.

Ванька за глупую драку на зону влетел
И, породнившись с блатною романтикой, сгинул,
Сашка в Афгане в подорванном танке сгорел,
Юрка в Чечне был расстрелян предательски, в спину.

Вовка, Валерка и Игорь спились на троих,
Не переплыли бодяги зеленую реку...
Я во дворе в сотый раз окликаю своих
И – днем с огнем – своего здесь ищу человека.

Кто – не предаст и ответит сполна за «базар»,
Рвущий страну и торгующий честью с экрана...
Трудно дышать, на глаза набегает слеза –
Честная, словно слеза хулигана.

Будто хлебнул я весеннюю вновь синеву,
Что позадорней ядерного хлебного кваса...
Память? – Расплата моя, что сегодня живу
Я за ребят, кто не дожил до этого часа.
2015

***

Спасибо армии моей,
Что пенсию дала.
Еще за то спасибо ей,
Что пенсия – мала.

Не позволяет захандрить
И отлежать бока.
Вставай, служи, коль рад служить!
Ведь жив еще пока!

Но зарабатывая грош,
Все ж помни, дорогой:
И эту малость не возьмешь
С собою в мир другой.
Здесь – днем сегодняшним живем:
Семь бед – один ответ...
А там, куда мы все идем,
Зарплат и пенсий нет!

Там – с остальными наравне –
К расчету, наг и бос...
И то, что ты служил стране,
Зачтется ль? Вот вопрос.

А не зачтется, что пенять?
Авось, у райских врат
Ты будешь на часах стоять:
Солдат везде – солдат.
2017

Козлов Геннадий Михайлович.

Родился 5 апреля 1962 года в селе Бобровка Глубоковского района Восточно-Казахстанской области. С 1990 года житель города Наро – Фоминска, Московской области. Поэт, прозаик, публицист.

Военную службу проходил в Приволжском, Среднеазиатском, Ленинградском, Московском военных округах, группе Советских войск в Германии, штабе Тыла Вооруженных Сил Российской Федерации. Выслуга -31 год. Полковник запаса. Ветеран боевых действий.

Член Союза писателей России. Председатель литературного объединения Наро-Фоминского муниципального района «Волшебная строка». Лауреат литературной премии имени А. П. Чехова, областной

литературной премии имени Роберта Рождественского, литературно-общественной премии «Герой нашего времени» имени М. Ю. Лермонтова с вручением одноименного ордена. За весомый вклад в военную культуру и литературу награждён медалью «Герой Советского Союза писатель Владимир Карпов»

Автор книг «История села Бобровки», «Родословная семьи Козловых» и четырёх поэтических сборников.

Женат. Дочка, сын, два внука. Сын пошел по стопам отца – офицер, проходит службу в городе Туле.

Лауреат Всероссийской литературной премии имени генералиссимуса А. В. Суворова 2012 года.

РОССИЯ, СЕВАСТОПОЛЬ, КРЫМ

НА ДЕНЬ ПОБЕДЫ

На День Победы китель свой одену,
Полуботинки черные натру.
Ну, вот и я пришел отцу на смену,
И на себя ответственность беру.

Шагаю твердо и люблюсь сыном,
И вслед соседи смотрят неспроста.
Зря говорят: «У нас не та Россия!»,
Во все века у нас Россия та!

Всегда бывало, внук вставал за деда,
А сын вставал и дрался за отца.
И потому у нас одна Победа,
Нет у нее конкретного лица.

Мы все неповторимы, но едины,
У нас в беду людей сторонних нет.
Пришла беда, отец встает за сына,
А если надо, и за внука дед.

МОЯ ЗЕМЛЯ

Земля прадедов и отцов
Пришла домой, в конце концов.
Она вернулась без войны
В объятия своей страны.
В тельняшках русских моряков,
В лампасах наших казаков.
Ей никогда не быть чужой,
Не быть затопленной баржой.
Она в труде, она в бою
Любила родину свою.
На том стояли и стоим:
Россия, Севастополь, Крым.

ВОЕННАЯ ФОРМА

Я военную форму носил,
Укрывался шинелью ночами.
А когда уже не было сил,
Меня русские ветры качали.

Согревали до боли меня,
И давали от боли очнуться.
Я вставал и сидел у огня,
Чтобы вновь по приказу проснуться.

Леденели мои сапоги,
Не давали согреться перчатки.
Никакие на свете враги
Не терпели такие порядки.

Ни на ком не выказывал злость,
Не ворчал, что шинель не из меха.
Мы же русские, белая кость,
Потому и зима не помеха.

В ТАШИРОВО

Постою, помолчу возле Нары
И послушаю ветер шальной.
Как давно полыхали пожары
Над родимой моей стороной!

Но все кажется, было недавно,
Как вчера, отгремела война.
И сегодня стучит неустанно
В мою дверь на рассвете она.

В мое сердце стучит беспардонно.
Вон опять у границы она.
Что же ты, как и небо, бездонна,
Что ж ты врезалась в память война?!

Не с того ли, что светлые лики,
Не пришедших из боя солдат,
Деревень наших русских великих,
Нам в глаза неотступно глядят?!

Ждут от близких утешного слова,
Превратившись в бетон и металл.
И встают в полный рост в Таширово
И приходят на мемориал.

День Победы! И слезы, и речи.
Слава павшим и вечный покой!
Ветер снова, по-человечьи
Тихо плачет над Нарой-рекой.

САПОГИ

Сапоги имеют душу,
сапоги умеют слушать,
Сапоги пройдут везде.
Только так идут по суше-
Снегу, грязи и воде.

К сожаленью, век их краткий-
Но весь век они в строю-
Четко ходят по брусчатке
И в горах в чужом краю.

Кирзачи! Какое слово!
И чего глаголить тут!
Да они тебя живого
И к Победе приведут.

С ВОЙНЫ

Кто там смотрит у плетня
На приезжего меня?
Я стою у палисада
В куртке, мелочью звеня.

Неужель моя родня
Собралась ради меня?
Да когда такое было?
В жизни не было ни дня!

Я стою, войну кляня,
Пацанов к себе маня.
Вон их сколько нарожали,
Чтоб продолжили меня!

Чтоб они среди огня,
Славу русскую храня,

Никогда не отступали,
Были крепче, чем броня.

Я иду к ним, семена,
Думы мрачные гоня.
Отслужил свое, как надо,
Принимай домой, родня!

ОЖИДАНИЕ

В Бобровке вяжут варежки, носки,
Собравшись вместе, кроют матом фрица,
И ждут, когда вернутся мужики,
И думают, кто целым возвратится.

Никто не знает, сколько им шагать
До этого проклятого Берлина.
А, значит, снова надо помогать,
Вязать носки и варежки для сына.

А сын сейчас сдает Волоколамск,
А сын в бинтах, и он стоять не может.
Уже к столице мчатся тут и там
Фашистских танков лающие рожи.

Но есть Бобровка, и она спасет,
Хоть не Берлин, но люди выше ростом.
Скажи, фашист, куда тебя несет,
Зачем тебе московские погосты?!

ПАРАД 2011 ГОДА

Поднимут старинные марши
Армейские трубы страны,
И выедет к армии Маршал,
Не видевший этой войны.
Сергей Орлов

Уходят маршалы от нас,
Все меньше звезды на погонах,
А на закрытых полигонах
Войне не учатся сейчас.

И все парады у Кремля
Элита принимает сидя,
Верховный, что войны не видел,
С трибун глядит на «Тополя».

И невдомек элите той,
Что ничего она не стоит,
Не выучив урок простой
Приветствовать знамена стоя.

ВДОВА

Опустит тяжелые руки,
Устало замрет у стола.
Вся жизнь ее только разлуки,
Всю жизнь не жила, а ждала.

Посмотрит на желтое фото,
На красный закат на стене,
И светлое, давнее что-то
Привидится в мутном окне.

Но высохнут яркие краски,
И снова в душе тишина.
А хочется, хочется ласки...
И плачет, и плачет она.

В ГОСПИТАЛЕ

Снова госпиталь отдыхает,
Окунувшись в цветные сны.
Только кто это там вздыхает,
Это кто там идет с войны?

Видно, вертится на кровати,
Как в окопе, строчит во тьму.
И никто ведь не скажет: «Хватит!»
И в окоп не придет к нему.

Все один прикрывает роту,
И не верит в свою судьбу,
И всю ночь материт кого-то:
-Да, видал я его в гробу!

Видно, утром придет подмога,
За стеною утихнет мат,
Потому что молила Бога
Этой ночью за сына мать.

Он уедет домой отсюда
И увидит свою семью.
Только я никогда не буду
Вместе с ним выживать в бою.

СТЕЛА

Смолкли деревья и травы,
И до утра неумело
В «Городе Воинской славы»
В землю вгрызается стела.

Не пережившая беды,
И не вкусившая пули,
Церковь и площадь победы
Оберегает в июле.

Только ей хочется очень,
(очень ей этого надо),
Поговорить среди ночи
С теми, кто кажется, рядом.

Слышит она, как под нею
Стонет бессмертная рота...
Утро и небо синеет,
И замолкает пехота.

Молится стела и молит
Вечным огнем обогрета,
Выпустить в чистое поле,
В Нарофоминское лето

Всех не пришедших из боя,
Рядом упавших когда-то,
И осеняет собою
Сердце простого солдата.

НА АЭРОДРОМЕ

Ветер стонет, ветер воет,
Небо в тучах смотрит зло.
Миг и «МИГ»- над головою,
Небо крылья понесло.

Бьется сердце самолета,
Ровный гул стоит стеной,
И поет душа пилота
Надо мною день-деньской

Самолеты и пилоты
Режут тучи, аж держись!
В этом сущность их работы,
А цена работы -жизнь.

ДО СВИДАНИЯ, НАЧВЕЩИ

Через край здоровье плещет,
Только возраст не в чести.
До свидания, начвещи!
Мне в запас пора идти.

Вы служите, будьте здоровы,
И учитесь побеждать,
Вам величие державы
Доведется возродить.

Молодые, озорные,
И с улыбкой, и с тоской,
Это вам теперь Россия
Доверяет свой покой!

Ветер вновь знамена плещет,
Неспокойно, как всегда.
Пусть хранит на белом свете
Вас военная звезда.

В ЗАПАС

Меняю китель на костюм
И увожу себя на дачу,
Но от служебных дел и дум
Свои глаза еще не прячу.

Прощай, военный кабинет,
Мои подъемы и отбои.
Я думал, счастья в службе нет,
Но лгал себе, само собою.

Все чаще в зеркало гляжу
И радуюсь, как ладно скроен
Мой китель. И хожу служу,
И жить уже боюсь вне строя.

Владимир Михайлович Кошелев.

Родился на Кавказе 9 декабря 1957 года. После учебы в Калининском суворовском военном училище с отличием окончил Новосибирское ВВПОУ. Имеет юридическое (МГЮА), экономическое (РАГС) и филологическое (Литинститут имени А.М. Горького) образования. Полковник запаса. Заслуженный деятель искусств Республики Крым.

1984-1986 годы- в Афганистане: 101-й мотострелковый полк и 411-й отдельный отряд спецназа ГРУ. Награжден орденами Красная Звезда, «За личное мужество», Почета, медалями и орденами иностранных государств, Георгиевским крестом IV степени, Почетной грамотой Президента России.

С 1991 года – в Администрации Президента РФ- заведующий сектором и зампред комитета. После расстрела здания

Верховного Совета России (октябрь 1993) ушел в отставку. Работал учителем истории, юрисконсульт, главным редактором газеты, заместителем главы города в Подмосковье. С 1997 года по настоящее время – заместитель председателя Российского Союза ветеранов Афганистана, с 2021 года – Комитета по делам воинов-интернационалистов при Совете глав правительств СНГ.

Член Союза писателей России. Автор тридцати книг, в том числе, двух романов в стихах, трех драматических произведений, более ста песен. Академией российской словесности отмечен серебряной медалью «Ратнику Отечества» и пушкинской медалью «Ревнитель просвещения». За вклад в развитие военной песни награжден медалью Минобороны РФ «Генерал-майор Александров» и медалью МВД «За содействие Внутренним войскам».

Лауреат Всероссийского литературного конкурса имени генералиссимуса А.В.Суворова 2021 года.

ЗАВТРА ЕДЕМ НА ВОЙНУ

БАЛЛАДА СУВОРОВЦЕВ

1791 года

Как ходили мы
Во далекий край,
Во далекий край –
На туретчину,
Басурман побить,
Пленным волю дать.
Истоптали там
Наши ноженьки.

Грудь под штык подставь
Да картечь прими,
Но вперед иди
Прям на ворога.
Бей, стреляй, коли,
Саблею руби.
Не жалея его,
Коль не падает.

Вел дружину в бой
Генерал-аншеф
Александр, что
Свет Васильевич –
То Суворов был –
Русский богатырь:
Ростом невелик,
А велик в делах.

Он с победою
Дружен был всегда,
Он умел беречь
Жизнь солдатскую:
Понапрасну он
Никогда не лил
Под лихой указ
Нашу кровушку.

Усмирили Крым,
Рымник славой стал,
Измаила час
Пробил молнией:
Мы пришли сюда
Не гостями – нет,
Чтоб на юг Руси
Враг пути забыл.

Как ходили мы
Во далекий край,
Во далекий край –
На туретчину,
Басурман побить,
Пленным волю дать.
И еще пойдём,
коли надобно.

Крым, 1999 г.

АФГАН ВО МНЕ

И проступившей на погонах солью,
И криком, искривившим рот...

Афган во мне живет вчерашней болью
И болью нынешней живет.

Мое сомненье он и отречение,
Тревожный невозможный сон,
Пророчество, прозренье, очищенье,
Последний крик, предсмертный стон.

Афган во мне – бой с рассеченной бровью,
Без права на победу бой.
Он для меня распятою любовью,
Грехом, забвеньем, слепотой.

Афган во мне четвертым измереньем
Поступков, жизней, бытия.
Афган во мне наивным поколеньем –
Мой прокурор и мой судья.

Он для меня – прицелов перекрестье,
В чужой стране чужой раздор.
Афган во мне – беда, а не бесчестье,
Не слава мне, не мой позор.

И на кладбищенской уснув постели,
Мне быть под этим же крестом:
Афган во мне, в душе моей и теле
Осколком, горечью, стихом.

Крым-Москва,
1988 г.

ПЕРЕСЫЛЬНАЯ ГОСТИНИЦА

Пересыльная гостиница –
Бабы, водка, перемат:
Позади – Москва и Винница,
Впереди – Кабул, Герат.

Пересыльная гостиница –
Жизнь не вечна, господа:
Ночью точно здесь привидится
Путь-дорога в никуда.

Пересыльная гостиница –
Все оставим на кону:
Скоро жизнь располовинится –
Завтра едем на войну.

Пересыльная гостиница –
Пей, гуляй, офицерá.

Тихо стрелка передвинется,
И звонок: «Пора, пора».

Московия, 1997 г.

ЖДЕТ РОДИМАЯ СТОРОНКА

Ждет родимая сторонка,
Отчий дом солдата ждет,
Только злая похоронка
Весть дурную принесет.

Мол, погиб, друзей спасая,
Смертью смерть поправ в бою.
Жди его, земля сырая,
Во кладбищенском краю.

Ты забудь его, невеста.
Мать, отец, дай Бог вам сил:
Под Гератом, не под Брестом,
Парень голову сложил.

На погостах взгляд печалит
Свежевыбитый гранит –
Боль чужая сердце ранит
И по-бабьи голосит.

г. Змиев Харьковской области,
2003 г.

ПИСЬМО ОТЦУ

(Из Украины с любовью)

В Подмосковье у вас все метели,
Здесь у нас проступает весна.
Ты давненько не носишь шинели,
Редко носишь свои ордена.

Папа, папа, ты выжил в Афгане,
Но за это себя не вини,
Успокойся, приляг на диване,
Отойди от войны, отдохни.

У меня всё идет по порядку:
Кончу школу, пойду в институт.
Рано утром встаю на зарядку,
Берегу в нашем доме уют.

Новый папа заботлив со мною,
Для него мама – доброй женой.

Как давно не видалась с тобою,
Что случилось, хороший, родной?

Приезжал дядя Юра недавно
И подарок мне твой передал,
Все шутил и смеялся забавно,
Мне дожить до ста лет пожелал.

Только я не хочу быть старухой:
Пусть он сам лучше столько живет.
Правда, с мамой простился он сухо –
Мол, торопится на самолет.

Жаль, что в этой России морозы,
Ведь на севере край твой родной.
Почему ты так любишь березы
И не видишься чаще со мной?

Здесь у нас зацветают каштаны –
Март, апрель, а потом будет май.
Приезжай и подлечатся раны,
Приезжай, приезжай, приезжай.

Одесса, 2003 г.

ТАЛИСМАН

(О собачьей верности и воинском приказе)

*Прощай, надежда; спи, желанье;
Храни меня, мой талисман.*

А. С. Пушкин

Мы уходили из Афгана
На Кушку – край родной земли.
Свою овчарку – Талисмана –
Саперы на броне везли.

Везли, от радости шалея,
Мол, дело кончено с войной:
Давно заждалась мать- Расея
Тот контингент с югов домой.

БОЕЦ ГВАРДЕЙСКОГО ПОЛКА

1.

Держа в своих мохнатых лапах
Удачу, отводя беду,
Знал Талисман тротила запах,
Душманов чуял за версту.

Пройдя в засадах свистопляску,
Штурмуя с группой перевал,
Бойцов не траченную ласку
Пес благосклонно принимал.

Тоску вселенскую по близким
И ностальгическую боль,
Уткнувшись в руку носом склизким,
Вмиг Талисман сводил под ноль.

Он укрощал людскую ярость,
Вильнув хвостом неуставно́,
Средь тех, кому изведать старость
Не всем Аллахом суждено.

Был Талисман лихим солдатом,
Хоть в штате части не стоял:
Бойцам являлся меньшим братом,
По службе – профессионал.

Зима. Февраль. Метель. Граница.
Приказ: «Собак в Союз не брать», –
Тех, с кем успели подружиться,
Нас принуждали предавать.

Приказ – внушительное слово.
Но мысль откуда-то взялась,
Что не имел в душе святого
Командой той проклявший нас.

«Начальства воле будь покорен»:
На этом армия стоит.
Запрет не может быть оспорен,
Хотя при нем и смерть иль стыд.

И проклиная долю злую,
Мы преступили за черту,
Где не различны зачастую
Добро и зло, живя в ладу.

Где могут именем сограждан
Покрыть предательство на раз.
Где честь, нам данная однажды,
Во смыслах мечется подчас.

Ветеринарных индульгенций
Псам не давая боевым,
С колонн снимали собаченций
По предписаниям штабным.

Сиротски выла песья стая,
Обиды славшая вдогон.

И в край отеческий вступаю,
Беду предчуял батальон.

ВОЖАК

2.

Среди отверженного клана
Признали сразу вожака –
Того сапера Талисмана,
Бойца гвардейского полка.

Он снова стал кому-то нужен,
Порукой – опыт боевой,
Притом с кем был с рожденья дружен
Сокрылись за погранчертой.

Но пес не веровал в измену:
Ее ошибкой полагал –
Людскую завышая цену,
Былых друзей не проклинал.

Сорбозы отгоняли свору
От приграничного поста:
Им шаг самим до приговору
И жесткость нравов – как с куста.

Один из них, пальнувши в небо,
Решился брошенок унять.
Но на обидчика свирепо
Вожак повел собачью рать.

«Сорбозы – не свои, чужие,
Служить им не велит Устав», –
Считали псы сторожевые
С покинутых постов, застав.

Затворы щелкнули проворно,
Мол, дальше стрельнем на убой.
Не отступил вожак покорно,
Не побежал с передовой.

Прыжок. И в руку лейтенанта,
Что рвеньем службы обуян,
Как будто – «Фас!» – дана команда,
Клыками впился Талисман.

Афганец возопив от боли,
Команду выдал на стрельбу.
И пули воздух пропорол,
Рядя собачую толпу.

На бойню семь минут хватило
И четверть часа – на дострел.
И снег пречистый обагрила
Почти что сотня мертвых тел.

Там Талисман лежать остался,
Добитый выстрелом в упор,
Коль чужакам не предавался
И не поверил в наш позор.

А за рекой полки встречали
Оркестры, флаги и цветы.
О псах почти не вспоминали,
Не зря от радости беды.

***

Мы предавали – было, братцы:
Вот вам напомнил день и час.
С того не стоит удивляться,
Что после предавали нас.

В помин собак не ставят свечи,
В церквах не молятся о них...
Стих не про нравы человечьи,
О верности собачьей стих.

Московия, 16 декабря 2021 г.

ДОРОГА К ХРАМУ

Мы все, братан, не без изъяна –
Все, кто вернулся с той войны:
Мы чужаками для Афгана
И для пославшей в бой страны.

Жизнь разыграла эту драму,
Суфлируя тебе и мне,
Но к своему пришли мы храму
На той неправильной войне.

Пусть недостойны звонкой славы,
Но это сможем пережить:
У развалившейся державы
На все ответа не спросить.

Пусть честь сберег отнюдь не каждый,
Пусть кто-то нынче сорняком:
Быть проще на войне отважным,
Чем в мирной жизни смельчаком.

Пусть мало кто обрел призванье,
Сняв с плеч армейскую шинель;
Не каждый выбрал покаянье,
Предпочитая буйный хмель.

Пусть за собой мосты сжигали –
Случалось, были на мели:
Все мчали в призрачные дали,
Хотя покой не обрели.

Мы – неприкаянные гости
На этом свете, а потом
Истлеют где-то наши кости,
Хотя, братишка, проживем.

Пусть не скупится жизнь на шрамы:
Привычны мы к такой цене,
Ведь к своему пришли мы храму
На той неправильной войне.

Москва, 1999 г.

Валерий Анатольевич Латынин.

Родился 19 мая 1953 года в станице Константиновской (ныне город Константиновск) Ростовской области в учительской семье. Окончил Алма-Атинское высшее общевойсковое командное училище имени Маршала И.С. Конева (1974) и заочное отделение Литературного института имени А.М. Горького (1987). Военный журналист, поэт, прозаик, переводчик. Полковник в отставке. Член правления Союза писателей России. Член Высшего творческого совета МГО СПР. Почетный член Содружества сербских писателей. Член Академии славянской литературы и искусств (Болгария,

Варна). Председатель Совета по национальным литературам Союза писателей России.

В различных издательствах России, Сербии, Болгарии, Черногории, Украины, Грузии и Азербайджана вышло 36 книг стихов, прозы, публицистики, поэтических переводов. Лауреат нескольких всероссийских и международных литературных премий, победитель 8-го Московского международного поэтического конкурса «Золотое перо». Стихи и переводы включены во многие российские и зарубежные антологии.

Лауреат Всероссийской литературной премии имени генералиссимуса А.В.Суворова 2006 года.

СУДЬБА – НЕПОСТИЖИМЫЙ ДИРИЖЕР

АЛМА-АТЕ

Алма-Ата, как первая любовь,
С курсантских лет в моей душе осталась.
«Как прекратить насилие, разбой?» -
Душа в разгар трагедии металась.

Там, где стране на верность присягал,
Где много раз парадный шаг чеканил,
Откуда, оперившись, улетал
С благословеньем бати Вачакана*.

Алма-Ата, красавица, прости!
Мы все в беде возникшей виноваты,
Что не могли несчастья отвести
От нашей общей Родины когда-то!

Разорванная плоть ее кровит
И здесь, и в Закавказье, и в Донбассе...
Болит душа и не молчать велит,
Хотя и числюсь много лет в запасе.

Но у души на возраст скидок нет,
Она готова с мракобесьем драться,

Чтобы увидеть будущий рассвет
Союза на доверии и братстве!

*1-й начальник Алма-Атинского ВОКУ генерал-майор Власов (Власян) Вачакан Рачиевич (14.10.1922 – 8.7.2003) – любимый «батя» курсантов разных национальностей, сплоченных в единую семью.

ГОРИТ ЗВЕЗДА

День за днем утекают года,
С каждым годом быстрее и быстрее,
Но горит надо мною звезда
Проводницей небесной моей.

На судьбу зря не буду роптать –
Кривопутьем она не вела,
Кем хотел, тем сумел в жизни стать,
Не лишен ни любви, ни тепла.

Честно людям служил и стране,
Но пустили ее на распил...
И непросто попасть нынче мне
В те края, что душой полюбил.

И в России теперь, что ни шаг,
Чьи-то земли, на вход в них запрет.
Торжествует Всевышнего враг,
Лихо пляшет под звоны монет;

Наши души купить норовит,
Отчуждает и ссорит людей.
Вроде, краше становится быт,
А людские сердца холодней.

Что нас ждет на тернистом пути,
Кто из ныне живущих поймет?
Все же, звездочка, ярко свети –
Не окончен еще мой поход!

СЛЕДЫ ТРАГЕДИИ

Муталипу Бептаеву

Среди чарующей природы,
На фоне гор, реки Черек
Следы трагедии народа
Не смог стереть двадцатый век.

Останки сел* с немым укором
На посетителей глядят,
Они – свидетели террора
Властей
И, вряд ли, их простят.

И как простить, когда отсюда
Балкарцев гнали, как стада,
Ломая жизнь и судьбы людям?
Кто возвратит народ сюда?!

Стоят покинутые башни,
Стоят дома – за рядом ряд
Безжизненно...
И видеть страшно
Трагедии корящий взгляд!

* Во многие балкарские села, население которых было насильно депортировано в марте 1944 года, некому было возвращаться после реабилитации.

БЛИЖЕ К ОСЕНИ

Утекает летняя отрада
И мелеет солнечный разлив,
Но еще пестрят на ветках сада
Ядра яблок, тучи спелых слив.

На рассвете неводы тумана
Тянет над рекою бледный день.
Память птицей рвется к теплым странам,
По пятам преследует, как тень.

Отлетали – карантин повсюду!
Будем дома лето провожать,
Радоваться маленькому чуду –
Журавлям, что над селом кружат.

Душу завораживают стаи,
К ним как будто примагничен взгляд.
Каждый раз, как птицы улетают,
Я грущу и жду весной назад.

День – все меньше, но длиннее думы,
Затихает чувственный пожар,
А в душе перебирает струны
Вдохновенье – светлый божий дар.

МОСКВЕ

Как мало теплых слов сказал
Тебе я, милая столица,
А ведь с тобой судьбу связал
И не намерен разводиться.

Здесь родилась моя семья –
Близ Яузы в «гнезде Петровом»,
Здесь появились сыновья
И отрастило крылья слово.

Благодарю за твой приют,
За все, чем щедро одарила!
Я с опозданием воздаю
Слова, что сердце накопило.

Давно уже теснится грудь
И восхищеньем, и любовью.
Цвети, Москва, и вечно будь
Не тенью Рима, а собою!

КИЕВСКИМ ПАНАМ

Риторикой нацистов – «Дранг нах Остен*»
Повеяло от киевских панов.
Не нужно Вангой быть иль Калиостро,
Чтоб предсказать провал затеи вновь.

У щирых** украинцев ум за разум
Перевернул предательский майдан.
Как опухоль, нацистская зараза
Разъела души и мозги славян.

Они уже не братья и не сестры
Ни русским, ни сородичам своим.
Трубят поход... Недавние погосты
Солдат погибших – не наука им.

В огонь ведь не полезут трубадуры,
Мальчишек сельских на убой пошлют.
И, если что, начальственные шкуры
За океаном обретут приют.

А людям жить там, где их предки жили,
На той земле, где родила их мать,
Свой хлеб и уголь добывать двужильно,
Растить детей, мир божий познавать.

Причин для распрей выдуманно много,
А жизнь Творцом дарована одна.
Ох, зря, панове, вы гневите Бога –
Отмщение получите сполна!

*Бросок на Восток (нем.).

**Истинный, настоящий (укр.).

ПРИЗРАК СЧАСТЬЯ

Всё хорошо, наверно, не у всех,
Как не у всех всегда по жизни плохо?
Всяк сам творит и счастье, и успех
В доставшейся с рождением эпохе.

На счастье и успех у всех свой взгляд,
По-разному их люди представляют –
Одни проникнуть на Олимп хотят,
Другие на печи прожить желают...

А призрак счастья – завсегдатай сцен,
Он, как погода в марте, многоликий...
Кто был счастливей все же – Диоген
Иль царь-воитель Александр Великий?

ДОЛИНА СЛАВЫ

Памяти Михаила Орешеты

Блуждает осень по Долине Славы*
И красит землю в пестрые цвета,
Все больше в желтый, бурый и кровавый –
Долина щедро кровью полита.

Готовились варяги не на шутку
Землю Кольской быстро овладеть,
Но оказались в мясорубке жуткой –
Немалый урожай пожала смерть.

Преградой стали Западная Лица
И мужество стрелков и пушкарей,
Они не дали егерям пробиться
«Нах Остен» летом здесь и в сентябре.

Бойцы большую цену заплатили,
Чтоб корпус Дитля отступил назад,
Не все еще нашли приют в могиле,
Под мхом на сопках до сих пор лежат.

Полками погибали, замерзали,
В атаку шли по снегу босиком**,
Но фронт в долине Лицы удержали
И в жутком сорок первом, и потом...

Три года перемалывали лавы
Отборных скандинавских егерей.
«Долина смерти» стала полем славы

*Долина Славы – мемориальный комплекс, созданный по инициативе писателя и краеведа М. Орешеты в 74 километрах от Мурманска на правом берегу реки Западная Лица, где в

июле-сентябре 1941 года было остановлено наступление егерского корпуса вермахта «Норвегия» под командованием генерала Дитля. Гитлеровцы прозвали это место «долиной смерти».

**Моряки-североморцы, принимавшие участие в боях на этом участке фронта, получили от союзников большую партию ботинок, подошвы которых были из прессованного картона и вскоре развалились.

ГЕОРГИЙ И МАРИЯ

«Марья-краса долгая коса»

Русская народная сказка

Им на военных перекрестках
Увидеться не довелось.
Кроваво-огненные версты
Она и он прошли поврозь.

Он – минометчик, «Ванька-взводный»,
Наместник грома в дни войны.
Она – связистка в части летной.
Дороги их разведены.

А вот судьба соединила
Пути их в первый мирный год,
И связь прошла с волшебной силой,
И грянул в чувствах миномет.

По жизни вместе зашагали
Два любящих фронтовика,
Их гарнизоны не пугали,
Хоть жизнь военных нелегка.

Сменялись должности, квартиры,
И часовые пояса,
Повсюду с бравым командиром
Бок о бок шла жена-краса.

Как в сказке, – с длинною косою,
Что сохранила в дни войны.
Он был всегда – ее героем
И верным рыцарем жены.

Она была – его опорой,
Отдохновением от дел,
Неунывающей, моторной,
Он горы с ней свернуть сумел.

Семь радостных десятилетий
Господь им щедро отпустил.
Немного сыщется на свете
Тех, кто в любви так долго жил.

И накануне дня ухода
Он ей о счастье говорил,
Перебирал, как четки, годы
И за любовь благодарил.

На сказку эта быль похожа,
Но здесь неправды – ни словца...
О, как хотелось бы мне тоже
Такого светлого конца!

ПОД ПЕРЕПЛЯС ДОЖДЯ

Танцор азартный истолок мне крышу
И продолжает истово плясать.
Хотя давно его дробушки слышу,
Он не мешает думать и писать.

Наоборот, под перепляс в июле
Веселого и шумного дождя
Бродяжка-Муза, словно в карауле,
Застыла рядом, глаз не отводя.

А в них вопрос:
«Не заскучал, мой милый,
И как тебе писалось без меня?
- Чего таить?
Я без тебя бескрылый,
Ни вдохновенья в сердце, ни огня.

Пусть пляшет дождь, твои дороги мочит,
Пусть вместе с ним резвится домовой,
Не уходи хотя бы этой ночью,
Я спел бы на два голоса с тобой.

Без вдохновенья не творить поэтам,
Тебе ли, фея, этого не знать?!
...Но дождь прошел.
И Муза скрылась где-то,
И некому за ветреность пенять.

РЕКВИЕМ АНСАМБЛЮ АЛЕКСАНДРОВА

Холодная, соленая волна
О берег черноморский шумно бьется.
В России, будто погасили солнце,
От скорбной вести замерла страна:

Трагически погиб военный хор,
Любимый и прославленный народом,
Как звездопад, сорвался с небосвода.
Судьба – непостижимый дирижер.

Но песни невозможно погубить,
Когда в них есть божественная сила.
Хор и оркестр, и генерал Халилов
Продолжат в небе души единить.

ПРЕОБРАЖЕНСКОЕ

«Детская утеха принесла мужеский триумф»

Надпись на стенде «Ботик Петра I»

Петра Романова отрада,
Российской славы огород...
Здесь, как отборную рассаду,
Растил он армию и флот.

Казалось, детская забава –
Игра в войну, английский бот,
Но путь к викториям держава
Из этого села начнет!

ЧЕТВЕРТЫЙ ЭСКАДРОН

Памяти казаков 4 эскадрона

37 Армавирского кавалерийского полка

50 Кубанской кавалерийской дивизии.

Речку у деревни Федюково
Стужа заковала в крепкий лед,
И по льду колонною крестовой
Танк за танком на Москву ползет.

Жала этой гидры многоглавой
Тянутся к окопам казаков.
А кубанцам не взметнуться лавой,
Не обрушить на врага клинков.

Конь в бою для танка не помеха.
Отпустили казаки коней
И собой заполнили прореху
В обороне армии своей*.

Нет на этом направленье пушек,
Ружей бронебойных тоже нет.
Кто огонь губительный потушит,
Даст врагу решительный ответ?!

Встреч «крестовым» поползли кубанцы,
Бросили в них огненную смесь.
Запылали танки... И германцы
Растеряли боевую спесь.

Откатились. Зализали раны
И опять полезли на рожон...
Снова танки вспыхнули кострами –
Бьет врагов четвертый эскадрон.

Снег пятнают вражеские трупы –
Больше роты их осталось здесь.
Эскадрон казачий не отступит
И погибнет, как писали,** весь.

Жизни отдадут бойцы лихие,
Но «блицкриг» противнику сорвут.
Так дрались кубанцы за Россию,
Так дрались кубанцы за Москву!

* 16 армия К.К. Рокоссовского.

*** В донесении командира полка сообщалось о гибели
всего эскадрона. Позже выяснилось, что несколько бойцов
остались живы.*

Сергей Викторович Лобанов.

Родился 7 марта 1989 года в г. Холмске Сахалинской области. Поэт, публицист. В 2011 году окончил Московский государственный гуманитарный университет имени Михаила Александровича Шолохова.

Публиковался в журналах и коллективных сборниках: «Воин России», «Рать», «Литературный Кисловодск», «Зеленый листок», «Белая акация», «Литературное Ставрополье», «Российский писатель» и других изданиях.

Участник IV Всероссийского совещания молодых литераторов Союза писателей России. Лауреат газеты «Российский писатель» в номинации «Новое имя РП» в 2021 году.

Член Союза писателей России.

Победитель Всероссийского литературного конкурса «Твой, Россия, сыновья!» в номинации «Поэзия» 2016 года.

Победитель Всероссийского литературного конкурса имени генералиссимуса А.В. Суворова в номинации «Поэзия» 2016 года и в номинации «Публицистика» 2018 года.

У ВЗЛЕТНОЙ ПОЛОСЫ АЭРОДРОМА

ПАРАД

А мы готовимся к Параду
И с каждым днем все тверже шаг.
Равнение держим мы как надо,
Звенят медали на ПШ.

А мы готовимся к Параду!
Надежно братское плечо.
Для нас усталость – не преграда
И нам ненастья – нипочем.

Совсем нелегкая работа –
Себя огранке подвергать.
Со лба стирая капли пота,
Мы будем вновь шагать, шагать.

И мы не вправе оступиться,
Мы завтра – главный строй страны.
Пройдем по площади столицы
В победоносный День весны!

КНЯЖЕСКИЙ ПРИВЕТ

Вскипело море, застонало.
Из глубины холодных вод,
Как будто солнце резко встало
И устремилось в небосвод.

Вдруг раздался первый выстрел,
«К бою!», – выпалил комбат.
Только бой был слишком быстрым –
Воевал один солдат.

Он, уснув в часы тревоги
На доверенном посту,
Сам себе шмальнул под ноги
На всеобщую беду.

Что приснилось Иванову –
Знает только Иванов.
Но не ждал комбат такого
От своих солдат-сынов.

Утром, как из автомата,
Разозлившийся комбат
Поливал отборным матом
Всех сержантов и солдат.

...До конца командировки
Каждодневно Иванов
Искупал грехи ножовкой,
Занимаясь пилкой дров.

ЗОЛОТАЯ МИНУТА

*«Не важно какой оттенок нашей кожи,
или разрез глаз – для врагов мы все русские!»*
Маргелов В.Ф.

Мы ротой убываем на прыжки...
Закончен инструктаж, идем к машинам...
В руках РД и спальные мешки,
В глазах – огонь, в движениях – решимость.

...КаМАЗы мчатся... Близится рассвет...
Но это утро встретим мы не дома,
А сидя на заветренной траве
У взлетной полосы аэродрома.

Спустя часы наденем купола...
И в долгом ожидании погрузки
Уснем в тени огромного Илá –
Кто – лежа на боку, кто – по-пластунски.

Но знаем мы – коротким будет сон –
Прервут его свистящие турбины
И в сотый раз, отдав земле поклон,
Мы выпрямим натуженные спины.

Зайдем попарно в русский самолет,
Где русский экипаж, где все по-русски,
Где бортмеханик русский кофе пьет,
Включив дежурный свет по-русски тусклый.

И будем ждать «подъема корабля»
В небесные, лучистые глубины,
Откуда пазлом кажется земля –
Ее леса, озера и лощины...

Взлетев, коснемся сизых облаков,
Прочертим путь в маргеловские дали,
Где нет ни дна, ни скал, ни берегов,
Где мы не раз всей ротой утопали.

Замедлив ход, «зайдем на боевой»,
Застынут цифры на высотемере,
Откроется неспешно грузовой,
А в след за ним – покоцанные двери...

И прежде чем сирена заревет
Навзрыд иерихонскою трубою –
В молитве тайной каждый проживет
Минуту, что зовется «золотою» ...

НА ВОКЗАЛЕ

На бетонном полу в теплом зале вокзала,
Как бывало не раз, разведрота лежала:

Кто-то спал, уместившись на узком картоне,
Кто-то грыз зубочистку и думал о доме.

Ночь давила на окна февральским морозом,
А разведчики ждали сигнал тепловоза,

Когда тот загудит, приближаясь к перрону.
Но согласно особому в жизни закону

Он, увы, не спешил... И дежурный диспетчер,
Сожалев, сказал: «Тепловоз ваш далече».

...На бетонном полу в теплом зале вокзала,
Как бывало не раз, разведрота лежала.

Крепкий сон одолел всех разведчиков, кроме
Командира-отца... Он стоял на перроне...

АРМИЯ РОССИИ

Тьма недругов у Армии России:
Завистников,
                                задир,
                                клеветников,
Советчиков – «военных знатоков»,
Которых об «услугах» не просили.

Они кричат из каждого угла
И если бы в лицо, но только в спину.
Забыв про честь, понятия отринув,
Вершат свои блошинные дела.

Смешны и жалки эти сумасброды,
Но глупость невозможно запретить.
Военной глыбе им не навредить,
Она едина с властью и народом.

Им точно не застать ее врасплох,
Не подорвать ее боеготовность,
Ведь в Армии России есть духовность,
Которой наделяет только Бог.

АРХЫЗСКИЕ СОСНЫ

Я не знаю, сколько лет
Этим древним соснам,
Много ль пережили бед
Страшных, смертоносных.

Много ль видели добра,
Или слишком мало,
Сколько раз от топора
Их судьба спасала.

Сколько тайн они хранят
В памяти дремучей,
Что друг другу говорят
На своем – скрипучем?

Знаю только, что они,
Как и мы – живые,
Видят красочные сны –
Полувековые.

И когда ночная мгла
Нежит их в объятьях,
Слышу стук сердец в стволах,
Шелест хвойных платьев...

ВОЗДУШНЫЙ ДЕСАНТ

Десантникам всех поколений

Средь нас немало тех, кому
Старуха-смерть в лицо дышала,
Когда за горло мы войну
Своим бесстрашием держали.

Когда не знали, что грянет,
Но не сдавались, не робели
И шли плечом к плечу вперед,
Как нас учил отец Маргелов.

Судьба доверила нам быть
Элитой с множеством традиций.
Мы любим небо, как любить
Его не могут даже птицы.

Оно окрасило берет,
Тельняшку, канты и погоны
В свой голубой, манящий цвет,
Коснулось флага и шевронов.

И вопреки всему и вся
Пусть знают все и все запомнят,
Что мы – десантная семья,
Наш дух никто ничем не сломит.

И мы себя не предадим,
Не предадим войска и Батю,
Его заветы свято чтим,
Для нас служить в десанте – свято!

ВОЗВРАЩЕНИЕ В СЕЛО

Вернусь в село...
Мои отец и мать
Уже в годах.
Деревья стали выше.
Кругом покой, ромашек благодать
И мох растет узорами на крыше.

Прижмусь спиной к заросшему плетню,
Прильну щекою к замершей березе
И над землею милою склонюсь,
Едва от счастья сдерживая слезы.

Ах, этот запах вспаханной земли!
В нем грусть моя, любовь и вдохновенье!
Всегда, куда б дороги не вели, –
Спешу домой с мальчишеским волнением.

...Моё село, как сотни тихих сел
С церквями на холмах под небом синим,
В объятии полей,
        лесов,
                озер,
Хранит крестьянские черты России.

НА ПОЭТИЧЕСКОМ ДЕЖУРСТВЕ

Я призван в Армию Искусства!
Берет десантный – набекрень.
На поэтическом дежурстве
Служу России каждый день!

Работаю над каждым словом,
Ведомый силой языка.
Пишу и возвращаюсь снова
К стихам, что правила рука.

...Дай бог, чтоб было все от Бога:
И мысли,
        и дела,
                и слог,
А промежуточным итогам
Лишь время подведет итог.

Евгений Валентинович Лукин родился в 1956 году. Поэт, прозаик, переводчик. Окончил исторический факультет ЛГПИ имени А.И. Герцена. Работал учителем и журналистом, проходил военную службу. Участник первой чеченской войны. Подполковник в отставке. Автор сорока книг поэзии и прозы. Член Союза писателей Санкт-Петербурга и России. Лауреат ряда литературных премий. Живет в Санкт-Петербурге.

Дипломант Всероссийского литературного конкурса имени генералиссимуса А.В.Суворова 2021 года.

ТАНКИ НА МОСКВУ

(главы из повести)

ПЕРСИДСКАЯ ЦАРЕВНА

1.

Город Грозный был очерчен красными ломаными линиями, иссечен синими рубцами обороны, исколот треугольными флажками наступающих батальонов. Условные значки на карте едва ли отражали действительность, которая то и дело вносила поправку – здесь войска заняли очередной район, а там столкнулись с ожесточенным сопротивлением. Настоящая картина боевых действий дымилась квадратами руин, пересекалась огненными пунктирами, бурела запекшимися пятнами.

Один из флажков хаотично метался по центру – штурмовой отряд, пробивавшийся к защитникам дома правительства, взятого в жесткое кольцо, почему-то заплутал на грозненских перекрестках. «Они там ошалели, что ли?» – кипятился генерал. Пометавшись, отряд вернулся на исходный рубеж, не выполнив задачи спасения. Выяснилось, что многие бойцы были нетрезвы, а экипаж головного танка вообще пьян в стельку.

Генерал приказал построить провинившихся перед штабом. Осоловевшие, чумазые, они стояли на плацу Ханкалы, сознавая, что никакого наказания не будет – воевать все равно кому-то надо. По безразличным лицам генерал понял, что этим молодым мужикам, наспех набранным на контрактную службу из русских захолустных городов и деревень, поздно что-либо говорить про долг, честь и прочие моральные абстракции. Нагловатая ухмылка командира танка Матюшкина окончательно разозлила. Отвернувшись, он бросил через плечо:

– Всех расстрелять!

Такого не ожидал никто. Зависла гробовая тишина. Вояки протрезвели в мгновение ока. Не зная, что и предпринять, они в растерянности переминались с ноги на ногу.

– Дайте последний шанс, – пролопотал кто-то.

Его угрюмо поддержали:

– Виноваты, исправимся.

Генерал стоял спиной к штурмовому отряду. Его глаза, красные от бессонницы, были неумолимы. Желваки под щетиной яростно вращались. Он думал о тех, кто из последних сил оборонялся там, в центре Грозного.

– Завтра, – в голосе звенел свинец, – завтра вы вытащите оттуда всех – живых и мертвых... Тогда прощу.

Он резко повернулся – контрактники неровно вытягивались, отдавая честь. Матюшкин вызывающе улыбался.

Ужин был скудным – рыбные консервы, репчатый лук, черный хлеб. Есть не хотелось. Сайра в масле осточертела – к ней так и не притронулись. Меланхолично жевали хлеб. Луковую горечь запивали сладким чаем. Предложение разговеться Матюшкин сурово отверг: «Сегодня пить не будем». О происшедшем не проронили ни слова. Молча закурили. Дым тяжелых раздумий заструился вдоль узорчатого ковра, который висел на обшарпанной стене казармы. Большая хрустальная ваза, служившая пепельницей, была наполовину заполнена окурками.

В дверную щель просунулся штабной майор Лисин. Отвечавший за высокий боевой дух войска, он практиковал задушевные беседы с подчиненными, и потому получил кличку Душещипатель.

– Однако у вас тут Эрмитаж, – майор хозяйским глазом осмотрелся по сторонам. – Коллекционируете?

Матюшкин смачно сплюнул в вазу:

– Не пропадать же добру.

Душещипатель согласно кивнул головой и хитро прищурился:

– Я вот что пришел, ребята. Вы, конечно, слышали о полководце Суворове. Он не проиграл ни одного сражения. А почему? Потому что у него был завет – сам погибай, но товарища выручай.

– А про денежное довольствие у него завета не было?

– Сулили горы золотые – ни черта не заплатили.

– Воюем за сайру.

– Так она же в масле, – извернулся Душещипатель. – Ребята, поймите, деньги – не главное, главное – Родину защитить.

– Моя родина – тверская огородина.

– У самих дома – сплошной разор.

– Матюшкин вон жениться затеял, а на какие шиши?

Разговор пошел наперекосяк, переключившись на тему, несподручную для майора. Ему нечего было сказать обозленным людям, которые все еще надеялись подзаработать на войне – другой работы в родных пределах для них не нашлось. «На что рассчитывали, дураки? – подумал офицер. – В лучшем случае получают копейки, да и те все равно пропьют».

Контрактники и так знали, что оставят кровный заработок в первом кабаке. Потому предпочитали публично обсуждать лишь будущую свадьбу командира, выставляя ее как образец всеобщих чистых помыслов. Отчасти Матюшкин был сам виноват в этом – однажды под хмельком он разоткровенничался, что хотел бы уважить невесту, как персидскую царевну. Теперь ему приходилось выслушивать сочувственные слова экипажа, которые попахивали тонкой ехидцей и корыстным интересом.

– Ну ладно, хватит лапать святое, – он решительно затушил окурочек о вазу. – Ты чего пожаловал, майор?

– Да вот, хочу знать, как завтра воевать собираетесь?

– Пошли с нами – увидишь.

Лисин опешил. Ускользая в дверную щель, выпалил:

– У меня – другое задание.

2.

Двинулись на заре. Дорожная пыль, слегка прибитая ночной сыростью, порошилась под тяжелыми траками бронемашин. Город лежал в развалинах. Они источали мертвенный холодок опасности. Казалось, за каждым изломом притаились боевики. Солнечные лучи насквозь прошивали пространство, исчезая в пробоинах зданий, опутанных ржавой арматурой. Августовский денек обещал быть жарким.

Мутная река Сунжа разделяла город пополам. По ту сторону моста, огражденного бетонными блоками, простиралась территория смерти – рядом с полуразрушенным домом торчал остов обгоревшего танка. Взрыв разворотил стальную махину, снес башню, огромное колесо закинул на балкон.

Матюшкин прильнул к окулярам. На первом этаже дома располагалось безымянное кафе – красочная вывеска, некогда зазывавшая прохожих, была покорежена. Осколки витрин вперемешку с битым кирпичом составляли беспорядочную мозаику на асфальте. В помещении стоял утренний полумрак. Виднелась пара поломанных стульев да столик, на котором горкой белела осыпавшаяся штукатурка. В углу валялись лохмотья прежней жизни. Внезапно они зашевелились, образуя призрачную фигуру. Фигура медленно приподнялась, повернулась к оконному проему, подала непонятный знак. Матюшкин разглядел лицо – в глазах застыла непроглядная ночь, золотистые волосы распустила печаль. На мгновение почудилось, что где-то они встречались. По крайней мере, этот взгляд, отражавший самую бездну, показался ему знакомым.

– Не стрелять! – скомандовал он. – Там девушка.

От полуразрушенного дома шел проспект, занятый боевиками. Проспект растворялся в потусторонней перспективе. Время от времени ее обозначали огневые точки противника. Выбрав позицию возле кафе, контрактники приступили к работе. Орудийные залпы дымными облачками выравняли противоположную линию зданий, гасили обнаруженные точки – Матюшкин последовательно уничтожал перспективу. В горячке боя он не заметил предательской вспышки, сверкнувшей позади, в оконном проеме. Танк дернулся, густая гарь заклубилась над ним. Командир откинул люк, выпалил: «Горим!» Экипаж выбрался из полыхающей машины. Вокруг невидимые пули высекали искры из камней, цокали по броне.

Кафе мерцало спасительным полумраком. На ступеньках битое стекло хрустело под ногами. Опаленная дверь была распахнута в пустоту. На полу валялись те же грязные лохмотья, только изрешеченные свинцом. Матюшкин присмотрелся – девушка лежала, обхватив руками большой живот. Она и мертвая пыталась уберечь таившуюся в ней новую жизнь. Сбившиеся пряди прикрывали черты лица. Бездонные глаза еще молили о пощаде.

«Сволочи!» – Матюшкин представил, как боевики притащили ее к безымянному кафе, как выставили живым щитом на последней черте, а потом хладнокровно пристрелили: нечего, мол, жалеть русскую потаскуху. Он поправил на оголенных коленях тряпки, стараясь напоследок сделать для нее хоть что-нибудь: «Спи, сестренка!»

Его обступили товарищи:

– Слышь, командир, здесь никого нет.

– Мы все проверили.

– Они ушли черным ходом.

– Айда обратно.

– Сегодня отвоевались.

Матюшкин взглянул исподлобья, процедил сквозь зубы:

– Мы сюда еще вернемся!

3.

Солнце стояло в зените. Тополя горели пирамидальными свечами. Знойное марево струилось над Ханкалой. Взвод солдатиков грязно-зеленой гусеницей продвигался по плацу

к общей столовой. Туда же спешили стайки штабных офицеров. Рядом вертелись приبلудные собачонки, надеясь на кухонные отбросы.

В столовой к жирному аромату борща примешивался терпкий запах пота. В распахнутые окна доносились отдаленные залпы орудий – в Грозном продолжался бой. Официантки в застиранных передниках порхали между столами, обслуживая штабных. За обедом те перебрасывались короткими фразами, которые свидетельствовали о таинственной причастности к идущему сражению и предназначались в большей мере девицам.

– Воюете?

– Воюем, – самодовольно подтвердил Душещипатель, зачерпывая ложкой борщовую гущу. – Вчера генерал задал жару этим контрактникам.

– Что, действительно хотел расстрелять?

– Да нет, просто страху нагнал. Зато сегодня Матюшкин второй танк под собою сменил. Опять полез в пекло.

– Герой!

– Какой герой? – возмутился майор, чуть не поперхнувшись капустным листом. – Типичный мародер. Всю казарму коврами завесил.

– Позор! Надо было расстрелять!

– Во-во! И я говорю – чего с такими цацкаться.

Подали гречневую размазную, политую мясной заправкой. Лисин старательно выковырил мелкие кусочки с жирком, не тронув остальное. Мятым платком вытер губы:

– Ну, пойдем драться дальше.

Выйдя на плац, он зашагал к штабу, левой рукой придерживая кобуру на поясе, правой – делая энергичную отмашку. Защитный козырек был надвинут на лоб, придавая офицеру суровый, воинственный вид. Официантки, щебечущие под окном, хихикнули:

– Вояка!

4

Штурмовой отряд возвращался в Ханкалу под вечер. Вереница танков, бронетранспортеров и грузовиков, крытых брезентом, растянулась от самого Грозного. Клубы горячей пыли, поднятой машинами, обволакивали придорожные кусты. Мотострелки сидели на броне – усталые лица пылали темно-кирпичным цветом.

Генерал молча выслушал доклад о выполнении задачи спасения, размашистым карандашом крест-накрест перечеркнул на карте злосчастное кольцо и покинул штаб. Колонну замыкал танк, подбитый при отходе из города. Его неспешно проволокли на стальных тросах мимо штаба. Генерал подозвал командира штурмового отряда:

– Кто?

– Матюшкин.

– А, – вспомнил генерал наговатую ухмылку танкиста. – Женат?

– Только собирался.

– Уже легче. Родители-то живы?

– У него, кажись, вообще никого нет – детдомовец.

Танк установили на площадке ремонтного батальона. Открыли жаркий люк – Матюшкин сидел недвижно, будто задумавшись. Одежда на нем истлела, однако еще сохраняла внешнюю форму. Попытались потянуть за рукава, но они зашелушились, обращаясь в пепел.

– Так не вытащим – рассыплется, – остановил прапорщик.

Началась печальная работа – ремонтники расширяли отверстие, подпиливали сиденье, готовя бойца к выходу. Должно быть, при жизни Матюшкин никогда не удостоивался такого внимания, какое ему оказывали сейчас. Наконец подогнали кран, пристегнули к сиденью ремни:

– Давай!

Задрезжала лебедка – Матюшкин вздрогнул, осторожно выплыл из тьмы, стал потихоньку подниматься в небеса. Он восседал в вышине, как на троне, откинув голову назад, будто всматриваясь в горнюю даль, и казался уже недостижимым столпившимся внизу людям. Легкий ветер обвевал его веки, сдувая серебристый прах, обнажая черные, выжженные глазницы. Последний луч солнца упал на смертный лик, окрасив шлем тонким пламенным венчиком. Кто-то грустно вздохнул:

– Вот тебе и персидская царевна!

ТЕНЬ

1.

Ночь выдалась ясной. Крупные звезды обжигали небесную твердь. От камней струилось тепло. На окраинах пулеметы изредка отзывались стальными молоточками. Приближался час ночного обстрела Грозного, и боевики переходили в безопасные подвалы. Улицы оставались без пристального снайперского присмотра. У офицеров, попавших в окружение, возникал шанс добраться до своих – под родным артиллерийским огнем. Другого выхода не было.

Накануне к общежитию, где они оборонялись третьи сутки, прибыл парламентар – молодеватый чеченец в зеленой головной повязке. Его сопровождала столичная журналистка, сутулая от собственной невзрачности. Суматошно вертясь, она забежала вперед, чтобы снять происходящее на небольшую видеокамеру. Позируя перед объективом, парламентар широко расставил ноги:

– Сдавайтесь – останетесь живыми!

– Так мы и поверили, – откликнулись сверху.

– Вам нечего защищать – сдавайтесь!

Боевик предложил подумать до утра, в противном случае к зданию подгонят бензовоз и всех сожгут. Не получив ответа, он отправился восвояси. Журналистка засемила следом.

– Сука! – ругнулся Анатолий, для подстраховки державший парочку на прицеле. – В Москве небось будет хвастаться, какая она героиня.

– Оттого и героиня, что знает – стрелять не станем, – Евгений лежал рядом, за мешками с песком. – А они сегодня спялят нас. Как пить дать спялят!

– Да нет, сегодня, пожалуй, они уже не ползут, – Анатолий отстранился от амбразуры. – Передохнем.

Передышка была недолгой. В соседнем переулке послышался приглушенный шум мотора. Вскоре показался бензовоз. Предупредительная автоматная очередь остановила продвижение – машина откатилась и замерла за углом нападения.

– Турин! – раздалось в коридоре. – Давай к Косолапову!

Подполковник Косолапов находился в дальней комнате. Хмурый, как туча, он не выпускал из рук обесточенную рацию, напрасно настроенную на сигнал надежды. На металлических койках сидели офицеры. Воздух был насыщен табачным дымом и тревожными предчувствиями.

– Значит так! – отчеканил подполковник, обращаясь к Евгению, как будто никого, кроме него, не было. – Дом правительства подожжен. Наши наверняка укрылись где-то по соседству. Ночью, как только заработает артиллерия, будем пробиваться к ним – группами по два-три человека. Пробежка минут на пятнадцать. Никуда не сворачивать. Ориентир – горящее здание. Все ясно, капитан?

Ожидание казалось томительнее затишья. Думать о том, что наших может не оказаться где-то по соседству, не хотелось. Наконец ночные небеса разразились громами – орудия били методично, по площадям. Вспышки рвущихся снарядов нависали над общежитием

огненной гирляндой. «Пошел!» – прозвучала негромкая команда, и Турин шагнул в неизвестность, наполненную свистящими осколками и горячей пылью.

Впереди бежал Анатолий, показывая товарищу верное направление – будучи новичком, тот толком не знал маршрута. Движение затрудняли рытвины и обломки. «Черт!» – оступившись, капитан с размаху грохнулся наземь. В это мгновение страшная слепая сила поразила Анатолия в голову. Бегущее тело, судорожно взмахнув руками, куда-то полетело. Турин прижался к земле, стремясь слиться с ней, превратиться в придорожный камень или даже отгиск камня, лишь бы избежать смертельного удара. Последовал оглушительный грохот – неподалеку разорвался минометный снаряд.

2.

Наступила тишина. Турин открыл глаза: взметенная пыль мало-помалу оседала, и очертания городских развалин прояснились. Улица обретала лунную перспективу. По ней, размахивая руками, продолжала двигаться странная тень. «Анатолий!» – попытался крикнуть вдогонку капитан, но спохватился – тот вряд ли его теперь слышит. «Куда он бежит? – недоумевал Евгений. – Он же не видит дороги». Однако оставаться одному среди неведомых руин было еще страшнее, и Турин поторопился за своим проводником.

Они без передышки неслись от здания к зданию, от перекрестка к перекрестку. Пустые впадины окон, казалось, безмолвно наблюдали за пробегом. Оторванные рамы покачивались в вышине, хлопая черными крыльями. Дома то громоздились, то, рассыпаясь в прах, образовывали фантастический рельеф. Подбитые звезды падали к ногам раскаленными частицами.

Временами тень замедляла шаг, стараясь определить путь. Затем срывалась и бежала, словно спасаясь от погони. Турину подумалось, что они ни в жизнь не найдут выхода. Слабый отсвет огня подал надежду – тень, сделав очередной взмах, нырнула в проем.

Подвал дома был едва освещен ночником. Вдоль бетонной стены бледнели расплывчатые лики. Турин с трудом признал ту самую парочку, которая днем подходила к осажденному общежитию.

– Слушай, – шептал чеченец, – мы их не звали, они пришли сами. Они бомбили, город горел. Отец шел домой – не дошел. Мать видела – его разорвало на куски. Слушай, старик ничего им не сделал. За что они его убили?

Скользнувшее мимо видение заставило насторожиться. Боевик поднялся, пошарил по углам, но ничего, кроме тени, распластавшейся на цементном полу, не обнаружил. Та еще дышала, выхаркивая из рваного горла кровавые ошметки. Журналистка прижалась к стене, посверкивая острыми глазками. Зубы издавали мелкую дробь. Усмехнувшись, боевик протянул оружие:

– Добей, Аннушка!

Аннушка вцепилась в пистолет двумя руками. Мушка подпрыгивала и никак не хотела остановиться на колышущемся пятне. Будто почувствовав запредельную угрозу, тень медленно привстала и, распахнув неминуемые объятия, двинулась вперед:

– Сука!

Хрипящий утробный звук смешался с грохотом – минометный снаряд разорвался прямо над входом в подвал. Все растворилось во вздыбленной мути.

3.

– Вставай! – кто-то энергично тряс Турина. – Вставай!

Капитан поднялся, стряхнул пыль. Зыбкая улица покачивалась, меняя направление к звездам. По улице друг за другом бесшумно передвигались офицеры, успевшие покинуть

общежитие. Косолапов склонился над телом Анатолия, вынул документы из нагрудного кармана. Подошел к капитану, тяжело похлопал по плечу:

– С боевым крещением, братишка!

Время подгоняло. Те же пустынные дома и перекрестки, те же крылатые рамы и двери вновь закружились дьявольским хороводом. Но теперь они казались Турину знакомыми, словно он повторял только что пройденный путь. Отблески пламени высветились впереди. «Ориентир – горящее здание», – вспомнил капитан недавнее наставление, подумав, что отныне для него и не существует другого ориентира. Свет разжигался все ярче и нестерпимее. Рушились балки – сверкающие черные хлопья веером разлетались по воздуху. Глаза слезились от жара, и бежавшие впереди люди становились неразличимыми.

– Не отставай! – кричали они. – Не отставай!

Турину почудилось, что и сам он уже превратился в некую тень, которая вот-вот улетучится. Смахнув слезы, взглянул на бушующее пламя – вблизи полыхал бензовоз, а над бензовозом, в опаленных окнах общежития, металась огненные призраки – наши!

МЕДАЛЬ

1.

За штурм Грозного майор Лисин был представлен к медали. Медаль хоть и носила имя великого русского полководца Суворова, но почему-то числилась второстепенной: ее мог получить всякий, кто околачивался в районе боевых действий. Это была сушая правда: во время штурма майор ни разу не вышел за пределы гарнизона, ни разу не встретился с врагом в открытом бою, а только наставлял солдат, как следует по-суворовски сражаться.

«Кто остался жив, тому честь и слава!» — пошучивал Лисин, считая награду заслуженной. За дополнительным свидетельством своей доблести майор отправился к Капитонычу — хозяину оружейной комнаты. Старый служака, неизменно пребывавший в состоянии добродушного запоя, без прекословий выдал каску, бронежилет, пулемет. Лисин натянул амуницию, встал под российским триколором и потребовал запечатлеть себя.

— Супруге фотографии покажу, — пояснил он Капитонычу. — Будет уважать больше.

В казарме хвастливые снимки вызвали приступ хохота. Офицеры наперебой предлагали Лисину намалевать на лбу легкое ранение, прицепить сбоку кинжал и сфотографироваться в окопчике, вырытом позади казармы. Последний совет его возмутил:

— Это ж не окопчик, а помойка какая-то!

Против кровавой гуаши и декоративного оружия он не возражал.

По случаю награждения майора Паша Морячок устроил баню. Баня представляла собой небольшое каменное сооружение, где стояли бочка с холодной водой да лавочка с тазиком — ни парилки, ни горячего душа. Однако это не мешало всеобщему торжеству — рядом, на площадке ремонтного батальона, было вдоволь технического спирта, слитого с подбитых бронемашин. Белесая жидкость так смердела, что пролетавшие мимо мухи падали в обморок.

Старший лейтенант Глебов появился в самый разгар праздничка. В предбаннике Лисин разводил очередную порцию зелья:

— У меня глаз алмаз — отец был провизором.

— Не переборщи, аптекарь! — подтрунивал Паша Морячок.

Майор пригубил разбавленный спирт и расплылся в улыбке:

— Отра-ава!

Старшему лейтенанту тут же предложили штрафную. Глебов поднес кружку ко рту. В ноздри ударил сивушный дымок, к которому примешивался резкий запах шин, обгоревших на чеченских дорогах. Зажмурившись, он залпом выпил убийственный настой, перевел дыхание, подтвердил:

— Сдохнуть можно.

Офицеры одобрительно зашумели, зазвякали посудой. Глебов нашел свободное место, стал раздеваться. Серый камуфляж насквозь пропитался солью, отчего на сгибах похрустывал. Едкий пот размыл полосы на тельняшке. Старший лейтенант скинул берцы, по щиколотки погрузился в склизкую черную жижицу, которая толстым слоем покрывала пол.

2.

Жижица хлюпала под ногами — сильный дождь разбил дорогу. Дорога, петлявшая между густыми деревьями, называлась зеленым коридором. По ней тянулась печальная вереница беженцев, покидавших разрушенный Грозный. Скорбные старухи тащили немудреный скарб. Женщины вели за руки детей, которые босыми ножками чмокали по грязи.

Глебов стоял в оцеплении. Ему было сказано, что среди беженцев могут оказаться переодетые боевики, — требовалось их вычислить и без лишнего шума отсечь. Третий час он смотрел на непрерывное шествие горя. Солнце пекло нещадно. Одной старухе стало плохо. Она распласталась на пригорке.

— Бабушка, бабушка! — тряс ее за подол мальчуган.

Подбежали солдаты с носилками.

— Отнесите в лавку, в лавку отнесите, — умоляла она.

— Мамаша, какая лавка? В госпиталь!

— Нам бы в лавку с Ванечкой.

«Не затерялся бы по пути пацаненок, — озаботился Глебов. — Старуха-то, видать, совсем спятила от голода». Его бабке, пережившей ленинградскую блокаду, тоже мерещились прилавки, полные продуктов. Когда померла, под кроватью нашли мешок гречки и окаменевшую грудку поваренной соли: покойница тишком готовилась к голодной вечности.

Мужчин среди беженцев не просматривалось. Изредка попадались подростки, но они были с матерями, которые поднимали истошный вой, как только старший лейтенант норовил для проверки отвести кого-то в сторону. Уже под вечер он заприметил колченогого — тот угрюмо ковылял по дороге, исподлобья зыря на оцепление.

— Ваши документы? — остановил его Глебов.

— Я — член Союза писателей СССР! — вспыхнул колченогий. — Я стихи о Ленине писал!

— Да хоть о Мао Цзэ-дуне.

На предъявленной красной книжице золотился профиль вождя, под ним мерцали литеры великой страны, навсегда ушедшей в небытие.

— Так, так, — Глебов раскрыл документ. — Удостоверение не действительно.

— Как не действительно?

— Такого государства уже нет, да и вождь, так сказать, повержен. Придется пройти со мной.

— Я буду жаловаться!

— Куда?

— В Москву буду писать.

— Ну-ну.

Пули рассыпались веером, пробивая плотную листву, взметая бурые фонтанчики. Раздались крики — беженцы бросились кто куда. Оцепление попадало наземь. Солдаты озирались вокруг, стараясь понять, откуда ведется огонь. Но стрельба оборвалась — выпалив наугад, невидимые стрелки скрылись в ближайших руинах.

— Гады! — чертыхнулся Глебов, поднимаясь. — Только и умеют бить из-за угла.

Колченогий лежал рядом, уткнувшись лицом в жижицу.

3.

Из баньки возвращались навеселе. Настроение было легкое, почти воздушное. Вспоминалась полевая дорога, березовые перелески, небо в белых облачках. Эх, Русская земля, ты уже за холмом!

В казарме бушлаты стояли ратным строем. На деревянном столе луковицы пылали семиглавым собором. За столом сидел подполковник Косолапов — мрачный, как солнечное затмение.

— Помылись? — проокал он, точно деревенский батюшка. — А чего на лаптях грязь?

— Ее разве отмоешь? — Лисин прошлепал по казарме, оставляя мокрые следы. — В бане весь пол загажен — вот и топали босиком.

— Это верно, — вздохнул Косолапов. — Теперь нам никогда не отмыться — объявлена капитуляция.

Внезапная весть ошеломила. Стало понятно, что свершилось неслыханное предательство. В самый канун победы, когда только и оставалось добить врага в его логове, Москва вдруг решила замирииться с ним. Одним махом все становилось бессмысленным — война, смерть, кровь.

Голубоглазая бутылка засияла на столе, как минарет. Офицеры расселись кругом. Из приемника донеслось гнусавое пение. Косолапов мусолил в зубах сигарету:

— В общем, мужики, приказано зачехлить орудия и — по домам.

— Как отступать будем? — усмехнулся Глебов. — Строевым шагом или мелкой рысцой?

— Будем двигаться, как учил великий полководец, — поднял кверху назидательный палец Лисин. — Наденем ветры и — вперед.

Наступило похоронное молчание. Паша Морячок задумчиво скреб ногтем по столу. Косолапов елозил окурком по краям кружки. Глебов, криво улыбаясь, вынул пистолет, приставил дуло к губам, свистнул:

— Эх, товарищ майор, жалко мне тебя — суворовскую-то медаль придется припрятать.

— Это почему?

— Жена не поймет — война проиграна, а ты награду получил. За что? За пособничество врагу?

— Награды не прячут, награды демонстрируют. А супруге скажу — пожаловали за бесстрашную эвакуацию.

— Ловкач!

— Завидуешь? — рассмеялся Лисин. — Сам, наверное, такую медаль не прочь нацепить?

— Спасибо. Мне теперь и ветров на ногах довольно...

За окном угасал вечер. Горы окутывала сизая роздымь. В оружейной комнате Капитоныч пересчитывал патроны.

— Личное оружие тоже сдать! — приказал он.

— Зачем?

— Чтобы в сердцах кого не подстрелил.

Пистолет забился в угол, как щенок. Лишившись стального друга, Глебов почувствовал себя одиноким и беззащитным. Вдалеке в горных расселинах кружились волки, выли на луну — серебристую, словно медаль.

ТАНКИ НА МОСКВУ

1.

На этом кладбище не было ни крестов, ни деревьев, ни певчих птиц. Оно раскинулось на большом пустыре, поблизости от железнодорожной ветки, представляя собою скопище

бронемашин, подбитых во время штурма Грозного. Картина впечатляла: искореженные танки зияли развороченными внутренностями, железные гусеницы застыли на земле расчлененными лентами, перекошенные стволы орудий были забиты прахом. Вся эта техника, некогда блиставшая свежей зеленой покраской, имела пепельный цвет с красноватыми адскими отпечатками.

Капитан Турин отыскал боевую машину пехоты, на которой сохранилась трогательная надпись: «Любовь». Командир экипажа написал имя любимой, веруя, что любовь, прекрасная и вечная, чудесным образом защитит его от смерти. На площади Минутка, где разгорелся жестокий бой, машина была подбита. Командир приказал отходить небольшими перебежками. Экипаж покинул горящую машину и сразу же попал под шквальный пулеметный огонь. Командир был подкошен меткой очередью, не успев произвести ни одного ответного выстрела. Вскинув руки, он упал рядом с поверженным металлом. В тускнеющих глазах читался упрек — увы, любовь не укрыла, не уберегла.

Турин оказался на площади через неделю после безуспешного штурма. Боевик, сопровождавший его в печальном странствии по городу, намеренно привел сюда. От машины тянуло резиновой гарью. Вокруг беспорядочно валялись трупы, навсегда замерев в небольших перебежках. Командир все так же лежал рядом с обгоревшей броней — лицом к своей любви. Вернее, лицо у него уже отсутствовало: оно было изъедено копошащимися опарышами. С костлявых пальцев белыми капельками стекала наземь червивая смерть. Командир уже не был командиром. Зловеще оскалившись, мертвец хохотал над жизнью с той стороны бытия. «Так будет с каждым русским солдатом», — угрюмо пообещал боевик. Капитан посчитал излишним отвечать...

Он подошел к машине. Нежное имя еще хранило родное тепло, еще обещало ласку и бесконечное счастье. «Любовь, наверное, не знает, что ее любовь погибла, — подумал Турин. — Хорошо, если она не узнает об этом никогда. А если узнает, то никогда не поверит. Ну а если поверит, значит, это была не любовь».

Капитан огляделся: на каждой броне ему мерещились огненные знаки любви, которая, сгорев в яростном пламени ненависти, преобразилась в иную, небесную ипостась. Осенний ветер дул с надтеречных равнин, поднимая в воздух сухую горьковатую пыль, извлекая из открытых броневых ран протяжный звук.

Рынок находился рядом с железнодорожными путями. Торговый ряд был малочислен: две чеченки притаились за прилавком с нехитрой снедью, мальчишка цыганисто тасовал пачки дрянных сигарет, молодой джигит присматривал за ними. Турин прошелся туда-сюда — что-то его здесь настораживало. Ну конечно, догадался он, рынок был безмолвным, как соседнее кладбище. Чеченки в траурных платках сидели на ящиках, опустив глаза, тихо покачивались. Мальчишка смотрел волчком. А джигит вообще гордо отвернулся, будто не замечал единственного покупателя.

За переездом раздался предупредительный гудок локомотива, лязгнули сцепления — и длинный состав тронулся. На платформах под выцветшим брезентом покоилась бронетехника, которую охраняли солдатики. Эшелон уходящей войны двигался мимо торгового ряда, набирая скорость.

— Эй, дорогой! — неожиданно окликнул джигит, когда поезд исчез вдали. — Что надо — скажи!

— А что есть? — Турин понял, что недружелюбный настрой сменился некоторым расположением.

— Водка есть. Тушенка есть. Все есть.

Он вытащил из-под прилавка два ящика — один с белоголовками, другой с консервами. Однако назначенная им цена оказалась немислимой. «За что купил, за то и продаю», — занял торговец позицию упрямого барана. У Турина особых денег не было, но и заявляться в гости без подарка представлялось неудобным. Пришлось прибегнуть к старинному способу, не раз проверенному на восточных базарах. Изобразив невинную улыбку дервиша, капитан доверчиво протянул несколько купюр:

— Больше нет.

Чеченец брезгливо взял деньги. Пересчитав, поставил перед нищенствующим бутылку водки и банку тушенки. Капитан надеялся на более веселый расклад, при котором спиртное удваивалось, а закуска отсутствовала вовсе. Но, прочитав на небритом лице весь ругательный лексикон мира, предпочел любезно расстаться:

— Тебя как зовут?

— Турпал.

— Спасибо, Турпал.

Паша Морячок праздновал день рождения. По этому случаю в палатке собралось несколько офицеров. Это был весьма колоритный народец со всех четырех концов земли. Сибиряк Николай под два метра ростом соответствовал нарукавной нашивке с изображением северного медведя. Рядом с ним рыжеусый Федька выглядел слегка потрепанным котом. Он отличался мягким южнорусским говорком, потому мурманчанин Никита, тряся хитровой бородкой, лукаво обращался к нему не иначе как «господин охвицер». На эту пеструю компанию, вытянув гусиную шею, взирал Черепанов — майор московский, лубянский и прочее, и прочее.

Именинник накрыл стол, посреди которого возвышался минометный снаряд, предварительно заправленный сорокаградусной жидкостью, а по бокам в виде бронзовых стопок стояли шесть колпачков от взрывателей. Необычная сервировка позволяла не столько замаскировать виночерпие, запрещенное в действующих войсках, сколько слегка облагородить его. «Заряжай!» — командовал хозяин, и сибиряк Николай, ловко наклонив снаряд, разливал по стопкам позеленелую водку. «Огонь!» — и гости обжигали глотки хмельным.

Капитан вошел в палатку, когда произносился поминальный третий тост. Погибших перечисляли поименно. Пролитая братская кровь объединяла сильнее, чем пресловутая любовь к отчизне. Турин завершил печальный список Анатолием, павшим при штурме Грозного.

Воцарилось тягостное молчание. Офицеры ели черный хлеб, замешанный на тяжелых воспоминаниях. Многие из них видели гибель товарищей: кого-то сразила меткая снайперская пуля, кто-то сгорел на пылающей броне. Постепенно душевная горечь перерастала в глухую ненависть. Никто не называл виновника этих страшных бедствий, так неожиданно выпавших на долю русских и чеченцев, но каждый сердцем знал — это Он.

Он олицетворял собою абсолютное зло. Даже боевики, подло стрелявшие из-за угла, не вызывали такого ожесточения. По крайней мере, они считались врагами, достойными снисхождения, хотя бы потому, что были умыты общей кровью.

— Говорят, боевики ему орден вручили.

— Какой еще орден?

— За победу над Россией.

— Вот черт трехпалый!

— Всю страну опустил.

— Лучше бы катился в свою Америку.

Сам собою созрел очередной тост, не обещавший трехпалому черту ничего хорошего. На его голову призывались все громы небесные, все силы ракетные, а самый мощный заряд посылался в специальную цель ниже пояса. Как бы показывая сокрушительный потенциал направляемого заряда, Паша Морячок потряс в воздухе банкой тушенки, которую Турин выставил на стол вместе с бутылкой. Глухой твердый стук заставил всех замереть — в банке было что угодно, только не консервированная говядина. Паша еще раз встряхнул банку — необычный стук повторился.

— Надо же! — он присел на лавку. — Какой интересный подарочек!

— Дай сюда, — Николай достал армейский тесак. — Сейчас посмотрим, что там брякает.

Мягкая жесть легко кромсалась. Под вспоротой крышкой находилась граната, аккуратно упакованная в газету. Сбоку колокольчиком позвякивал детонатор. С таким искусным изделием никто из присутствующих еще не сталкивался — оно состояло из двух пустых банок, умело составленных по принципу матрешки, куда помещалась смертоносная «тушенка». Естественно, вопросительные взгляды обратились на капитана, который и без того был обескуражен:

— Откуда?

— У Турпала купил.

— Кто такой?

— Здесь, на железке, торгует.

— Гранатами?

— Ага, мандаринами, — огрызнулся Турин.

Рыжеусый Федька хихикнул. Следом разразился хохотом Никита, загоготал луженой глоткою Николай. Даже надменный московский гусак Черепанов улыбнулся.

— Мы — из Кронштадта, — похвастался Паша. — Нам, балтийцам, положены боевые подарки.

— В следующий раз, капитан, купи ему какую-нибудь бомбу.

— Он как раз в ту сторону скоро полетит — пусть нанесет точечный удар.

— Для специальной цели, — прикинул именинник, — хватит и этой банки.

Турин вышел из палатки. На железнодорожных путях шла погрузка отвоевавшей бронетехники — ее отправляли на переплавку. Наблюдая за передвижением изувеченного железа, капитан размышлял о трагическом как бессмысленном и бессмысленном как трагическом. Все вокруг обнаруживало великий абсурд. Минометные снаряды заряжались водкою, в банках вместо тушенки находились гранаты. В зыбком мире повсюду таилась война.

Грозное солнце заходило над Грозным. Закат сливался с багровым отсветом неугасимых городских пожаров. Небесная мистерия, смешавшись с земной трагедией, сгорала в едином сплаве бытия.

2.

Турину казалось, что он смотрит военную кинохронику. Скрежеща разбитыми гусеницами, обгоревшие танки тяжело карабкались на платформы. Следом ползли бронетранспортеры, дымя чудовищными пробоинами. Включили прожектора, и погрузка — с лязгом стальных тросов и ревом мощных тягачей — обрела кошмарную подсветку.

— На рынке никакого Турпала нет, — из темноты проявился Паша Морячок. — Мы обшарили все прилавки.

— Так он и будет тебя дожидаться, — усмехнулся Турин. — Наверняка распродал свой гранатовый товар и свалил.

— Сдается, он где-то здесь, — повел рыжими усами Федька.

— Пошукаем, господин охвицер? — Никита зажег карманный фонарик.

Офицеры двинулись вдоль состава. Пытливый луч заскользил по мрачным силуэтам войны. На этот раз какой-либо конвой на платформах отсутствовал, потому что не имело смысла охранять состоявшуюся смерть. Дойдя до локомотива, товарищи побрели назад.

Вслед за гудком состав дернулся и медленно пополз в темноту. Неожиданно впереди мелькнула летучая тень. Взрыв на платформу, тень мгновенно растворилась в железных нагромождениях. «Это он! — крикнул Турин. — За мной!» Офицеры бросились к отходящему поезду, запрыгивая на ходу.

Густой мрак, смешавшись с угольным дымом, почти сразу обволок эшелон. Колеса посекудно застучали на стыках, измеряя ночное пространство и время. Бронемшины покачивались в такт сумасшедшему движению. Вверху гудели крылатые люки, внизу скрипели колодки, подпирая непосильный груз. Преследователи приступили к тщательному

поиску. Неугасимый пожар Грозного, озарявший полнеба, позволял кое-как ориентироваться в темноте. Они тщетно обходили нагромождения: джигита нигде не было. На тринадцатой платформе оказалась та самая машина — с трогательной надписью о любви. У Турина захолонуло сердце: «Он здесь!»

Офицеры окружили машину. Федька кошкой метнулся к башенке, сибиряк грудью перегородил волнодержатель, символизируя могучий утес. Луч фонарика юркнул внутрь. Турин заглянул в полумрак, выжженный беспощадным огнем. Чеченец спал мертвецким сном, прислонившись к бойнице. Перед ним стояли два ящика — один с белоголовками, другой с консервами. «Туточки!» — выдохнул капитан и осторожно спустился в машину, призвав остальных следовать за ним. Острый луч резанул по лицу:

— Куда держим путь, Турпал?

Джигит спокойно открыл глаза, как будто и не спал мертвецким сном, а лишь слегка подремывал, дожидаясь ночных спутников. Присмотревшись, он узнал среди офицеров Турина, приветливо кивнул как старому знакомому и глухо ответил:

— На Москву!

Ответ всех обрадовал. Никто не стал расспрашивать, что джигит будет делать в столице, зачем прихватил с собой ящик смертоносной “тушенки”, — и так было понятно. Все вдруг успокоилось, принялись устраиваться поудобнее. Незамедлительно поступило предложение продолжить пиршество, невзирая на странные обстоятельства. Белоголовка пошла по кругу — вперемешку с хохотом.

— С днем рождения, Морячок!

— Гаси фонарь на корме.

— Небось мимо рта не пронесем.

— Закусим гранатами?

— Обойдешься, господин охвицер!

— Нечего разбазаривать боеприпасы Родины.

Расположившись рядом с чеченцем, Турин оказал ему внимание. Однако тот наотрез отказался пить горькую. Казалось, он отчужденно предался дремоте, как заунывной минаретной молитве. Что-то таинственное заключалось в этом молодом джигите. Капитан вспомнил о том волнении, какое только что испытал, приблизившись к машине, обозначенной сердечным заклинанием.

— Турпал, почему ты выбрал именно эту машину?

— Потому что она — моя.

— Как твоя?

— Я ее подбил, значит, она — моя.

— Так это ты убил любовь?

— Обижает. Я любовь не убивал, я машину подбил.

Дальше разговаривать было не о чем. Конечно, по-своему чеченец был прав: подстреленная добыча переходила в его собственность. «Мы воевали с пятнадцатым веком», — с горечью заметил капитан.

Сумрачный поезд мчался по гулкой колее, преодолевая расстояния между полями и реками, городами и весями, шлагбаумами и звездами. Поверженная армада неудержимо неслась в глубь материка. И уже никто не в силах был ее остановить.

Незаметно отсвет грозненского пожара сменился на холодный мертвенный блеск станции. Капитан прильнул к бойнице: неоновые вывески благополучия замелькали перед ним. Иностранские названия прыгали перед глазами. Красотки манекенши завлекали в стеклянный рай магазинов. Дорогие закусочные вызывали слюнотечение. На улицах нарядная толпа стремилась к бездумному и радостному.

Капитан высунулся из машины — танковая колонна, громокая по брусчатке, уверенно двигалась вперед. Казалось, в опаленных люках мерцали призрачные лики погибших при штурме Грозного. Суровые, в обгорелых шлемах, они с ненавистью дергали рычаги. «Врагу

не сдается!» — загремела песня о последнем параде. Регулировщики полосатыми палочками указывали путь. Голубые милицейские фонари угодливо подмигивали.

Красная площадь стояла на часах, отсчитывая вечность. В вышине светилась рубиновая идея, раскинув пятилучие по сторонам. Куранты пробили полночь, и марширующие остановились напротив гранитного мавзолея. Изогнутые стволы орудий выпрямились по струнке, когда на головной танк торжественно поднялся Он:

— Глотайте, сколько можете!

Призыв подействовал магически — колонна, неуклюже развернувшись, двинулась на Кремль. Бронированные челюсти вгрызлись в зубчатые стены. Они кромсали красные кирпичи, похрустывая могильными косточками. Пожирали золотые купола соборов, как многоглазую яичницу. Отплевывались вишневыми ядрами царь-пушки. Рубиновая идея пошла на десерт.

Вскинув трехпалую конечность, вождь наслаждался невиданным зрелищем. Затем, демонстративно оттопырив зад, взмахнул дирижерской палочкой, и барабанщик ударил по пустым черепам. Заиграл дьявольский оркестр — трубач дул в берцовую кость, ксилофонист постукивал по обглоданным ребрышкам, скрипач распиливал смычком обескровленные жилы. На трибуне мавзолея исполнялась классическая какофония — номер 666.

Капитан вернулся в машину. Экипаж готовился к последнему решительному бою. “Аллах акбар! — бормотал Турпал, как будто предчувствуя близкую смерть. — Врагу не сдается Аллах акбар!” Сибиряк туго забивал консервную банку в пушку. Паша Морячок отыскивал в окулярах специальную цель ниже пояса.

— Никак не взять его на мушку, — пожаловался наводчик. — Сильно виляет задом, гад.

— Видать, он полагает, что мы — америкосы, — хихикнул Федька.

— Отставить смех! — нахмурился Турин. — Надо как следует угостить друга... чтоб запомнил навсегда.

— Есть цель! — доложил Морячок.

— Ну давай, Люба, Любушка, Любовь! — капитан ласково похлопал по броне. — Огонь!.. Огонь!.. Огонь!

3.

Рассвет был хмурым. Небо маскировалось дождевыми облаками. Холодный ветер шелестел брезентом. Паша Морячок на чем свет стоит ругал дневального, застудившего палатку. Тощий солдатик молча возился у печурки, раздувая огонь. Турин лежал под чужим бушлатом, пропахшим соляжкой, и пытался осмыслить ночной кошмар. Офицеры нехотя поднимались, сосредотачиваясь вокруг стола, на котором все так же возвышался минометный графин, обрамленный стопками.

— А где Черепанов? — поинтересовался капитан, присаживаясь на лавку.

— Схватил банку с гранатой и понесся, — сибиряк заваривал чай.

— То-то я его во сне не видел, — Турин придвинул дымящуюся кружку. — Все там были, а он куда-то смылся.

— Работа у него такая — быть невидимым.

Утреннее чаепитие сопровождалось шутками насчет московского майора, способного исчезнуть при любых туманных обстоятельствах. Черепанов появился внезапно, охладив прокуренный воздух насмешек. В его руках злосчастная банка дрожала от гнева:

— Я допросил Турпала. Под конец он раскололся. Сказал, что ящик с тушенкой ему будто бы всучил какой-то прапорщик.

— Прапорщик?

— Да, прапорщик с эшелона, который отправился вчера вечером на Москву.

— Я был при отправке, — невзначай вспомнил Турин. — Эшелон охранялся насмерть.

— Черта лысого! Сам знаешь, какая это охрана! — майор грохнул на стол жестяное доказательство.

“А сон-то оказался вещим!” — капитан спешил к рынку. В торговых рядах те же чеченки безмолвствовали в траурных платках, тот же нахальный мальчишка стрелял прожигающими сигаретными взглядами. Джигит отсутствовал. Турин в нерешительности остановился. Мальчишка махнул рукой в сторону кладбища, где темнели последние бронемшины:

— Он — там.

Александр Владимирович Махнёв.

Полковник в отставке. Имеет государственные награды, в том числе орден «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, юбилейные и памятные медали.

С 2010 года активно занимается творческой деятельностью. Прозаик. Член литературного объединения имени Героя Советского Союза писателя Владимира Васильевича Карпова при военно-художественной студии писателей Центрального Дома Российской Армии имени М.В. Фрунзе Минобороны России.

Автор двадцати одной книги.

Член Союза писателей России. Лауреат литературной премии имени Маршала СССР Крылова Н.И. (2017 г.),

национальной литературной премии «Писатель года 2017», 3-й Премии в основной номинации (РСП).

Дипломант Всероссийского литературного конкурса «Твои Россия сыновья!» 2018 г.

УХОДЯТ ФРОНТОВИКИ

Олег понимал, отец умирает, он чувствовал это. Люди смертны, все уйдут в мир иной, и это произойдет с каждым. Но как принять эту неизбежность, как с ней мириться? Да, девяносто два года, очень солидный возраст. Война, два ранения, контузия, сложнейшие послевоенные годы, армейская служба, смерть жены – все это зарубки на сердце.

Каждый прожитый день давался отцу тяжело. Он почти не вставал, был худ, ел мало и неохотно, лекарства выбросил. Через силу шутил: «К чему они, только желудок травят». Но держался, держался, как мог. Пытался не отвлекать родных от повседневных забот, а если и позовет к себе – ясно, без их помощи никуда.

В то утро Олег как обычно заглянул к отцу.

– Доброе утро, отец. Как ты, как себя чувствуешь?

Вопрос глупый, наверное, а что другое он мог говорить. Надо ведь что-то говорить. И ответ был известен.

– Нормально, сынок, по годам и самочувствие. У вас что нового.

Олег знал, утренний разговор с отцом, это лекарство, которое батя принимает с особым желанием. Сегодня было что рассказать. Правнучка зубики первые показала. Внука Володьку в городскую хоккейную команду взяли. Вратарь, мал еще росточком, но уже сейчас его Третьяком кличут.

– Спасибо, сынок, рад за вас.

Отец прикрыл глаза, чуть повернул голову к сыну.

– Олежек, ты не спешишь? Все суета, да суета, поговорить толком не удастся, а надо бы.

Конечно, Олегу было куда спешить. И он, и супруга работали, времени в обрез. В часы, когда их не было дома, за отцом присматривала сиделка, месяц как наняли, женщина аккуратная, чистоplotная, отец был доволен.

– Давай-ка сынок, отправь Наталью Сергеевну домой, а мы с тобой поговорим, пообщаемся как в прежние времена.

Отказать отцу было нельзя. Олег позвонил шефу, тот «добро» дал, благо был знаком с ситуацией в их доме. Жена Олега показала, где и что лежит из лекарств, продуктов, и, забрав сиделку, вышла из дому.

Олег присел на стул рядом с отцом. На прикроватной тумбочке лежала пара открытых альбомов, пачки старых писем, чуть ниже из выдвинутого ящика выглядывал офицерский кортик, подушечка, к которой были аккуратно прищиплены отцовы награды. Не любил он держать их на пиджаке, эту небольшую подушечку сам сделал и частенько, особенно в последние годы доставал.

– Что, папа, альбомы разглядываешь?

Отец грустно улыбнулся.

– Да, сынок, к прошлому возвращаюсь. Не уйдешь от него, тем более, сейчас. Друзей вспоминаю, с Леночкой поговорил, вот ее фото, помнишь, лучшее, наверное, из всех ее фотографий.

Отец взял в руки небольшую рамочку с портретом жены. Долго смотрел на нее. С фотографии мило улыбалась красивая, русоголовая, молоденькая девушка.

– После войны сделано. В сорок шестом, наверное.

Они помолчали. Это было умиротворенное молчание. Отец все еще смотрел на фотографию. Затем чуть прикрыв глаза, заговорил.

«Олег, ты частенько просил рассказать о войне. И рассказывал я, многое тебе рассказывал. И как война для меня началась, и как призывался, и о ранениях своих, многое, о чем говорил. Но не сказал о главном. Почему я, пройдя все четыре страшных военных года, постоянно находясь на передовой, жив остался. Хотя многие эпизоды моей военной жизни ты знаешь, но о главном я не всегда говорил. А главным было то, что люди всегда рядом были.

Помнишь мои английские фронтовые ботинки, те, что и сейчас в кладовой лежат. Я рассказывал, всю войну эта английская обувь грела солдатские ноги. А вот как они мне достались, не вспоминал. Так вот, дело было в ноябре сорок первого. В окопах мы тогда, под Можайском мерзли. Ботинки эти старшина наш, Иван Кузьмич приволок. Не принес, а именно приволок, обстрел в те дни был мощнейший, а у меня день рождения, девятнадцать стукнуло. Откуда он проведал, что родился я в этот день, уж и не знаю, а вот подарок сделал, от всей роты подарок был. А когда он ботинки эти ползком тащил к окопчику, шальная пуля каблук ему на сапоге оторвала. Смеялись мы, мол, ботинки мог бы вместо своих подпорченных сапог забрать, так нет, мне подарок принес. И вот подумаешь, вроде пустяк, подарок этот. Сколько таких сапог да ботинок солдату выдавали. Но нет, не просто это. Ведь жизнью человек рисковал, мог не без сапога, без головы остаться.

Да. Война – это кровь, окопы, слякоть, грязь, пот. Снова окопы, снова грязь, снова пот. Но война – это и люди. Простые люди, солдаты, такие люди как наш Кузьмич, под Москвой он в том же сорок первом полег. Как ротный наш, в сорок втором похоронили. Много таких людей рядом было, большая часть их осталась на военных дорогах. А я вот жив. Девять десятилетий прожил. И их, моих окопных братьев, каждый день вспоминаю, вспоминаю и благодарю.

Не так давно, лет, наверное, пять назад, Володя Павлов умер. Ты конечно помнишь его, друг мой. Так ведь он еще и брат мне. Нет не по крови брат, просто жизнью я ему обязан. Под Сталинградом мы с ним в страшное месиво попали, здесь и побратались. Он артиллерист, командир взвода, а мы взвода его прикрытие – шесть человек. После почти часового обстрела наших позиций в живых только мы с ним и остались, накрыло нас в траншее. Я в ногу ранение получил, контузию, и он контужен. Несколько часов землю Володька руками грёб, сначала сам выбрался, затем живых искал. Все погибли, девять человек накрыло. Меня отрыл и на плечах почти бездыханного в лазарет принес. Я только в госпитале в себя пришел. Сколько же таких Володек и Кузьмичей рядом было. Не счесть. Люди сами гибли, а товарищей выручали...

Мало нас, бойцов Великой Отечественной осталось. Жаль, конечно, но что поделаешь, жизнь не остановить, течет она, не спрашивая человека. Сколько Богом отведено, столько и живем. Благо мне вон девять десятков отпущено.

Когда я говорю «жаль», ты не подумай, я ведь не о себе говорю, я о вас думаю. Смотри, как в мире всё идёт. Вот уж нас и оккупантами величают, и карту мира пытаются перекроить, и памятники героям той войны уничтожают. Фашисты на Западе факелы свои жгут. Кто за всё это ответит? Кто мир защитит? Наше поколение уходит, вы, рожденные в прошлом веке, ещё что-то знаете и помните, а внуки, правнуки наши... Кто им расскажет о горе нашем, о подвигах, о нашей Победе, великой Победе народа. Ты думаешь, это только мои мысли, да нет, все кто ещё жив из нашего брата, также думают и переживают.

Мало нас осталось...»

Олег чувствовал, разговор тяжело дается отцу, он понимал, что его страдания, его переживания это не физическая боль, нет, просто отец прощается с ним и старается в разговор этот вложить главное, что его сердце и душа выносили за долгую и достойную жизнь.

Долго они ещё разговаривали. Олег внимательно слушал отца, стараясь запомнить его слова, и его самого запомнить таким вот ясно мыслящим и сосредоточенным.

«И последнее, сынок. Уйду я скоро. Понимаю, а потому прошу простить, если в чём обидел тебя, кого из родных. Прости... Богатства, ты знаешь, не было у меня, это я о деньгах говорю. Наше с мамой главное богатство – это вы. Считаю, хорошим ты человеком вырос, семья твоя нас радовала, внучата и правнуки молодцами растут. Спасибо тебе, сынок.

Прошу, ты положи... когда я уйду... в карман нагрудный, мамино фото, билет партийный и вон ту медаль, медаль «За отвагу». Особо памятна она мне, земля и моя кровь за Сталинград на ней. Остальные награды сохрани и по наследству передай. Не сжигайте меня... Скромно похороните. Просто предайте земле... Пожалуй, и все, спасибо, что выслушал меня.

А теперь оставь, устал, отдохну».

Он прикрыл глаза, чуть повернул голову к стене и затих. Дышал тихо и ровно.

Олег встал, поправил одеяло на кровати отца, чуть прикрыл оконную штору и вышел, осторожно и тихо прикрыв дверь. Стоял у двери, тихонько стоял, думать уже не о чем не мог, он просто стоял и плакал.

***

Отец умер утром следующего дня. Отошел тихо и спокойно. Причитаний и рыданий дома не было. И Олег, его жена, сын были готовы к этому.

Хоронили солдата с почестями. Оркестр. Почетный караул. На подушечках, что бойцы несли перед траурной процессией, лежали награды – орден Отечественной войны, два ордена Красной звезды, медали «За взятие Будапешта», «За Победу над Германией». Не было только медали «За Отвагу», с собой ее солдат взял.

Пришли прощаться ветераны, седые старики с орденами и медалями, многих дети и внуки под руки поддерживали. На лицах скорбь и печаль. Мало их, фронтовиков, в живых осталось. Военкомат делегацию и венок прислал. Соседняя школа, где солдат не единожды выступал на праздники, делегировала старшекласников. Ребята портреты своих дедов и прадедов принесли. Как в День Победы всё выглядело, вроде как Великий «Бессмертный полк» встречает своего товарища. Пришли соседи, знакомые и незнакомые люди, много было людей. Много было венков, цветов. Слова говорили хорошие, добрые слова говорили. Говорили о Памяти подвигу солдат, о Великой Победе.

Уходят фронтовики, солдаты Великой Отечественной. Тяжело сознавать, что с годами их становится меньше и меньше. Время неумолимо мчится вперед. Но оно не властно над Подвигом солдата. Сколько бы лет не прошло, эта война не уйдет из нашей памяти. И в

сердцах новых поколений будет вечно жить благодарность живым и мертвым, тем, кто спас мир от фашистской чумы, отстаивал право людей быть свободными.

РОДНЫЕ ЛЮДИ

– Анатолий Курбанович, рабочих привезли. Поговорите?

Артамонов оторвал взгляд от документов, разложенных на столе, потянулся до хруста косточек, встал и вышел на улицу. У вагончика толпились человек десять мужчин разного возраста. Это были гастарбайтеры из Таджикистана. Собственно, генеральный директор и ориентировал, жди, мол, таджиков сегодня подвезут.

Рядом с Артамоновым суетился и балагурил вездесущий прораб Мишка.

– Кто кладку кирпичную класть умеет – подойти ко мне.

– Постой, Михаил, сначала надо документы глянуть, а потом уж специальности вычислять. Не спеши.

– Так я, Анатолий Курбанович, и без паспорта пойму, кто спец по кладкам.

Собранные паспорта Артамонов передал сметчице. Галина Тимофеевна была единственной женщиной в его команде. Анатолий Курбанович доверял Гале абсолютно. Она у него была «и кадровик и замполит». Женщина толковая, в людях хорошо разбирается.

– Галя, поговори с ребятами, что да как, да ты сама знаешь, документы глянь. Трудовые книжки посмотри, если, они конечно, есть, переводчика Мишка даст. А я к Сенцову на объект. Там сегодня плиты перекрытия укладывают.

За суетой пролетел рабочий день. К вагончику Артамонов добрался в седьмом часу. Галина ждала. По ее глазам и таинственному виду Артамонов понял: будут сюрпризы.

– Ну что там, совсем плохо?

– Нет, Анатолий Курбанович. Трудяги как раз что надо. Беспольных нет вообще.

– А что за сюрприз меня ждет? По глазам вижу – сказать что-то хочешь.

– Не знаю, может, и сюрприз, это как посмотреть...

– Не томи душу. Выкладывай.

– Анатолий Курбанович, а у вашего сына брат есть?

– Что за вопрос, ты же знаешь, у меня только Сережа и Маринка. Станный какой-то вопрос.

– Действительно, странный. Но, вы знаете, среди новых парней, что из Таджикистана приехали, один как две капли воды похож на вашего Сережу. Я даже разволновалась, когда его увидела.

– Интересно. И кто он, откуда?

– Из Вахша, фамилия Рахмонов, имя Курбан.

– Интересно. А где они сейчас?

– Их в городок повели, надо покормить и переодеть, а на работу завтра.

Артамонов устало посмотрел на Галину.

– И это все?

– А что, это вам не интересно? Он же копия ваш сын. Увидите – убедитесь.

– Ладно, Галя, по домам. Завтра разберемся.

Домой ехать было не близко. Постоянные поездки туда-сюда, через пробки, многочисленные светофоры, ограничения раздражали Артамонова. Но что поделаешь, такова жизнь. Стройки в Подмоскowie разбросаны, здесь тебе и север, и юг, и запад, и восток. Благо хоть в этом году подряд получили на юге, все к дому ближе, однако три десятка километров проехать ежедневно приходится. Да обратно тридцать. Одно в пути хорошо – поразмышлять можно, здесь уж без суеты обходится. Так она говорила... Рахмонов? Мать рассказывала о встрече с солдатом во время войны. Тот солдат по национальности был таджиком. Сильная любовь у них с мамой была. От той любви и он, Анатолий, родился. Но, по рассказу матери,

отец погиб. Ни фотографии не осталось, ничего, только имя осталось и обличье. Анатолий, как матушка говорила, сильно на отца походил. Тоже чернявый, смуглый, волосы кучерявые.

Мысли эти его взволновали.

А вдруг...

А вдруг это родственник. А если отец жив и к ним приехал его сын? Хотя какой там сын, внук, это да. Если бы отец был сейчас жив, ему за семьдесят было бы. И фамилия как у отца – Рахмонов.

Да нет, не может быть, отец погиб...

Домой приехал к девяти вечера. Мама отдыхала. Сын сидел у компьютера. Встретили невестка Ольга и внука. Малышка сразу на дедулю забралась.

– Деда, а деда, правда, что в реке-Москве акулы плавают? Деда, а ты мне сказку на ночь считаешь? Деда...

Она всегда его так встречала – тысяча вопросов, а ответы ей и не нужны, ей важно было видеть к себе внимание. Будущая женщина растет, внимание ей обязательно нужно, не ответит дед на вопросы, да и ладно, лишь бы обнял и расцеловал.

Артамонов переоделся, выпил чашку чая и зашел к матери.

Мама сдала в последнее время. Война, ранение, голодные послевоенные годы, а ещё два инфаркта, диабет, все это медленно, но уверенно подтачивало здоровье. Ходила плохо. Все больше у окна сидела, тихонько сидела. Иногда плакала, слез не было видно, но по припухшим глазам понятно – плакала.

– Мама, как ты себя чувствуешь?

Мать повернула к нему лицо. Так и есть, вновь плакала, вон глаза покраснели. Он видел это, но не хотел вести печальных разговоров, а тем более успокаивать, ее это не радовало.

– Ты знаешь, мама, к нам сегодня ребята из Таджикистана приехали. Галина с ними общалась. Говорит, один парнишка – копия наш Сережка, да и фамилия Рахмонов, имя Курбан. Ты представляешь? Удивительно. Наверно, просто похож, отец ведь погиб. Так? И, потом, Рахмоновых у них – как у нас Ивановых, не счесть.

Мать резко потянулась к нему. Лицо побледнело.

– Как ты говоришь?!

– Мама, что с тобой...

Артамонов не ожидал такой реакции матери. Однофамилец. Ну, похож – и что? Это просто несерьезно. Все они, таджикские парни, на одно лицо, все чернявые, смуглые да кучерявые.

– Толя, я не уверена, что отец твой погиб. Тогда, в сорок первом, я от него лишь два письма получила. А в сорок втором, когда ты родился, мы уже у моей матери жили. По старому адресу бегала несколько раз, но куда там, жильцов на каждый метр по два человека, знакомых никого, ящик почтовый разбит. А потом на фронт ушла. Может он и писал, может, и приезжал, но я на фронте была, и ему мои письма, видимо, не доходили. Несколько раз обращалась в главный военкомат в Таджикистане, с просьбой помочь найти Курбана, это уж после войны, но ответа не получила. Война закончилась. В сорок пятом познакомилась с Артамоновым, будущим твоим отчимом. Замуж вышла, хороший человек был: добрый, работающий, тебя, хоть и не родной ты ему, очень любил, но здоровьем слаб. В сорок седьмом умер. Послушай, сынок, ты обязательно поговори с этим молодым человеком, а вдруг от Курбана весточка, может, что и услышу о нем, мне умирать легче будет. Сильно я его любила. Всего-то неделю рядом были, но это не неделя была, на самом деле это была вся моя жизнь. Я потом поняла.

Мать замолчала, медленно повернула лицо к стене и прикрыла глаза.

Анатолий ночь спал плохо.

Утром, ни свет, ни заря, он был на объекте.

***

Удивительно, но перед ним действительно стоял человек, очень похожий на сына. Галина с лицом и улыбкой победителя стояла чуть в глубине конторки. Она чувствовала: сенсации сегодня точно не избежать.

Рахмонов рассказывал о себе. Рассказывал спокойно, уверенно, хоть и с небольшим акцентом, но его русский был вполне хорош. И чем больше говорил, тем больше Анатолий Курбанович убеждался – перед ним действительно родственник.

– Послушай, а откуда ты так хорошо русский знаешь?

– От деда все, он по-русски очень хорошо разговаривает, меня просил этот язык учить, и отец по-русски хорошо говорит.

– Расскажи про деда.

Парень о своем дедушке знал немного. Фронтовик, разведчик, был ранен. До Берлина дошел. Уволившись по инвалидности, работал в колхозе, дом содержал. А что этот парень больше мог знать? Их, детей и внуков, у деда было полтора десятка душ. Дети росли, старшее поколение трудилось в поте лица, не до бесед было. Семья Рахмоновых от земли кормилась. С десятков баранов держали. Позднее сыновья деду помогали, а с 1991 года все мужчины на заработки разъехались, вот и он в Москву приехал. Здесь на стройке его двоюродный брат работает.

– Дед рассказывал, что у него в Москве была хорошая знакомая, но он все контакты потерял.

Артамонов понял, надо поговорить с тем человеком, который предположительно его отец. И сделать это нужно немедленно. Телефона у парня, конечно, нет, а вдруг дома есть связь.

– Послушай, а с дедом твоим по телефону можно поговорить?

– Да, конечно, дома есть телефон, мои родители с дедушкой вместе живут.

– И что, ты сможешь сейчас с ним связаться?

– Если они дома – можно.

Анатолий Курбанович достал довольно редкую в те времена штуку под названием мобильный телефон и передал Рахмонову.

– Набери номер. Пусть дед подойдет. Сможешь?

Парень растерялся, было видно, что он не знаком с мобильником. Но помогла Галина.

– Давай я наберу.

Через несколько минут в телефонной трубке послышалось приветствие на таджикском языке. Внук что-то быстро, скороговоркой ответил и передал трубку Артамонову.

– Здравствуйте. Меня зовут Анатолий. Внук ваш передо мной стоит. Да нет, все нормально, долетел удачно, устроен, все хорошо. Но у меня вопрос личного характера.

Он посмотрел на присутствующих при беседе. Галина уловила этот взгляд и, взяв за рукав мастера участка, который привел Курбана, вытолкала за дверь. И, как бы ей самой не хотелось побыть при разговоре, обещающем стать той самой сенсацией, Галина тоже вышла из помещения.

Анатолий Курбанович после паузы продолжил.

– Послушайте, Курбан Халимович. Вам ничего не говорит имя Наталья, Наталья Ивановна? В сорок первом она работала в госпитале в Москве. Ваш внук рассказывал, что вы в Москве в госпитале в начале войны лечились.

Пауза.

– Курбан Халимович, вы слышите?

– Да, да, я хорошо слышу.

Голос абонента по ту сторону провода был с легкой хрипотцой, чувствовалось, Рахмонов-старший взволнован.

– Наташа? Да, я знал такую женщину... А вы, простите, вы почему задаете этот вопрос?

Тут уж волна переживаний теплым плотным покрывалом накрыла Артамонова. Он вспотел, лицо горело, он это чувствовал. Неужели это случилось? Неужели он разговаривает с отцом?

– Почему? Дело в том... Понимаете, мне кажется...

Он силился и не мог подобрать слова, в горле пересохло.

– Наташа жива? Неужели такое возможно... Я в сорок четвертом после ранения был в Москве, искал ее, но мне сказали, она под бомбежкой погибла. Неужели жива... Вас как зовут?

– Анатолий...

Он не стал называть отчество. Конечно, в пятьдесят четыре никто просто Анатолием его не называет, но сейчас он не решился представиться – Анатолий Курбанович. Он и сам не понял, почему... так уж случилось.

– Анатолий, вы передайте Наташе, я приеду, если, конечно, она разрешит. А теперь дайте, пожалуйста, трубку внуку.

Артамонов передал телефон Рахмонову-младшему. Он мысленно уже такое имя ему дал. Племянником язык как-то не поворачивался назвать. Внук говорил с дедом. Разговаривали на таджикском языке. Артамонов не понимал, с языком не был знаком, но по жестикуляции «младшего» и его взволнованному голосу он понял, если не завтра, то уж в течение трех-четырех дней Курбан Рахмонов обязательно приедет в столицу.

– Бобо-Курбан¹ сказал, если тетя Наташа разрешит, он приедет в ближайшее время.

***

Встречали Рахмонова-старшего всей семьей. Наталья Ивановна в кремовом платье, накинув легкий шерстяной платок на плечи, сидела в гостиной на стуле. Лицо было бледным, ей вновь нездоровилось. С утра скорая приезжала, хотели в больницу забрать, но куда там, сегодня у нее день, о котором она может всю свою жизнь думать. Анатолий Курбанович надел костюм, галстук повязал. Непривычно, конечно, он по стройкам в спецовке в основном бегал. Но тут особый случай – отец приезжает. Он уже не сомневался в том, что приедет именно отец. И Артамонов-младший приоделся, и он ожидал деда встретить, да и не только его, он хотел убедиться в сходстве с молодым человеком по имени Курбан, о котором ему рассказывали. Внучка Аленка, осторожно покачивая своим огромным бантом, чинно ходила рядом с дедом и спрашивала: «Деда, а где гости?»

Звонок прозвенел колоколом. Вздрогнув, Анатолий Курбанович поспешил к двери. На пороге стоял пожилой мужчина: невысокого роста, чуть сгорблен, смуглое лицо посечено морщинами, под кепкой густые вьющиеся седые волосы. Это был Курбан Рахмонов. Рядом внук – Курбан-младший.

– Где Наташа?

– Проходите...

Не снимая обуви, Рахмонов прошел в гостиную.

– Наташа!

Наталья Ивановна сидела на стуле. Он упал на колени, обнял ее, задрожав разом всем телом, заплакал. Предательский комок подступил к горлу Артамонова. Он пересилил себя, осторожно вытолкнул родню в холл и тихонько прикрыл дверь.

– Пусть побудут одни.

Обстановка понемногу разрядилась. Сергей с удивлением рассматривал свою копию. С такими же удивленными глазами рядом крутилась и Аленка.

---

¹Дед, дедушка, прадед, предок и т.д. В настоящем случае читать – дедушка (тадж.)

– А почему вы так похожи с дядей, а папа?

Сергей все еще не мог толком осмыслить увиденное.

– Я знал, гены у отца и у меня доминантные, все те же темные глаза, смуглая кожа, широкий подбородок, темные жесткие вьющиеся волосы. Но чтобы через поколение образовались две равно похожие копии – это удивительно. Я лично подобного никогда не встречал.

Артамонов-старший отреагировал.

– Сережа, а ты по-простому можешь объясняться, – это Артамонов-старший вступил в разговор.

– Папа, все просто, ген Курбана Халимовича очень силен, он победитель, а победитель, как правило, проявляется в наследниках. Вот и все.

Анатолий Курбанович усмехнулся. Может и просто. Им, молодым, просто сейчас рассуждать.

Но явно не просто было там, в гостинной.

Наталья Ивановна и Курбан Халимович, немного успокоившись после эмоциональной встряски, тихонько разговаривали. Трудным был тот разговор. Прошло пятьдесят пять лет после их встречи здесь, в Москве, в госпитале. Она, молоденькая медицинская сестричка, девчонка восемнадцати лет и статный черноволосый красавец, армейский разведчик, залечивающий в госпитале раны. Встретились, и закрутила их любовь, та любовь, что не спрашивает ни возраст, ни родословную, ни разрешения у родителей.

То была настоящая любовь!

Годы прошли, более полусотни лет позади. И семь дней. Семь дней, что они тогда встречались. А в этих днях свиданиям отведено было не более пяти-шести часов. Пять-шесть часов встреч, объятий, поцелуев, эти несколько часов любви – все, что у них в памяти осталось. И еще сын. Сын остался – как свидетельство той большой любви. А потом долгие, долгие годы разлуки. Больше они не встречались. Как? Что? Почему? Искать виноватого? Глупость. В жизни все случается, вот и у них получилось так, что не смогли они найти друг друга. Общаясь сейчас, они все понимали, а потому разговор был добрым, это был разговор родных людей. Он ей о своей большой семье рассказал: о жене, о детях, внуках, о жизни на родине. Она порадовалась за своего Курбана – «вороненка чернявого», так она его в те семь дней называла. И Наталья Ивановна о себе поведала, нет, не о болячках, о сыне, их сыночке, о том, какой он умница, работающий человек, любящий отец и муж. О внуке и правнучке рассказала.

Долго еще горел свет в этом доме. Родные люди общались.

А назавтра они разъедутся, разбегутся, работа, дом, заботы, все, что обычного человека окружает, все это будет и у них. Но еще в душе каждого будет радость, радость обретения родных людей. И пусть они далеко будут друг от друга, но в душе они всегда будут вместе.

Шел 1996 год.

КЕНАРЬ МИРОТВОРЕЦ

Звонок в дверь. Открываю – сосед, насупившийся, хмурый в руках чемодан.

– Иван Васильевич? Что случилось, уж не болен ли? Что случилось? А... из дома выгнали.

– Хуже. Сам ушел.

Так начался наш странный разговор.

Да, Иван Васильевич Петров ушел из дому. Как он мне заявил: «Ушел впервые и навсегда». А поскольку идти ему было некуда, жить он решил у меня, правда, я об этом еще не знал.

– Заходи.

Сосед, войдя, снял обувь, влез в дежурные тапочки, водрузил в угол чемодан. Прошли на кухню. По такому случаю я знал, что нужно делать и сразу полез в холодильник, коньяк не помешает, а к нему лимон, колбаса. Иван Васильевич, наблюдая, незаметно сглатывал слюну. Ясное дело – голоден мужик.

Соседа я знал неплохо и понимал, вряд ли он решится покинуть семью, видимо, что-то случилось настолько серьезное, что он решился на такой шаг. Куда он уйдет от своей Маришки. Вредная она. Да, наблюдается за ней такое. Занозистая, с гонором – тоже есть. Однако семью отменно держит, вон какие ухоженные трое сыновей, да и сам Ванечка, как она его при людях величает, всегда человеком выглядит. Нет, что-то тут не так. Иван Васильевич мухи не обидит, все в дом, правда маловато домой приносит, сметчиком в небольшой строительной конторе работает, а там не так уж и много платят. Но все что Иван получает, идет только в дом. Зануда, правда, Василич, водится за ним такое, хотя это как посмотреть. Он любое событие, любой самый мелочный вопрос сначала у себя в голове оценит, прокрутит, а уж потом и говорит: «Значит, так. Во-первых...» Эта фраза его визитка, без нее он ни, ни. И, кстати все, о чем Иван повествует, в этих своих «первое, второе и третье...», все разложено по полочкам, все логично, все верно. И если он что-то предсказал, как правило, то и сбывается. Душой Иван Васильевич хорош. Любит музыку, хлебом не корми, дай романс или оперу послушать. Глазки прикроет, в такт музыке головой покачивает, а на лице блаженная и добрая улыбка. Детишек любит безумно, поздние они у них с Маришкой, уже после тридцати пяти на свет появились. Сначала думали без детей останутся, но потом один за другим в три года три крепыша родились. Больше решили судьбу не испытывать, хотя девчонку были бы не прочь иметь. Но года...

Вот такие у меня соседи.

Налил я стопку коньяка, выпили по одной. Говорю: «Рассказывай, что там у тебя, Ваня, случилось».

«Да все непросто, трудно говорить, но попробую. Знаю, мужик ты свой, поймешь. Так вот, все началось с ежей. Да, да, с простых лесных ежей. Когда пацанам было от двух до четырех, принесла жена домой двух ежей. Ее подружки где-то подобрали этих несчастных животных, вроде как на пикнике в лесу, но суть не в этом. В общем, приносит она этот подарок в семью. Дело такое, дело серьезное, я прикинул, подумал и говорю: «Значит, первое. Парни на троих двух ежей не поделят, будут проблемы. Во-вторых. Ежи гадят, по ночам топают, а значит, спать мы не будем. Третье. Кто их кормить и обслуживать будет? Вы же все заняты, а значит, этой жертвой буду я. В-четвертых...» А Маринка сходу: «Достал ты своими причитаниями. Ежи будут жить у нас и все тут».

Словом, вот как сказал, так все и было. Ежей в этот же день мальчишки чуть не порвали, все делили. Ночью это стадо носилось по квартире, не догонишь. Мои спят, все им нипочем, пушкой не разбудишь, а я не могу заснуть, когда в доме порядка нет. Мучился, мучился, почти неделю продержался, а затем, договорившись с завучем соседней школы, снес ежей в школьный зооуголок. Мальчишки в рев, где, мол, ежики, кричат. Жена скандалит: «Верни ежей!!!» Еле отговорил бежать в школу, а пацанам сказал, что за ежатами мамка пришла. Поверили. Хоть и малыши, но понимали, что ежиху-мать нельзя не послушаться.

Только налаживаться жизнь в доме началась, бах, мои трех котят несут. Где, у какой помойки они этих несчастных подобрали, не знаю, но выглядели кошки отвратительно. Маришка их в ванну и давай намывать. Визг, писк. Выносит котят чистенькими, и в мое любимое полотенце завернутыми. Ну, я, как водится, прикинул и заявляю: «Во-первых, эта шантрапа хуже ежей будет, те хоть топали по ночам, а эти все подряд рвать будут. Судя по экстерьеру, дворовые они, а значит, в генах привычки ходить в лоток, нет, то есть туалетом для них будет вся квартира. Во-вторых...» Мариша снова в бой: «Отец, замолчи! Коты самые безобидные существа, жить будут у нас, и точка!» Молчи, так молчи... И все пошло, поехало, как я и предвещал. Котят назвали, поделили между ребятами, те не нарадуются. Дальше царпины, порванные шторы, разодранные в пух подушки, перевернутые в шкафах

вещи, ну и, конечно отвратительный запах всех кошачьих дел. Как я и говорил, в лоток они заходили только лапками погрести, а дела свои делали там, где им нравилось. От аромата дезодоранта вперемешку с кошачьими испражнениями, в квартире дух стоял хуже, чем в дореволюционной пивнушке. Непорядок! И я ведь предупреждал, беспородные котята, дикие, не привыкшие к домашнему уюту. И вот через неделю смылись они всем своим выводком, улизнули в приоткрытую входную дверь. Я только к ним привыкать стал, накопил игрушек, пуфиков разных, с кормом разобрался. А пацаны мои так были расстроены, слов нет. За два дня мы семьей все дворы в округе осмотрели, нет котят, и все тут. И как ты думаешь, кто крайним стал в этой ситуации? Правильно! Я! Жена почему-то была уверена, что это я их куда-то свез, и дети кричат: «Папка, верни котят!!!» Вот так-то. Только через полмесяца успокоились.

Дальше были кролики, черепашка, барсучек, кого только не перебивало в квартире. Я только начинаю: «Во-первых...», дети в слезы, жена в рев: «Опять!!!» Что ж опять? Я ведь просто хочу рассказать, что будет и как будет, а они видишь, как реагируют. Одним словом, помаленьку мы врагами становились.

И вот, в доме появился пес. Не просто псина беспородная или мерзко мелкая. Не какие нибудь «бишоны», «грифоны» или «терьеры», нет, появился щенок ротвейлера, миленький, чистенький, аккуратненький. Жена принесла. И вся моя семейка на меня смотрит, ждут, что я опять начну свое, «первое, второе и третье». Нет, думаю, промолчу. Промолчал.

Через пять месяцев, этот малыш весил уже за тридцать кило, в холке был почти шестьдесят сантиметров. Дети с ним уже не гуляли. Справиться с псиной мог только я. Ел пес все, что давали, сметал миску за пять минут. Съест, облизнется и ко мне, рычать начинает, это значит – веди меня, «по большому» хочу. Глаза серьезные, злые, попробуй послушаться. Хочешь, не хочешь, шапку в руки, намордник на псину, поводок в руки и вперед. А там лифт, с соседом не поедешь, пес, если рывкнет, так и в штаны наложить можно со страху. Выбрался из подъезда, уж и не видно, кто кого на прогулку вывел, я пса, или он меня. Сильный, резкий. Пять месяцев пробежали для меня как пятнадцать на фронте, день за три. Одно хорошо, похудел и построилел я за это время.

Но вот с Маришкой опять разлад пошел. Почему говорит, когда я пса принесла, ты мне ничего не сказал, не предупредил, что он такой страшный будет. Огромный, да еще кусучий. А разговор этот произошел после того как наш песик погонял Маринкину подругу на кухне. Погонял, чуток руку прикусил, юбочку надорвал, ну и так по мелочам на нее порычал. Подруга в обморок, ротвейлер в сторону, мол, больных не трогаем. Та скорее на ноги, умчалась сама не своя, и Марине по телефону такого наговорила, такого выложила, при людях повторять стыдно. Вот жена меня и отчитывает: «Почему ты мне не сказал, что это страшная псина? Почему?». А что я скажу? Скажи я тогда что-либо против, уже тогда мой сундук за дверь бы стоял. А не сказал, что опасно брать такую собаку в дом, опять не прав, опять виноват. Парадокс, а не женщина. А в прочем, они наверно все такие. Ладно. Надо что-то делать.

Иду на ближайшую парковку, местным ребятам предлагаю пса для охраны, причем бесплатно предлагаю. А там только неделя как их охранный Тузик сдох. Возьмем, говорят, веди свою шавку. Привожу. К будке пристегиваю ротвейлера и домой. Уф... Но, не тут то было, уже через пару часов прибегает охранник со стоянки: «Забирай свою псину, она полгаража разнесла». Я, впрочем, ожидал нечто подобное, говорю: «Вы же братцы сами просили охранный пса, а теперь на меня хотите повесить все грехи его первого дня дежурства в паркинге, так дело не пойдет, не заберу». Взмолился парень: «Забери, Богом прошу, нет у нас к тебе претензий!» Пришлось забрать. А псина злопамятная и уже дома, после ужина, так сказать на сытый желудок, пару раз меня цапнула меня за ногу, и я понял почему. Понял, но промолчал, как бы хуже не было. Домашние в этот день все по комнатам, за закрытыми дверями сидят, ждут, что же дальше. А что дальше, звоню друзьям, и подсказали, есть под Дмитровом в Подмоскovie центр подготовки кинологов, там и собаку могут взять, правда просить надо, а может и денег

дать. Не поленился, проехался на машине к центру. Пару часов вокруг высоченного забора дефилировал, нашел дежурного, его с полчаса уговаривал найти мне того, кто старшим у собак работает. Мне намекнули, что начальник ветслужбы вопросами отбора собак ведает. Еще час рассказывал этому спецу, какой у меня хороший пёс. Убедил. Веди, говорит, пса своего, так и быть возьмем. Эх, если бы догадался взять с собой собаку, все мучения уже сейчас и закончились, а так пришлось ехать две сотни километров домой, и уже на следующий день, взяв старшего и среднего моих ребят, привез ротвейлера в кинологический центр. Врач говорит, – «Берем вашего кобелька женихом к нашим девочкам, уж больно красив ротвейлер», и вызвал кинолога. Подошел небольшого росточка сержант, взял поводок в руку и все... Я впервые увидел, как с собакой обращается настоящий специалист своего дела. Думал, псина сопротивляться будет, скулить, рваться домой. Как бы ни так, пес мгновенно, собачьим чутьем понял кто его новый хозяин и безропотно, даже, как мне показалось, с удовольствием, подергивая обрубок хвоста, пошел с сержантом к вольерам. Я так понимаю, догадалась псина, что к сучкам ведут, умная собака. Мы с ребятами, проводив ротвейлера взглядами, пошли к машине. Домой ехали в подавленном состоянии, и уже подъезжая к дому, мои орлы разревелись, разрыдались, видите ли, жаль собачку им. Да и у меня на душе погано было. Однако, дело сделано.

Пока мы ездили, жена привела в порядок квартиру, намыла все, ужин приготовила, даже бутылочку вина на стол поставила. Поужинали, бойцы мои спать пошли, ну а мы с супругой сели обсуждать, как жить дальше. Все шло мирно, однако через полчаса Маришка вновь к собачьим проблемам вернулась. На сей раз ей показалось, что собака нужна в доме, а я виноват в том, что сидит наш ротвейлер нынче где-то, в каком-то кинологическом центре и воет, и мы тут по нему все плачем. «Это все ты! Ты виноват».

Это было выше моих сил. Спорить не стал, вижу, бесполезно. Ушел, лег в гостиной на диван. Не спал всю ночь, а утром собрал вещички и... Короче, можно денечек у тебя побыть, а завтра квартиру сниму и уйду».

Я помолчал, а что тут скажешь, выговорился человек и ладно, и по глазам вижу, никуда он не денется, излил душу, да и ладно. Налил Ване еще рюмашку, посидели, помолчали. Вдруг звонок. Снимаю телефонную трубочку.

– Сергей Алексеевич, мой у вас?

Маришка звонит. Вот и критикуй женщин. У нее что, чутье такое, что она поняла что ее Иван исповедь закончил. Откуда она узнала, что у меня он сидит? Вот женщина! Я молчал.

– Да знаю, у вас он, пусть домой идет, мы ему тут подарок сделали, и ребята тревожатся, что папки долго нет дома, пусть идет, скажите ему, а?

Смотрю на Ивана Васильевича, чувствую, понимает он, что Маришка его звонит, молчит, тревожно так на меня смотрит. Я что-то буркнул в трубку, кашлянул, отошел от телефона.

– Что, она?

– А ты сомневаешься? Конечно она. Давай, Ваня, домой пора, поздно уже. Они тебе подарок подготовили, ждут. Ребята тревожатся.

Ваня, встал, потоптался на месте, говорит:

– Пошли вместе, боязно так-то...

Дверь была открыта. Мы прошли через прихожую к кухне. А там вся семья плечом к плечу стоит перед столом. Старший мальчик говорит: «Во-первых, папка, мы тебя все очень любим!», средний продолжает: «Пап, во-вторых, мы тебя никогда не обидим и из школы будем только пятерки приносить». Младшенький продолжает: «В третьих, папочка, не переживай ты так за этого ротвейлера, мы тебе кенаря дарим, ты ведь любишь песни, он говорят, очень хорошо поет...»

Семейка расступилась. На кухонном столе стоит небольшая птичья клетка, в ней виден желтенький комочек, видимо это и был тот самый поющий кенарь. Смотрю, Иван в

шоке, онемел, в глазах слезы, на лице гримаса, вроде как улыбнуться мужик пытается. Чувствую, вот-вот расплачется. Маришка поняла, надо выручать мужа.

– Ванечка, а почему он не поет? Продавец говорил, поет он всегда и очень красиво. Как ты думаешь?

Ваня присел на табуретку, снял кепку, вытер вдруг резко выступивший на лице пот и говорит: «Ну, во-первых...»

И тут происходит невероятное. Кенарь запел, сначала тихонько, вроде мобильник в соседней комнате, затем громче и громче. Клювик открыт, головка чуть приподнята. А звуки, звуки... Какие прелестные звуки издавало это маленькое существо. Очаровательные трели, и некие россыпи звоночков, звуки бубенчиков и мелодичность флейт. Это была музыкальная композиция, чарующая и успокаивающая, приносящая мир и уют в этот суетной дом.

Слушая пение кенаря, я прикрыл глаза и на минутку забыл и Ивана с его проблемами, и его семейство. Пение кенаря завораживало, было прекрасно, изумительно. Нельзя сказать, что я не слышал подобного никогда, но видимо это была примиряющая песнь, причем песнь в нужное время и в нужном месте.

Я понял, моя миссия исчерпана, можно с миром идти домой. Еще раз глянул на соседей. Семья сидела за столом вокруг клетки с кенарем, и слушала его распевы.

Что же, мир этому дому.

Кстати, кенаря назвали Мириком. Вы поняли, конечно, почему?

Артём Александрович Матвеев.

Родился 7 марта 2000 года в Москве.. Первый сборник его стихотворений «Синий кунцевский овраг» был опубликован перед уходом в армию и содержал пробы пера, посвященные друзьям, размышлениям о жизни, историческому прошлому нашей страны. Находясь в рядах Вооруженных Сил, Артем продолжал развивать свой талант, и за два года службы его поэтическая копилка пополнилась новым сборником «Двадцатая весна». Любовь и дружба, разочарования и поиск себя, патриотизм и честь – эти темы являются центральными в новом сборнике.

На становление мировоззрения Артема большое влияние оказал интерес к истории и литературе. Еще в школьные годы он зачитывался произведениями Бродского, несколько сборников стихотворений которого взял с собой в армию. Поэзия для Артема – не просто увлечение, а способ выражения личных взглядов через серьезную внутреннюю работу. Сам автор надеется развиваться в этом направлении и продолжать поиск собственного стиля и пути к «своему» читателю.

Дипломант Всероссийского литературного конкурса имени генералиссимуса А.В.Суворова 2021 года.

МАНДАРИНОВОЕ УТРО

ДВАДЦАТАЯ ВЕСНА

1.

Неизвестно, зачем и когда
к нам пришедшим морозом,
оставляет следы напоследок зима
грязным снегом скрипя на колесах.
Непонятно, откуда прилетают грачи
на вспотевшее поле.
И сколь громко ты не кричи,
все равно я останусь в неволе.
Отчего приближенье весны
пахнет гнилью далеких болот?
Почему так рассветы красны,
невзирая на столько невзгод?
Может просто Бореем сюда занесло
сладковато-приторный запах?
Видно бедам назло
Улыбаешься ты и стремишься на запад.

2.

Поднимается выше ноля
спирт термометра, что за окном.
И последние дни февраля
уплывают парным молоком.
Развезло от талой воды
деревенские огороды,
прошлогодние чьи-то труды
не взойдут от капризов природы.
Протекает резиновый плащ,
сапоги совсем прохудились.
С крыш капель – будто плач,
мы опять не туда возвратились.
Снова тракты, чужие дома,
верстовые столбы на дорогах.
Но откажут на станциях в смене коня
да прогонят открыто с порогов.

3.

Влажный воздух взбирается в дом,
Оседающий дым у крылечка.
Разве это не странно, что днем
освещает портрет одинокая свечка?
Неужели не встретимся возле берез,
не услышим знакомые речи,
не покурим вишневых, как сад папирос,
обнимая горячие плечи?
Страшно думать о вечности скорби,
о холодных стеклянных глазах.
И как сильно спину не горби,
но останутся бедра в слезах.
Да останутся горы букетов,
Тех, что никто никогда не дарил.
И не будет пространных ответов
на вопросы, что я претворил.

4.

Из далекого города Энска
по ямским захолустным путям,
не дождавшись летнего блеска,
я отправлю себя по частям.
Через скучные дико станицы,
сквозь поросшие мхом хутора.
Мы успеем навеки проститься,
прежде чем отзвонят колокола.
И в начале придет мое сердце
на тетрадных в клетку листах,
постучится тихонечко в дверцу,
сладкой рифмой замрет на устах.

Мое тело прибудет чуть позже,
не обрадовав здесь ни души.
Мысли станут в мгновение строже –
быстро в комнате свет потуши.

ИЗ МОЖАЙСКА

1.
Возвращаясь домой,
попрошу, чтоб меня не встречали.
Сантименты долой,
не хватало как будто печали.
Не хватало нам слов,
мало встреч и прогулок.
Не хватало послов
и почтовых голубок,
чтоб доставить скорей
любовные письма.
Чтобы стало больней –
разделяют трехзначные числа!

Находясь в изоляции пусть и не долгой,
каждая фраза становится колкой.

2.

Я опять возвращаясь домой,
пусть встречают меня перелески.
Деревенский полынный покой
и волшебные снежные фрески.
Километры путей
отбивают минуты скитаний:
от газетных статей,
до армейских сухих расписаний.
Пусть «Восточный экспресс»
мчит меня не к золатым куполам Цареграда,
а к вгоняющим в стресс
серым улицам, коим не надо

быть нарядными, светлыми, чистыми,
чтобы стать для меня самыми в мире лучистыми.

3.

И въезжая на станцию
до мурашек, до дрожи родную.
Сохраню я квитанцию,
чтобы помнить поездку такую.
Чтоб взглянув на билет
через годы подумал:
«не бывает тех бед,

коих я бы не переплюнул».
Край Отеческий хоть и суровый,
не всегда справедливый,
но до боли для сердца знакомый,
прививал мне с рождения
ропот и трепет,
но не ждал он смирения,
не терпел младенческий лепет.

Преступил я порок пофигизма –
Встал спокойно на путь нигилизма.

4.

Вот столица проснулась,
и ты вместе с нею.
От звонка содрогнулась –
это я предупредить не умею.
- Как спалось, дорогая?
Что за год поменялось?
- Я скучала без края,
немного запуталась и потерялась.
Звон напольных часов
и кукушка стенная
не заглушат всех слов,
что звучат перед сном затихая.

Возвращенье к своим –
ради этого стойко стоим.

5.

Возвращаясь домой,
буду думать о маме,
вспоминать край родной,
тосковать немного о папе.

Ждать веселой попойки с друзьями,
и тебя с моими стихами.

МАМЕ

(на 18 октября)

Капитолийской волчице, тебе,
что вскормила хорошего сына, плохого поэта.
С ранних лет ты видела маму только во сне
и привыкла не ждать от ушедшей совета.
Дочка честного мельника ты,
потерявшая детскую радость в столь юные годы,
твердо шла через помехи судьбы,
сохраняя достоинство нашей породы.

В непрерывной учебе стойкой была,
и почти что профессором стала.
И опять для других ты смиренно жила –
капитал для детей собирала.
И, конечно, печально и горько, что нет –
не нашла ты достойного мужа.
И психолог навряд-ли подскажет ответ
на вопрос «кто тебе все же нужен?».
Но в работе с тобой не сравнится никто,
и домашний очаг всем завиден.
А снимаешь в прихожей устало пальто,
стройный стан твой становится виден.
Да живется тебе на восьмом этаже неразлучно,
в окружении кошек и будущих внуков,
с грузом прожитых лет, коим может быть счастье созвучно
и с незримой заботой родственных духов.
Капитолийской волчице, тебе,
пусть великий Рим и разрушен,
ты построила третий на родной стороне,
в котором патриций с плебеем так дружен.
Я дарю тебе свой благодарный поклон,
с неизменно преданным взглядом
и покорно снимаю царский шелом,
становясь снова сыном и братом.

XVIII.X.MMXIX

Московский колорит:
ампир, высотки,
нисколько не претит.
И даже сопки,
овраги, пустыри,
гнилые дачи.
Бульваров фонари,
кремлевских паче.

А помнишь ты мосты,
дворцы, проулки,
могильные кресты,
сторожевые будки,
рассветы над рекой,
туман в низине,
полуденный покой,
ночные сини?

Забыла шепот губ,
в любви признанья,
игру органных труб,
стихов названья.
Не вспомнишь, но всплакнешь –
какая драма!

С большим трудом уснешь –
«мытьё» Шагала.

Заплачешь, не смахну
слезу рукою.
Я больше не могу
и вряд ли скрою,
к тебе пренебреженье
или скуку,
бессмысленность движенья.
Люблю разлуку.

Осеннее пальто,
ботинки с берцем;
холодное бордо
под самым сердцем;
вишневый аромат –
мас баген в трубке;
вечерний променад
в короткой юбке.

А дальше только пыль
разносит ветер.
И в постоянства былъ
стреляет крейсер,
но Зимний не берут.
И баррикады
покуда не сотрут,
не будут рады.

И так идут года,
совсем неспешно,
но не поймешь куда,
ведь слишком снежно.
Дожди сменяют зной,
метель ломает ивы.
Любовь всегда весной
лишает силы.

Реестр скорбных встреч
после разлуки,
бросаешь горько в печь
да греешь руки.
И сколько б не просила
ты прощенья,
не извинит Россия
пред нею согрешенья.

МНОГОТОЧИЯ

А.М.

Мандариновое утро.
Мы расстались поздно ночью:

я лежал в снегу уютно
и смотрел на многоточья.
Но созвездия скрывались
в облаках, что станут снегом.
Видел я, как мы прощались –
становились просто эхом.
Просто шепотом на ушко,
(чтоб не слышали соседи),
просто потом на подушке
и измятом нами плече.
Ты надеялась остаться
для меня никем в итоге
и просила не стараться
появляться на пороге.
А я видел только небо,
словно князь под Аустерлицем.
И без зрелища и хлеба
все равно я был патриций.
Тучи свету не помеха,
Млечный путь не гаснет в бури.
Два несчастных человека
обязательно закурят.
И особенно на кухне
и тем более под хмелем.
А потом свеча потухнет,
и они кровать расстелют.
Многоточье? Запятая!
Пусть постель стоит в кавычках.
Любовь не может быть святая,
зато вполне себе трагичной.
Но будет Новый год, и елка
зажжется красными огнями,
и это значит мало толка
в том, что было между нами.
Важней гораздо то, что будет.
И эти строки – подтвержденье,
что жизнь сама нас всех рассудит
и даст команду на сближенье.

***

Я выдумал все эти имена,
тебя, друзей, замысловатость речи,
дрянные и не очень времена
взвалившиеся грузом мне на плечи.
Придумал цели в жизни, рубежи,
принципиальность собственных гипотез,
большие и не слишком тиражи –
моей посредственности оттиск.
Купание в океане чувств, страстей,
как оказалось алкоголя.
Любовь? Пожалуй, что постель,
в которой похоть, но не боле.

Безликость этакой судьбы
помножим на твое несчастье.
И кабы не было зимы,
все вышло б по-другому, Настя.
Мы б не тонули в никотине,
не согревались вискарем,
не прятались в чужой квартире,
ведь у обоих есть свой дом.
И ты за здоровье, а не за упокой
по вечерам бы зажигала свечку,
И не молилась бы, чтоб кто-нибудь другой
шагнул в окно, а он тебе на встречу.
Поэтому мы выбираем жизнь,
работу, телевизоры, машины.
Поэтому до тридцати – женись
и не взбирайся больше на вершины.
Заботься о здоровье и о том,
что кажется первостепенно важным.
Ну а жалеть, жалеть потом,
когда состаришься в плену многоэтажном.
Зато тебе наверно принесут
стакан воды, вдруг вспомнившие внуки,
что можно оторвать лоскут
того, к чему не прикасались руки.
Уж лучше буду как Иосиф: пусть один
и пусть рука ничья не провожает.
И скажут все вокруг, что нелюдим
и даже, что немного раздражает.
Да полюблю проездом родину друзей,
ведь без Отчизны все же страшно оставаться.
В конце концов приду в музей
забвенья дабы не бояться.
Я выдумал все эти имена,
плохие и похуже рифмы.
Посеял на бумаге семена,
чтобы они взошли в двоичной цифре.

ПИСЬМО ИЗ ИУДЕИ

I.

Грозовые тучи прямо с моря
Средиземного (а может и не очень)
как бы говорят, что сколько б горя
ты не вынес – хлебный нож уже заточен.
Вот еще б найти такого друга,
чтоб тебе вручить не побоялся
острый нож. И сам бы без испуга
на Лысеющую гору он поднялся.
Только, лучше уж конечно без распятыя:
тридцать драхм, молоденькую Низу.

Правда, тем заплатишь, что не братья,
а убийцы к праотцам подпишут визу.

II.

Буря разыгралась не на шутку,
пятый прокуратор огорчился:
верная собака скрылась в будку,
от мигрени он не излечился.
И сидит теперь две тыщи лет на кресле,
ждет счастливого конца романа.
«Ты свободен!» – мастер крикнет, если,
Мы расплачемся над строками финала.
Но не обольщайся, друг, не жди обмана.
О тебе никто не пишет книгу.
Коли в створках цепкого капкана
ты застрял – в ребро не вставят пику.

III.

Грозовые тучи разрядились:
Дождь холодный, мелкий град по крыше.
Но преступники, отнюдь, не возродились –
все лежат за камнем в горной нише.
Кто-то возразит что романтично,
я отвечу – «до банальности ванильно».
К сожалению, довольно прозаична
наша жизнь, до ужаса противна.
Маргарита, Мастер, Воланд, черти...
Деньги, клипы, президент, министры...
Разобравшись в этой круговерти,
мы становимся грязны как трубочисты.

IV.

Буря, как оно ни странно, прекратилась.
И Луна на небе засияла.
Но в душе у прокуратора томились
то ли совесть, толь предчувствие начала.
Трусость, друг, страшнейший из пороков.
Не хватает мужества сознаться,
что за столько лет не внял урокам,
предпочел в спокойствии остаться.
Сомневайся, кайся перед всеми,
но прощение получишь ты едва-ли.
Сушите весла, сэр, корабль сел на мели.
Надейтесь, чтоб в аду не покарали.

V.

Заснул Ершалаим, окончен праздник.
Иуда мертв, Матвей рыдает с горя.
Не спит кот Бегемот, такой проказник,

да ловит на свой хвост сардин из моря.
Как видно, все в итоге разрешилось:
герои обрели покой, читатель тоже.
История как будто завершилась,
но автора доселе что-то гложет.
Ему никто не прокричит «Свободен!»,
какой-нибудь Латунский строго скажет:
«Товарищ, ты к писательству не годен!»
и грозно на дверной проем укажет.

Грозовые тучи прямо с моря
Средиземного (но все-таки не очень)
как бы критикам грозой вторя,
разрывают рукописи в клочья.

ПАЛАТА

1.

Горизонтальность стола
и вертикальность стены,
палата эта мала,
как будто нет глубины.
Как будто скудный пучок
света, как простыня,
хоть прикрывает зрачок,
но не лишает меня
мыслей, чувств. Самого
сознания, что я есть.
Ну и прекрасней всего:
с иглы творчества трудно слезть.

2.

Прямоугольность границ,
прямолинейность часов.
И настроение – ниц
и душу вмиг на засов.
Лежать и смотреть в окно,
когда надоест – поспать.
Увидеть во сне кино,
а после и почитать.
Потом пойти в туалет
медленно, шаркая пол.
И пусть нужды в этом нет,
но жажда движенья – укол.

3.

Белый седой потолок,
прозрачный графин воды
уносят куда-то вбок
сознание и мечты.

И одиночество – мать,
ну а разлука – отец.
И хоть в палате нас пять,
не слышно стука сердец.
Лишь только кашель и хрип,
как звуки утраты надежд,
но страшнее все же не грипп,
а влияние этих невежд.

4.

Пижамы мятая ткань,
вонь от белья и носков.
Зачитанных книжек рвань.
Я в окружении тисков.
И вроде решеток нет,
не виден колючий забор.
Но проникающий свет
как бы ставит в укор
то, что не дышу
морозной свежестью дней.
То, что я пишу
о заточении, а не о ней.

5.

Но все же свобода внутри,
(я верил в это всегда!)
горит и бьется в груди
воля, стремление, мечта.
И можно сломать тело,
унизить личность, закрыть.
Только если в душе цело
ядро идей, то его не сломить.

6.

Горизонтальность ума,
но вертикальность страниц
есть отпечаток нутра
с отсветом дальних зарниц.
Прямоугольность систем,
прямолинейность борьбы
восславят внуки затем,
зачем стремились к ним мы.

ВПОЛНЕ ВСЕМ ИЗВЕСТНОЙ

О.С.

1.

Вспоминая обрывки недосказанных фраз,
остающихся в легких рыданьем,
блеском слез невысыхающих глаз,
скрытым в сердце признанием,

ухожу, уезжаю, бегу.
Но не ты разлуки причина.
Просто нужно развеять мыслей пургу,
здесь конец, но никак не кончина.
Паровозный гудок,
чемоданы в багаж, суета.
Ищешь свежий платок –
заземлить оголенных чувств провода.
И скрываешь опять,
лжешь себе, но не мне.
Мысли – вспять,
нервы – вниз по щеке.
Эшелонами слов,
оставляя перроны любви,
километрами снов –
исчисляется время пути.
От зовущей к походу трубы,
от несмелого шага вперед,
до конечной нашей судьбы,
до того, как один не умрет.
Ибо прощанье обман –
не существует для двух.
Давай наполним стакан,
выпьем за нас, за старух.
Четверть прожили мы.
Оглядываясь назад,
видим не столько следы,
сколько будущий ад.

2.

За гранью добра и зла,
перед паденья грехом
стоят наши связи, да
крепятся красным вином.
Однако, когда не печаль,
а радость в очах горит,
ты не приходишь на чай:
я тебе лишь Айболит.
«Выслушай, вылечи, друг,
и я пойду ко своим.
А твой душевный недуг
оставь не мне, но другим».
Поэтому часто и долго курю
на общем балконе один.
Жалко, что не колюсь. Грустно, что пью.
Сам себе раб, никому господин.

3.

Вспоминая сорвавшихся планов мечту,
недоделанных дел начинания,

как ни странно, разгильдяйство я чту
и сложение меняю на вычитание.
Потому что, чем выше цена
на пока ещё теплое тело,
тем дороже становится целина,
и платить надо больше, чем ты бы хотела.
Рассчитаем заранее сальдо,
кровью подпишем чек.
И когда совершу я последнее сальто,
и последний всплакнет человек,
станет ясно: за эндцать куплен
и за эндцать же продаюсь.
Да плевать, что был рано погублен –
жил как жил и собой остаюсь.

4.

За гранью таланта и гения,
перед бездарностью пропасти
лежат мои стихотворения,
покоятся на плоскости.
Может их из стола не выну,
может вообще сожгу.
Но сильно жду, что своему сыну,
как подрастет, эти строки прочту.
И он станет главным критиком:
мне перед ним краснеть,
оправдываться мол «не был нытиком,
просто в самую душу любил смотреть».
Он не станет корить за разгульство,
попрекать за ошибки молодости,
даже поймет богохульство
и отсутствие строгости.
Одно простить не решится
(в этом с ним солидарен),
как не посмел с тобой объясниться,
придумал кучу для этого правил.
Через тернии к счастью,
со слезами в ЗАГС.
Нам дано упиваться властью,
даже если свыше на нас заказ.

5.

Негативом на сердце твой образ,
проявляется только в душе.
От ночного звонка дрожащий голос –
позабывтая радость уже.
посвящаю тебе, всем известной,
Не стихи, нет. Себя самого.
Пусть строчка выше не покажется лестной,
но больше на ум не пришло ничего.

ПИСЬМО О.С.

Милая, вот опять пишу из уездного города Н,
не такого уж дальнего, только ты приедешь едва-ли.
Здесь идут проливные дожди, как из порезанных вен,
нагоняя лишней тоски и ненужной печали.
Четверть года назад во мне еще таилась надежда,
я любил, посвящал стихи и, похоже, был слеп.
Но толи тебя испугала моя уставная одежда,
а скорее всего я просто вышел на свет.
И отнюдь, я любил не тебя, а придуманный грезами образ.
Ты сама говорила об этом, предвидя грустный итог.
Наконец, он разрушен и виновен, конечно, не возраст,
и не то, что другого приглашаешь к себе за порог.
Просто вдруг пелена растворилась, заглушился малиновый звон,
я в кои-то веки посмотрел на тебя трезво и понял:
давно пришла пора выгнать тебя из сердца вон.
Но странно, что напоследок в мыслях все же обнял.
И ты могла бы выйти замуж за кого угодно,
а почему-то сошлась с тем, который был мне друг.
Ты тоже была подругой, но видно это модно,
делать больно людям, составляющим ближайший круг.
В общем кончено все и как жаль, что не кончилось прежде.
Но, с другой стороны, это опыт и множество строк.
Вот опять пишу тебе письма в глупой надежде,
что от этого будет хоть какой-нибудь прок.

ПЕСНЬ ВАРЯГА

Светила белая Луна
на синем небе.
Краснела, падая звезда –
младенец в хлеве.
Холодный воздух согревал
нутро варяга.
А снег и лед напоминал,
что смерть – отвага.
Чужая скорбная земля,
по дому скука.
И стены старого кремля
для нас разлука.
Остроконечных фьордов даль,
балтийский берег.
Оружья кованная сталь,
войне он верен.
Иная вера на Руси,
но без Перуна.
У князя воли попроси-
святая руна.
Валькнут-подарок на груди –
любимой очи.

В Вальхалле встреча впереди:
хмельные ночи.
По Волге плыть на юг пока,
ладья большая.
И в океан впадет Ока,
Днестру мешая.
Драккар затонет на Неве –
отныне тризна.
И больше не придем извне –
одна Отчизна.
Светила яркая луна,
валькирии в небе.
Варяг мечтал – придет она,
был верен вере.

Капитан 1 ранга запаса
Сергей Дмитриевич Нитков.

Родился и вырос в Севастополе. Окончил Киевское высшее военно-морское политическое училище и заочно с отличием и «золотой» медалью - Военный университет по специальности социальный педагог, психолог, преподаватель.

Прослужил на флоте 33 года, участвовал в двенадцати дальних походах кораблей в Средиземное море, Атлантический и Индийский океаны.

Матросом служил на Севере. Офицерская служба проходила на кораблях и в органах военного управления Черноморского флота. В настоящее время является сотрудником военно-политического отдела Черноморского флота.

Литературной деятельностью начал заниматься с 1990 года, сотрудничая с газетой «Флаг Родины» и другими изданиями в вопросах военно-патриотического

воспитания молодежи, пропаганды боевых традиций флота и славянского культурного наследия. Публиковался в журналах «Воин России», «Морской сборник», «Маринист», «Невский альманах», литературно-историческом альманахе «Севастополь», «Литературной газете», различных интернет-изданиях. Издано девять книг морских рассказов («Особый случай», «Флотская логика», «Закаленные морем», «Флотские страсти», «Бедные лейтенанты», «Голос моря», «Важный разговор», «О чем молчит море», «Морской пассаж»).

Член Союза писателей России, заслуженный работник культуры Республики Крым. Награжден памятной медалью Правительства Российской Федерации "Патриот России", является лауреатом Севастопольского общегородского форума "Общественное признание".

Дипломант Всероссийского литературного конкурса «Твои, Россия, сыновья!» 2021 г.

ПАНДЕМИЯ, ИЛИ ВОЕННЫЕ ЧТО-ТО ЗНАЮТ

В XXI веке люди всем миром осознали всю скрытую угрозу в таинственном слове «пандемия», когда покинув пределы Китая, по планете, легко преодолевая государственные границы, стал неумолимо распространяться новый коронавирус, оставляя за собой смертельную жатву. На начальном этапе даже ученые и врачи честно признавались, что мало что знают о новом заболевании COVID-19. Знаний нет. Вакцины нет. Нет и эффективного лечения. На этой почве в широких массах бытовали разные мнения: от панических настроений до полного отрицания существования коронавируса. Мол, все это заговор мирового правительства. Вот на этом фоне и происходили события, о которых пойдет речь в этом небольшом рассказе.

***

Где-то в предгорьях Кавказа расположился небольшой курортный городок. Главными достопримечательностями этого поселения были море и аэродром авиационного полка, что уже долгие годы дислоцировался в тех местах. Местный мэр и командир полка

там были самыми уважаемыми и влиятельными людьми, объективно обязанными поддерживать плотный деловой, и я бы даже сказал дружественный контакт. Они не только влияли на все процессы, происходящие в городе, но и дружили семьями. Казалось, у них не было секретов между собой. В период раскручивания маховика пандемии в воинской части произошли события, которые чуть не положили конец полному доверию между государственным мужем и военным чином. А дело было так.

С утра полковник Щеглов созвал всех подчиненных на экстренное совещание. В часть поступили указания от вышестоящего командования по проведению профилактических мероприятий по борьбе с пандемией нового коронавируса. В курортном городке и авиационном гарнизоне еще не было случаев заражения COVID-19, но посмотрите телевизор и сразу поймете важность поставленной начальством задачи. Полковник свел брови, напустив на себя как можно больше важности, этим подчеркивая всю серьезность положения, и доведя шифровку офицерам, сразу стал раздавать указания должностным лицам. Думалось, что больше всех повезло заму по военно-политической работе. Указаниями вышестоящего штаба предписывалось отменить или ограничить проведение массовых мероприятий, но дело в том, что одновременно требовались не просто доклады о проведенной работе, но и подробные фотоотчеты. А если не проводить то, что фотографировать? То-то!

Командиры эскадрилий, тыловики и химики получили от командира приказ провести масштабную дезинфекцию и все это запечатлеть на фото для начальства. Заканчивая совещание, командир полка спросил: «Вопросы есть?» – Есть! – послышался робкий голос с задних рядов. Это был старший лейтенант Василий Петров, оставшийся за начальника медицинской службы. – Тут у нас два бойца, – замялся офицер, подбирая слова. – Два бойца и что? – торопил его командир. – В смысле – «засопливили». – И что? – А вдруг у них, это... – Коронавирус, что ли? – изумился полковник. – Ну, я не говорю, что COVID-19, но, а вдруг? Точно поставить диагноз можно только в городской больнице.

Полковник Щеглов задумался. В его голове за несколько секунд пролистнулось целое множество последствий «а вдруг?». – Ладно! А откуда бойцы? – С роты аэродромного обеспечения. – А где командир роты? – спросил Щеглов и стал оглядывать помещение. – Товарищ командир полка. Командир роты обеспечения в отпуске, – выпалил начальник штаба. – Понятно. Значит так, Василий Иванович, – обратился он к старшему лейтенанту Петрову. – Берете больных бойцов и после совещания отправляйтесь в городскую больницу, пусть их там внимательно посмотрят. А то, мало ли что? А остальные проводят учение по дезинфекции. – Григорий Платонович, – командир посмотрел на зама по военно-политической работе. – А вы организуйте профессиональную съемку учения для фотоотчета. Добро?

- Так точно, сделаем, – бодро доложил зам.

Прихватив с собой «сопливых» военнослужащих старший лейтенант Петров направился за ворота гарнизона в город. Нужно было срочно сделать больным снимок пазухи носоглотки и прочее. В это время в части уже объявили учебную химическую тревогу, поэтому «больные» бойцы с желанием отправились со старшим лейтенантом.

В городской больнице тоже получили указания от своего начальства и приняли ряд мер, готовясь во всеоружии встретить на пороге врага в лице COVID-19. – Без масок не пушу, – твердо заявил охранник горбольницы, когда военные попытались зайти внутрь лечебного заведения. – У нас нет масок! – взмолился офицер. – Идите и купите в аптеке, – посоветовал страж порядка. В аптеке в продаже масок не оказалось – дефицит!

Как не бился старший лейтенант, словно бабочка о стекло, его и бойцов отказались пускать без масок даже на порог лечебного заведения. Предприняв несколько безуспешных попыток, в том числе через черный ход, попасть к врачам городской больницы, ответственный офицер перестал паниковать и стал думать, что же предпринять?

Его взгляд скользнул по озадаченным военнослужащим и старшего лейтенанта осенило. – В шеренгу становись, – приказал офицер. И как только удивленные военнослужащие приосанились и изобразили строй, Петров скомандовал: – Газы! Надеть

противогазы. Бойцы, повинувшись выработанной постоянными тренировками привычке, быстро натянули на голову противогазы, что были при них ввиду объявленной в части химической тревоги.

Каково же было удивление охранника, а затем лечащих врачей, когда они увидели троицу военных в противогазах. Не было причин, чтобы их не пускать в больницу. Формально они выполнили требование к посетителям: быть в масках. Охранник, словно извиняясь за ранее проявленную принципиальность, в этот раз услужливо пропустил военных в нестандартных масках. Пока авиаторы шли по коридорам лечебного заведения от них шарахались как от прокаженных или инопланетян. Люди переглядывались и с недоумением пожимали плечами. Дети постарше, забыв о правилах приличия, показывали на них пальцем. А несколько малышей от испуга даже заголосили, заливаясь слезами. Впечатлительная бабуля, увидев военных необычного вида, трижды перекрестилась, приговаривая: «Спаси и сохрани».

Появление представителей авиационного полка в столь необычном виде в городской больнице произвело фурор. По городу моментально, словно взрывная волна, стали распространяться слухи, что военные что-то знают такое о пандемии, что простым смертным знать не положено. А у страха, как известно, глаза велики.

В это время в авиационном гарнизоне шли полным ходом дезинфекционные мероприятия. Дошло до того, что для лучшей картинке для отчета за ворота воинской части выгнали КАМАЗ, тягач, топливозаправщик и военные в защитных костюмах и противогазах начали их тщательно драить специальными щетками. А военный фотограф усердно документировал происходящее на цифровой фотоаппарат.

Все это не укрылось от глаз любопытных прохожих, которые сделали свои далеко идущие выводы. Теперь уже со стороны гарнизона поползла и стала распространяться волна панических слухов. Караул! В курортном городе чума. Давно забытое страшное слово заставляло холодеть сердце и строить самые невероятные предположения. Все твердили, что военные что-то знают, но молчат...

Две волны слухов встретились, слились и значительно усилившись, докатились до мэрии городка.

- Ах, Иван Иванович!- вспомнил не добрым словом друга полковника мэра города. – А еще друг называется. Тут такое творится, а он даже не позвонил, не ввел в курс дела. Получается, что, как только беда, так табачок врозь. Я понимаю – секретность. Но здоровье земляков -то тоже не пустой звук.

Так почти на пустом месте родившиеся слухи чуть не рассорили закадычных товарищей мэра курортного городка и начальника авиационного гарнизона.

К счастью, преодолев сомнения, мэр все-таки набрал номер телефона полковника и пикантная ситуация прояснилась. Все сразу стало на свои места. Они долго не могли успокоиться, дружно заходясь и покатываясь от смеха. В итоге мэр попросил начальника гарнизона больше не выкатывать автотехнику для дезинфекции за периметр гарнизона, дабы не создавать почву для немыслимых слухов. Хотя в итоге COVID-19 оказался далеко не слухом, и словно тень с курортниками проник и в городок и в гарнизон, но совместными усилиями мэра и его соратника и друга полковника, а также их сплоченных команд был обескровлен и остановлен. Так что море и самолеты снова влекут желающих к безопасному отдыху в замечательном курортном городке.

***

Примечательно, что этот рассказ написан в день, когда было объявлено, что в России впервые в мире зарегистрирована вакцина против нового коронавируса. Так что будем жить, а не выживать!

ЭКО-КАПРИЗ, ИЛИ БОЛЬШОЙ ОРИГИНАЛ

В неуютный, промозглый день поздней осени на отдельный дивизион кораблей прибыло молодое пополнение.

Беспощадно палящее солнце расслабляло до невозможности. Казалось, даже лазурь Средиземного моря растворялась в его безжалостных всепроникающих лучах. Раскаленное железо палубы зло покусывало ступни моряков даже сквозь резину подошв сланцев и тропических тапочек. В обеденный перерыв самые отчаянные члены экипажа принимали солнечные ванны на баке, другие ворочались в койках, проклиная стоящую духоту. Пот предательски застилал глаза, выступал на шее и спине, вальяжно скатываясь стружкой по ложбине вдоль позвоночника.

– Ну и жара сегодня, – отметил старпом, подходя к командирскому креслу на ГКП.

– Да, парит сегодня знатно, – согласился командир. Пристально вглядываясь в скрывшийся за дымкой горизонт, он сказал:

– Я вот думаю, что пора бы нам устроить помывку морякам. Капитан 2 ранга обратился к старшему помощнику:

– Ты как считаешь?

– Да уже давно пора, но товарищ командир, вы же знаете, что воды у нас в обрез осталось, а танкер прибудет только через десять дней. Так что уж, какая тут помывка, хватило бы воды на неотложные нужды.

– Что верно, то верно! – согласился командир, продолжая пристально вглядываться вдаль.

В это время горизонт стал медленно сереть.

– Штурман! – крикнул командир, повернув голову в сторону штурманской рубки.

– Есть штурман! – отозвался из рубки капитан-лейтенант. Офицер перестал колдовать над картой и, оставив прокладку, подошел к командиру.

– Слушаю вас, товарищ командир!

– Штурман, а что у нас с прогнозом погоды?

– Облачность, с возможным небольшим дождем, – капитан-лейтенант сделал паузу и тут же продолжил, – но в стороне от генерального курса.

Капитан 2 ранга посмотрел в очередной раз на горизонт, все более темнеющий на глазах, затем перевел взгляд на нежелающие укладываться в прическу волосы командира штурманской боевой части. Перехватив взгляд командира, штурман машинально стал приглаживать рукой непокорные волосы.

– Штурман, а ну-ка рассчитай мне возможную дождевую точку в центре облачности.

Получив приказание командира, капитан-лейтенант поспешил в штурманскую рубку. Через несколько минут он выдал командиру расчетные координаты.

– Право руля! – скомандовал капитан 2 ранга. – Старпом ложимся на новый курс.

Когда корабль стал ворочать вправо, ложась на рекомендованный штурманом курс, до конца обеденного перерыва оставался ровно час.

Старший помощник точно выполнял команды командира, при этом, не решаясь задать волновавший его вопрос: «Для чего они легли на новый галс?»

Когда «адмиральский час» подходил к концу над кораблем уже сомкнулись плотные облака плавно переходящие в тучи. Солнце словно сжалилось над военными моряками и на время спряталось передохнуть за плотной облачностью.

Командир приказал старпому дать команду дежурному, смысл которой вначале шокировал офицера.

Когда экипаж услышал по громкоговорящей трансляции стальной голос дежурного: «Команде приготовиться к построению на юте. Форма одежды трусы, голый торс. При себе иметь мыло и мочалку», то удивился не менее, а может и более старшего помощника. В кубриках началась суета. Матросы, мичманы и офицеры забегали в поисках мыла и мочалок, хорошо хоть трусы были всегда при них.

На послеобеденном построении, дожидаясь командования, все посмеивались, глядя друг на друга и шептались: «Танкер? Танкер идет!». Всезнающие связисты клялись, что не получали телеграммы с подобной благой вестью.

– Так в чем же фишка? – задавались вопросом самые дотошные члены экипажа. – Будет смотр банных принадлежностей, – авторитетно утверждали наиболее догадливые товарищи.

Капитан двигавшегося встречным курсом иностранного сухогруза во все глаза смотрел в бинокль. Грозный боевой корабль уже не казался ему таким устрашающим, а все благодаря внешнему виду этих непонятных русских. «А для чего они стоят почти голые? И на фиг им мочалки? Может пушки чистить?» – резонно думал капитан, не находя ответа на эти тревожащие его вопросы. Ему-то на его сухогрузе были неведомы проблемы с дефицитом воды.

– Равняйся. Смирно, – скомандовал старпом, встречая командира. Он перешел на строевой шаг, сближаясь с капитаном 2 ранга. Старпом в трусах и с мочалкой под мышкой – это была еще та картина, заглядишься.

– Товарищ командир. Экипаж корабля построен по большому сбору.

В это время нос, а затем и весь корабль зашел под грозовую тучу.

– Команде мыться, – скомандовал командир. И тут, словно по договору со Всевышним, на моряков обрушились воды небесные.

Теплый летний дождь стоял плотной стеной. Вахтенный офицер застопорил ход и с завистью думал о тех, кто сейчас на юте предавался усладе природной бани. Моряки споро намывляли себя и мочалки, не жалея мыла, и тщательно терли и терли тело. За плотным слоем пены поблескивали довольные глаза моряков, прибывавших в лоне сказочного блаженства. И много ли надо человеку для счастья.

Капитан сухогруза во все глаза смотрел на то, что происходит на боевом корабле и лишь чувственно охал. В своей многолетней морской практике он впервые столкнулся с таким необычным явлением. Его трудно было чем-либо удивить, но, право, русским это удалось. Он по достоинству оценил смекалку военных, банально пребывая в уверенности, что вся эта идея затеяна ради экологически чистой помывки. Пожилой капитан даже подумал: «А не стоит ли взять на вооружение передовой опыт, ведь экология, как нынче говорят, в тренде». Ему и в голову не пришло, что это был не эко-каприз давно пребывающих в море людей, а остроумный и подкрепленный высоким профессионализмом ход командира, вызванный острой необходимостью, а главное, вполне реальной заботой о людях.

А уж кто способен нестандартно мыслить в повседневной обстановке, то и в бою окажется на высоте. Тем более, что оригиналы во флотской среде никогда не переводились. Можете мне поверить!

«РАКОВЫЕ ШЕЙКИ»

Однажды ко мне в кабинет заглянул по делам службы подполковник Игорь Караваев. В тот момент у меня болело горло, и в качестве панацеи от простуды я интенсивно поглощал леденцы и карамели. Как добродушный хозяин я предложил офицеру из войск угоститься карамелькой. Вместо благодарной улыбки на лице подполковника образовалась гримаса, будто он укусил кислый лимон. На мой немой вопрос, вызвавшийся в поднявшихся и изогнувшихся дугой бровях, он поведал свою историю.

***

Шел второй год после миллениума. Дело было в Итумкалинском районе Чеченской Республики. В соответствии с оперативной обстановкой командованием было принято решение высадить в горах несколько десантных взводов на ключевые точки перевала на

границе с Грузией. Задача была одна: во что бы то ни стало перекрыть возможность прохода через перевал боевиков. Десантников срочно загрузили в вертолеты и после короткого перелета выбросили в декабрьскую ночь в назначенных местах на горном хребте.

Взвод старшего лейтенанта Игоря Караваева обосновался на наиболее вероятном направлении перехода боевиков, среди которых должно было быть немало арабов. Первым делом, подготовив боевые позиции, десантники озаботились и бытовыми вопросами. В палатке, укрывшейся в скальной расщелине, они бережно складировали сухие пайки. Сколько придется ждать «басурманов» никто не знал, но все надеялись, что на уютном, продуваемом со всех сторон горном перевале они застрянут ненадолго. День шел за днем, на горизонте уже замаячил Новый год, а активности в предгорьях все не наблюдалось, зато «сухпай» стал подходить к концу, что не могло не вызывать беспокойство. Связались с командованием и поделились своими озабоченностями. В ответ услышали:

– Держитесь. К Новому году обязательно забросим продовольственные пайки и даже больше, гуманитарную помощь. Ждите сюрприз к праздничному столу. Карамельки...

Это было последнее, что услышал командир взвода, так как опустившийся на перевал густой туман окончательно испортил и так неустойчивую связь.

Накануне Нового года десанникам уже практически нечем было питаться, и тут по связи поступила команда быть готовыми принять вертолет, точнее груз с него. Десантники уже знали, что вертолет доставит на каждую точку по пять ящиков с сухими пайками и по ящику с гуманитарным сюрпризом. С этим знанием жить стало как-то веселей. И действительно, 31 декабря десантники Игоря Караваева услышали гул винтов, приближающегося вертолета. Угрюмые лица похудевших бойцов ВДВ засветились добрыми улыбками. О том, чтобы совершить посадку в горной местности не могло быть и речи. Поэтому вертолет ненадолго завис на небольшой высоте. Летчики спешно сбросили шесть тюков и подождав, когда передовой авиационный наводчик на земле подтвердит, что груз доставлен, повели винтокрылую машину на соседнюю точку, а затем и на дальнюю. Успешно выполнив боевое задание командования, вертолетчики вернулись на базу.

Тем временем выделенный личный состав дружно перенес тюки с коробками к базовой палатке. Старший лейтенант Караваев приказал вскрыть коробку с продовольственными пайками, чтобы вдоволь накормить подчиненных на праздничном ужине.

Десантник, ловко орудуя штык-ножом, быстро вспорол упаковку пака. Большая коробка оказалась полной карамели. Сюрприз в виде конфет произвел впечатление на засидевшихся на перевале десантников.

– Будем считать, что сюрприз удался, – сказал Игорь Караваев, и дал команду вскрыть следующую коробку с сухим пайком.

Когда открыли следующий ящик, все кто был рядом, ахнули. Он был тоже до краев набит карамелью.

– Вскрывай следующий, – приказал командир, предчувствуя худое.

Распахнули очередную коробку, а там тоже конфеты.

Вот так действительно сюрприз. Все шесть ящиков были полны конфет, и ни одного набора сухого пайка, хоть обыщись. Судя по всему, летчики что-то перепутали, и все шесть ящиков с карамелью сбросили в одной точке. Остальные получили только продовольствие и остались без сюрприза к празднику. Но право, такого сюрприза, что получил старший лейтенант Караваев и его люди, лучше бы было избежать.

Наступили продолжительные Новогодние праздники, поэтому ждать нового вертолета с продовольствием десантному взводу Караваева пришлось долго. Оставшийся сухой паек быстро закончился, как его не растягивали, и пришлось настоящим мужикам, гордости Воздушно-десантных войск питаться исключительно карамельками. На завтрак конфеты «Раковые шейки», на обед тоже и на ужин они же. «Сладкая жизнь» показалась ВДВэшникам хуже пареной репы. Неделю питаться одной карамелью, это что ни говорите, своеобразный подвиг. Не согласны, попробуйте сами посидеть на карамельной диете,

поймете. Когда, наконец, на точку Караваева доставили настоящие сухие пайки, они показались десантникам настолько вкусными, что ни одно пусть даже самое изысканное блюдо из французского ресторана тут бы не смогло с ними конкурировать.

Спустя какое-то время десантников с перевала отозвали. Видно, прослышав про подвиги «конфетного сидения» ВДВэшников, боевики не рискнули вызывать на себя их гнев и проверять на прочность.

– Так что вот с тех самых пор я и не ем карамель, – закончил свой рассказ подполковник Караваев. И в конце поставил точку. – Скажу больше. Прошло столько лет, а я на нее до сих пор смотреть не могу. Так что, извините!

***

Когда мы расстались с подполковником, я подумал: «Военная служба штука сложная и многоплановая. И в ней точно, всегда есть место подвигу. И совершать его можно лицом к лицу встречая врага или долго питаюсь лишь одними конфетами. Как в первом, так и во втором случае нужно проявлять мужество и стойкость. А если ты настоящий воин, должен быть готов к подвигу всегда, как были готовы к нему десантники взвода старшего лейтенанта Караваева.

Я РУССКИЙ БЫ ВЫУЧИЛ ТОЛЬКО ЗА ТО...

Майор Батюшкин познакомился с Али перед штурмом Пальмиры.

В задачу Евгения Ивановича входило в кратчайший срок обучить взвод сирийских новобранцев азам ведения реального боя с исламскими радикалами. Али был приставлен командованием к русскому офицеру в качестве переводчика. Ответственно выполняя приказ своего начальства, сириец был рядом с майором и днем, и ночью. Он бойко, как и все местные жители, говорил на арабском, но как только переходил на русский, речь его становилась размеренной и акцентированной. Али четко выговаривал каждое слово, и что удивительно, практически без акцента. Этот факт не мог не заинтересовать Евгения.

Как-то вечером после ужина Али хлопотал у огня.

– Евгений Иванович, сейчас я тебя настоящим кофе угощать буду, мы это сегодня заслужили.

– И водой будем запивать каждый глоток? – поинтересовался офицер.

– Именно так, но только вначале глоток воды, а потом уже крепкого кофе, чтобы оттенить его вкус.

Али сдержал свое слово, и через несколько минут ароматный напиток был готов.

Наблюдая за тем, как ловко справляется переводчик с добровольно взятыми на себя дополнительными обязанностями, майор Батюшкин поинтересовался:

– Слышишь, Али, я вот все тебя спросить хочу, где ты так выучил русский язык? И говоришь почти без акцента.

Разливая сваренный кофе по чашкам, сириец вместо прямого ответа на заданный вопрос отвлеченно заметил:

– Культивировать кофе в Аравии начали еще во второй половине седьмого века, – и, передав чашку с дымком Евгению Ивановичу, продолжил: – А европейцам он стал известен как минимум семьсот лет спустя.

Когда майор принял из рук в руки чашку и с наслаждением вдохнул исходящий от нее запах настоящего кофе, Али неожиданно вернулся к заданному русским товарищем вопросу.

– Знаешь, садык, я учился на переводчика в Ростове.

– Да ладно, – удивился офицер.

– Да-да, в Ростове, – подтверждая сказанное, усердно закивал головой сириец.

– Ну, ты не первый переводчик, который со мной работает. Но что-то я не слышал, чтобы они так чисто говорили по-русски.

В ответ на эти слова Али мечтательно улыбнулся и стал не торопясь рассказывать свою историю, отвлекаясь лишь на то, чтобы сделать очередной глоток бодрящего напитка.

– В бытность моей учебы в России я очень хотел познакомиться с русской девушкой, но все как-то не получалось. И однажды мы всей группой собрались на дискотеку. Это был мой шанс осуществить свое давнее желание. В процессе сбора на вечер отдыха я спрашиваю у русского студента: «Когда я девушку приглашаю на танец, она в случае согласия что должна ответить?» Да не заморачивайся ты, все проще пареной репы. Есть два варианта, говорит он мне, «да» или «нет». Если ответит «нет», то ты свободен как птица, а вот если «да», то это добрый знак, она готова танцевать с тобой, понял?

Оказывается, русский язык бывает до безобразия прост, подумал я и поблагодарил сокурсника за помощь. Все оставшееся до вечера время я прокрутился у зеркала, придавая себе гламурный вид и без конца повторяя «да» – «нет». В какой-то момент я даже стал напевать эти такие важные для меня два русских слова. Попутно я до автомата опять же перед зеркалом оттачивал фразу: «Разрешите пригласить вас на танец!» После бесконечного числа повторений эту фразу я произносил уже практически без акцента, как настоящий русский. Теперь я считал себя во всеоружии, готовым к действиям.

И вот мы на дискотеке. Под гром музыки и блеск софитов я стал присматриваться к окружающим меня посетителям дискотеки. Ее я заприметил не сразу, но как только на этой девушке остановился мой взгляд, я сразу понял, что она цель, к которой я так страстно стремился. Знакомство с такой девушкой могло в корне изменить мою жизнь в России. Как только заиграла подходящая музыка, я собрался с духом и решительно направился к ней.

«Разрешите пригласить вас на танец», – заученно произнес я и стал внимательно следить за губами девушки, готовый услышать заветное «да». Я был элегантен и одет с иголочки, что придавало мне сил и уверенности в себе.

В ответ она мило улыбнулась и ответила: «С удовольствием!».

Такого поворота событий я не мог предположить. А где же «да» или «нет»? На счет простоты русского языка я сильно ошибся, поэтому пребывал в трудно скрываемом замешательстве. Хоть стреляйте меня, но я не знал, что значит по-русски «с удовольствием», хоть плач. В полной растерянности я повернулся и пошел прочь от понравившейся мне девушки. Подойдя к сокурснику, выступившему в роли лингвиста, я попросил разъяснить, что значит «с удовольствием»? Прежде чем сказать хоть слово, он разразился смехом, еще больше приводя меня в смущение. Наконец, он успокоился и дал внятное разъяснение, что значит в данном случае русское слово «с удовольствием».

Когда я был готов снова направиться к понравившейся мне девушке, она уже танцевала с каким-то русским парнем, а после они и вовсе покинули вместе дискотеку. Моему разочарованию не было предела. Я на чем свет стоит ругал себя последними словами, без конца спрашивая Аллаха, чем я его так разгневал?

Вот этот случай и стал стимулом к изменению моего отношения к изучению русского языка, который за его глубину я полюбил как родной.

Закончив свои воспоминания, Али спохватился и принялся снова хлопотать вокруг русского друга, предложив ему еще чашечку кофе.

Попивая кофе, они молчали, каждый думал о своем.

А на следующий день пришел приказ на штурм Пальмиры, и уже не было времени для воспоминаний о прошлом и дружеских посиделок. Свист пуль и грохот разорвавшихся мин сопровождали крики на арабском вперемежку с сочными русскими матерными словами. А кто и что кричал в пылу боя – поди разберись. И лишь гробовое молчание убитых и стоны раненых не имели языкового различия. И впоследствии классическая музыка в исполнении российских музыкантов среди памятников зодчества освобожденной от изуверов древней Пальмиры не требовала перевода и была понятна всем, еще больше объединяя народы, поднявшиеся на борьбу с терроризмом, и вселяя веру в торжество справедливости.

Среди благодарных зрителей были майор Батюшкин и его Санчо Панса – переводчик Али. Последний внимал божественные звуки музыки, поглаживая забинтованную руку на повязке, – это его зацепил шальной осколок мины. После концерта уже Евгений Иванович, простой русский военный, поднаторевший в мирских делах и местных обычаях, варил кофе по-арабски для своего боевого товарища Али. Они до глубокой ночи делились впечатлениями от выступления русских музыкантов в свободной от террористов сирийской Пальмире и строили планы на будущее. И, несомненно, теперь их объединял не только великий и могучий русский язык.

ГРИШКА – СЛУЖИВЫЙ ПЕС

Гришка был самой что ни на есть обычной дворнягой. Судьба не дала ему ни родовитых предков, ни заботливого хозяина. Отсутствие благородных манер и неприглядный внешний вид несколько не мешали ему с утра до вечера шнырять по причалу в поисках случайного пропитания и собачьих приключений.

В один из дней наш дворняга мирно дремал, укрывшись от палящих лучей солнца под днищем автомобиля. В этот момент он и встретил капитана 2 ранга Сюткина – владельца «Жигулей» бирюзового цвета.

Трудно объяснить, почему, но с этого времени и завязалась их дружба. Гришка, словно сторожевой пес, стал охранять «жигуленок» своего друга, не подпуская к нему ни людей, ни собак. Это служебное рвение дворняги не могло оставить равнодушным Сюткина, и он на зависть четвероногим обитателям причала стал с завидным постоянством подкармливать добровольного охранника.

Обоюдовыгодная эта дружба не укрылась от глаз моряков. Безродного дворнягу прозвали Гришкой по имени капитана 2 ранга Сюткина. Ровно в семь тридцать утра Гришка принимал под охрану автомобиль у прибывшего на службу Сюткина. И после окончания рабочего дня с лаем провожал его домой.

Как-то после убытия офицера в отпуск по личным обстоятельствам пес, не видя Сюткина и его «Жигулей», на третьи сутки их отсутствия, когда на кораблях стали поднимать флаг, вдруг завыл. И что удивительно, с той поры он стал регулярно появляться на причале перед подъемом флага. И, став в строгую стойку, в момент подъема Военно-морского флага оглашал округу чувственным собачьим лаем. В момент совершения этого ритуала он упоительно выл, блаженно закрывая глаза, чем окончательно покорила сердца моряков.

Участие Гришки в церемонии поднятия флага на кораблях дивизиона стало традиционным. Лишь однажды в ненастную погоду, пригревшись в рубке дежурного, Гришка проспал подъем флага. Бело-голубое полотнище уже пять минут веяло над кормой кораблей, когда четвероногий моряк, очнувшись от приятного сна, выскочил на причал. Увидев, что опростоволосился и проспал подъем флага, Гришка нервно заметался по причалу, не находя себе места. Потом, упав на передние лапы, спрятал в них морду, будто стыдясь своей непростительной оплошности. Морякам стало даже как-то неловко, и они, как могли, поддержали дружка.

Настал день, когда, снявшись со швартовов, корабли части, где служил Сюткин, изменили место базирования, перейдя на другую сторону бухты.

Утром, вырвав на стоянку машин на новом месте Сюткин впервые не увидел, встречающего его Гришку, а моряки не слышали привычного лая во время подъема флага. Такой расклад не мог устроить Сюткина, и он, снарядив катер, отправился за Гришкой. Назад они вернулись уже вдвоем. Справедливость была восстановлена. Пес персонально, как большой начальник, был доставлен к новому месту обитания, вслед за ставшими ему близкими людьми и родными кораблями.

Если вам случайно доведется в восемь утра оказаться на причале рядом с Минной стенкой, то вы непременно услышите, как Гришка, по-собачьи, приветствует Военно-морской флаг и новый рабочий день. И вы уже совершенно другими глазами будете смотреть на невзрачную собачонку, столь выразительно демонстрирующую верность флотским традициям.

ТРЕВОЖНЫЙ ЧЕМОДАН

У военных много всяких специфических терминов и понятий. Одно из них – тревожный чемодан. Сей предмет строго ассоциируется с переводом воинской части в высшие степени боевой готовности. Внешне тревожный чемодан незначительно отличается от обычного, разве, что наличием бирки с начертанными на ней званием и фамилией хозяина. А вот его содержимое – это особый разговор. Здесь все продумано и регламентировано. Внутри чемодана находится весьма внушительный список того, что в обязательном порядке должен иметь с собой военнослужащий на всякий непредвиденный случай, когда в любой момент он может стать комбатантом. Если открыть тревожный чемодан, то мы там должны найти средства личной гигиены и сменное нательное белье, запас продуктов на первое время и еще всякие надобности, без которых трудно обойтись в угрожаемый период. А, в частности, комплекты принадлежностей для ухода за одеждой и обувью, индивидуального освещения и приема пищи. Один только комплект принадлежностей индивидуального освещения предполагает наличие не только карманного фонарика, но и парафиновой свечи и даже спичечного коробка. Так что, для укомплектования тревожного чемодана, который может быть и в виде сумки и большого портфеля, нужно посуетиться, чтобы не забыть нитки, фурнитуру или зеркало.

В ходе отработки мероприятий перевода в обязательном порядке строят военных и проверяют у них содержимое тревожных чемоданов, поэтому они всегда должны быть при них, как противогаз или личное оружие. С той лишь разницей, что последние хранятся централизованно – в оружейных комнатах, а чемоданы индивидуально, где придется.

В любой части находятся люди, у которых всегда проблемы с тревожным чемоданом. Поэтому по тревоге они начинают метаться в поисках чужого скарба, ведь, как правило, кто-то находится в отпуске или командировке, а посему грех не воспользоваться чужим добром и прикрыть свой зад за чужой счет.

К числу таких военнослужащих относился и тыловик майор Звонарев Олег Федорович. Он находил тысячи причин, чтобы уклоняться от построений при переводе части в высшие степени боевой готовности, но однажды, ему этого сделать не удалось. Проверять перевод части прибыл офицер штаба округа, поэтому командир не стал даже слушать весомые доводы Звонарева и приказал ему быть в строю с тревожным чемоданом. Олег Федорович заметался по штабу части в поисках свободного чемодана. Все уже выходили на плац строиться, обвешанные противогазами, снаряжением с кобурами и чемоданами в руках, поэтому майор быстро пробежался по кабинетам, заглядывая в шкафы, где обычно хранится то, что он искал. Но, где там, как назло в зимний период не было желающих пребывать в отпуске, всем хотелось гулять летом или на крайний случай в мае, сентябре. Уже теряя надежду выйти сухим из воды, Звонарев заглянул в последний кабинет и в глубине шкафа увидел искомый чемодан. Он схватил его, как утопающий хватается за соломинку, и помчался на плац. Свое место в строю, он занял последним. Тут же прогремела команда «Смирно!» и на плац вышли командир с проверяющим полковником. Началась рутинная проверка. Начальники обходили шеренги военнослужащих и выборочно проверяли наличие документов и содержимое тревожных чемоданов.

Так вышло, что полковник, двигаясь вдоль строя офицеров штаба части, остановился напротив майора Звонарева. Тыловик, как положено, представился по всей форме. Он чувствовал себя уверенно и спокойно, так как все было при нем. Проверяющий просмотрел его документы – полный порядок. Затем попросил предъявить для осмотра тревожный

чемодан. Олег Федорович наклонился к большой хозяйственной сумке, которая исполняла роль тревожного чемодана, и стал медленно расстегивать молнию. Его взгляд прошелся по пришитой с торца бирке. Какая-то тень тревоги скользнула в сознании и исчезла. А чего ему было бояться? Ведь прихваченная им глубокая и увесистая сумка красноречиво свидетельствовала, что полным полна коробушка. Олег даже мысленно пропел фразу известной песни: «Есть и ситец, и парча...»

Полковник попросил показать фонарик. Олег пошарил рукой в сумке и обнаружил предмет, отдающий холодом металла. Он извлек из чрева своего тревожного чемодана фонарик и показал его. В следующую очередь таким же образом нашлись консервы.

– Спасибо тебе боевой друг, – про себя поблагодарил майор хозяина чемодана. Очередным, что попросил показать полковник из штаба округа, было нательное белье. Ну, уж это, проще простого. Майор нащупал мягкую, отдающую теплом ткань. Ага, это то, что надо, подумал Олег. Он ухватил ее пальцами, вытащил из сумки и на вытянутой руке продемонстрировал проверяющему. То, как изменился в лице командир, а вслед за ним и представитель штаба округа заставило Звонарева внимательней посмотреть на то, что он им протягивал. Открывшаяся его взору картина, была как нож в сердце. Оказывается, он держал перед собой не что иное, как огромные, бледно голубые женские рейтузы с начесом, какие носили женщины лет тридцать назад.

– Извините, – пролепетал смущенно майор и снова полез в сумку за нательным бельем. Он в суматохе схватил первое попавшееся изделие из ткани и протянул его начальству, которое уже и не пыталось скрыть свою иронию и всю улыбалось. Вслед за ними весь строй не выдержал испытания содержимым тревожного чемодана Звонарева и громыхнул дружным смехом. И было от чего строгим военным смеяться до изнеможения.

Олег Федорович держал двумя пальцами хлопчатобумажный бюстгальтер, как минимум пятого размера. Под его сенью вполне могли укрыться две головы и не только таджикские в тубетейках или сынов Израиля в кипах, но и детей прерий – мексиканцев в сомбреро.

Майор Звонарев не чувствовал под собой ног и готов был незамедлительно и бесповоротно провалиться под землю, лишь бы не переживать прилюдно случившийся с ним конфуз. Собрав волю в кулак, он спрятал женский аксессуар подальше в сумку и сквозь стоящую от волнения пелену перед глазами все-таки сумел прочесть на бирке фамилию истинного хозяина тревожного чемодана. Его добило то, что сумка принадлежала не кому-нибудь, а его подчиненной старшему сержанту Глафире Федоровне Кудасовой. Эта весьма объемная и пышногрудая женщина, которую он на прошлой неделе отправил в отпуск, вдруг во всей красе встала у него в воображении. Она, словно Фемида, держала в руках как на чаше весов с одной стороны панталоны, а с другой лифчик, и при этом мило улыбалась и даже игриво подмигнула майору, но ему сейчас было не до любезностей. Ему страсть как захотелось ее убить, но тут же у майора возникло неодолимое желание укрыться от всех, прильнув к ее необъятной, выступающей далеко вперед, материнской груди, и разрыдаться. Но это была лишь минутная слабость.

Сослуживцы сильно не озадачивались случившимся на смотре, они поняли все правильно, так что Звонареву никто не стал шить дело об извращении и сексуальных отклонениях. Но, он навсегда усвоил значение и важность комплектации тревожного чемодана и больше уже никогда не прибегал к услугам других военнослужащих, так как имел свой – в полной боевой готовности. А вот вернувшаяся из отпуска старший сержант Кудасова Глафира Федоровна, так и не узнала, какую злую шутку сыграл, как она выражалась, ейный тревожный чемоданчик с ее начальником, хотя и замечала косые взгляды сослуживцев и смешки за своей спиной.

И не смотря ни на что, Родина знает, что если вдруг случится какая напасть или наступит лихая година, то и майор Звонарев и старший сержант Кудасова возьмут тревожные чемоданы и грудью встанут на ее защиту.

МАНИШКА

В жизни каждого человека иногда случаются досадные моменты, когда он схитрит затем чувствует себя весьма неловко и готов многое отдать, чтобы отмотать время назад и сделать все как надо, и не попасть в результате в непредсказуемую ситуацию, которую в народе характеризуют словами – хоть стой, хоть падай.

В тот год в конце апреля стояла невыносимая жара. Железо корабля накалялось так, что на палубе нельзя было стоять в обуви на тонкой подошве. В каютах духота была словно в парной. В отличие от Средиземноморских стран, где после полудня наступало время фиесты, так называемого послеобеденного отдыха, в отечественном военном флоте никто ничто не отменял и жизнь была ключом.

На одном из кораблей наиболее смысленные и предприимчивые офицеры, учитывая неимоверную жару, решили облегчить себе жизнь. Сначала отдельные, самые «умные» офицеры, а затем по цепной реакции и большинство других, изготовили из старых форменных рубашек манишки. Попросту говоря, отрезали рукава и прочее. Технологически не было ничего проще. Берешь ножницы, чик-чик и готово. Воротник рубашки с легким матерчатым обрамлением, освобождал тело от лишней одежды, но кому не надо, об этом даже не подозревал. Внешне все выглядело чинно и благородно, словом, по уставу. Под куртками и тужурками, как обычно, виднелся туго стянутый галстуком воротник рубашки. И все бы ловкачам, глядящих с высоко на изнывающих от жары сослуживцев с других кораблей, сходило с рук, но однажды случилось непредвиденное.

Командир бригады в срочном порядке собрал офицеров на совещание. Плотно расположившись за столами в кают-компании флагманского корабля, участники совещания начали медленно, но верно обливаться потом. И лишь те, кто был приодет в манишки, а не рубашки, чувствовали себя вполне сносно. Они до тех пор шутили и подсмеивались над товарищами, не догадавшимися пойти легким путем, пока в помещение не прибыл комбриг. Он слегка запыхался от быстрой ходьбы. Капитан 1 ранга поздоровался с подчиненными, снял тужурку и повесил ее на стул. Затем он обратился к присутствующим и рекомендовал им последовать его примеру. Те, кто изнывал от жары, с удовольствием и чувством облегчения моментально сбросили с плеч тужурки, оставшись в одних рубашках с погонами. А вот, что касается ловкачей, то в тот момент на них стало жалко смотреть. Они понимали, что против комбрига не пойдешь, и как только он с немым вопросом поднял вверх брови, ребята тут же скинули тужурки и представили на всеобщее обозрение свои разных калибров и плотности волосяного покрова обнаженные торсы. Лишь манишки стыдливо и неумело прикрывали наготу их тел.

Что тут скажешь, флотская порнография, да и только. Вслед за этим грянул гром, но не командирского гнева, а всеобщего и всепоглощающего смеха. Громче всех, до изнеможения, хохотал командир бригады. Наблюдать эту картину без смеха было просто невозможно. Комбриг не стал даже отчитывать героев дня, а иронично качая головой и то и дело озаряясь улыбкой, отпустил их с миром переодеваться. Словно побитые, с понурыми головами покидали они кают-компанию, надолго запомнив свой конфуз.

С той поры манишки по-флотски ушли в историю, но этот случай должен быть уроком новому поколению служивых, кто хотел бы поддаться соблазну найти легкое решение в непростой житейской ситуации.

КАРТОШКА И БАСТУРМА

РАЗ... КАРТОШКА

Сторожевой корабль мерно гудел работающими двигателями, рассекая форштевнем темень ночного моря и вспенивая винтами зыбкую волну. Старшие лейтенанты Миша Бакатин и Саша Журавлев вышли на верхнюю палубу подымить сигаретами. Боковой ветер

приятно обдавал лицо свежестью и влагой. Друзья обсудили корабельные новости и выразили сожаление о том, что не имеют возможности подкрепиться на сон грядущий. Журавлев взглянул на часы и вслух произнес:

– Да уже полпервого ночи. Пора и на покой.

– Ну, кому отдыхать, а кому и службу нести, – заметил старший лейтенант Бакатин и стал поправлять на руке повязку дежурного по кораблю. Командир группы трюмных направился в каюту спать, а помощник командира по снабжению Миша Бакатин продолжил нести службу. Он решил обойти периметр корабля по верхней палубе, и как оказалось не зря. На надстройке, возле выгородки у трубы, за которой хранилась бочка с ветошью, мелькнула тень матроса. Дежурный насторожился и окликнул его. Матрос вначале инстинктивно рванулся прочь, а затем, передумав, подошел к офицеру.

– Ты что тут делаешь, – спросил дежурный.

– За ветошью пришел, – ответил моряк, и только слабое освещение не выдало румянец, вдруг появившийся на его щеках.

– Ночью? – резонно заметил Бакатин.

Матрос замялся и, потупив взгляд, неопределенно пожал плечами.

Судя по всему, попавшийся дежурному моряк был из числа молодого пополнения, поэтому помощник командира по снабжению отпустил его с миром. Но, уже обладая каким-никаким опытом службы, Миша Бакатин зашел за выгородку. Тут все как будто было в порядке. Но осознание того, что здесь что-то происходит, не покидало дежурного. Он подошел ближе к трубе и стал осматриваться. Ничего. Михаил уже было хотел следовать дальше, но профессиональное чутье подсказывало другое. Бакатин глубоко вдохнул воздух носом и на фоне технического запаха ощутил едва заметный приятный аромат. Это было странным. Даже, можно сказать, ненормальным. Дежурный стал пристально осматривать края газоотводной трубы, и даже заглянул в нее. Он заметил зацепленный крюк, уходящий внутрь полости. Помощник по снабжению было попытался потянуть его на себя, но он оказался довольно горячим. Поэтому офицер взял кусок ветоши и уже с помощью ее стал вытягивать стальной крюк на поверхность. На его конце чувствовалась тяжесть. Это ощущение придало сил и уверенности, что все это дежурный затеял не напрасно. На конце крюка, как ни странно, оказалась трехлитровая жестяная банка из -под соленых помидоров. Она была доверху наполнена аппетитной картошкой. Чем вам не котелок? Как потом выяснилось, ночью моряки частенько устраивали себе готовку картошки в трубе отвода газов. Каких-нибудь двадцать минут и вот вам, пожалуйста, вкуснейший отварной картофель, приготовленный на пару.

Помощник командира не стал поднимать шум, а послал рассыльного за приятелем. Старший лейтенант Журавлев нехотя оставил уютную каюту, где уже начинал видеть первый сон, и направился по зову товарища, помяная его не добрым словом. Но когда Александр узнал причину экстренного вызова, то несказанно обрадовался и поспешил заявить, что Бакатин настоящий друг. Офицеры дружно умяли котелок, пылающей жаром, и источающей неслыханный аромат картошки. После чего, сытые и довольные жизнью, отправились вначале перекурить, а затем и спать. К этому моменту уже наступило время отдыха и для дежурного.

За завтраком друзья поделились рассказом о добытом трофее, что возымело соответствующий эффект. С того дня каждый офицер заступивший дежурным по кораблю стал устраивать засады у трубы, чтобы полакомиться приготовленной необычным способом картошкой, а заодно набрать очков в глазах командира за бдительное несение службы.

Моряки, каждый раз оставаясь с носом, решили не испытывать судьбу и завязать с несанкционированным приготовлением картофеля в газоотводной трубе. Когда благодаря беспрецедентной бдительности дежурных жарки прекратились, то офицеры, если честно сказать, даже немного сожалели, что лишились дополнительного ночного пайка.

ДВА... КАРТОШКА

Так выпало, что после очередной загрузки на корабль воды, продовольствия и свежих овощей, старший лейтенант Миша Бакатин стоял дежурным по кораблю. Когда сумерки уступили над морем место ночи, помощник по снабжению решил обойти корабль. Он отправился с кормы в нос, обходя помещение за помещением. В продольном коридоре Миша столкнулся со старшим лейтенантом Журавлевым, и они вместе продолжили путь. Когда за плечами Бакатина осталось более половины намеченного маршрута, то натренированным носом он почувствовал едва уловимый запах свеженарезанных продуктов.

– Саня, слышишь?

– Что я должен слышать? – переспросил Журавлев.

– Ну как что? Запах пиршества.

На эти слова товарища Александр старательно втянул ноздрями воздух, но никакого запаха еды не услышал. – Да тебе, наверное, почудилось, после работ по приему продуктов.

– Да нет же, где-то готовятся к столованию. Кожей чувствую.

В ответ старший лейтенант Журавлев неопределенно пожал плечами и добавил:

– Это у тебя после сегодняшнего напряжения скорее всего вкусовые галлюцинации.

– Да нет же, я точно знаю, что где-то в носовой части корабля готовится трапеза.

– Мне пора, – сказал Саша и, не прощаясь, отправился в прилегающий отсек, где имелся вход в машинное отделение.

Другой бы на его месте засомневался, но старший лейтенант Бакатин уже вырос до настоящего знатока своего дела, поэтому он поспешил в носовые отсеки корабля. И чем ближе он подходил к источнику его смущения, тем явственнее ощущался запах еды. Так случилось, что центром событий оказался первый кубрик, в котором ранее проживали артиллеристы, а теперь обитали его подчиненные – бойцы служб и команд. А с этой гвардией в лобовую атаку не пойдешь, бесполезно, подходы заминированы, секреты выставлены, в этом можно не сомневаться. Вот почему дежурный с максимальной осторожностью стал приближаться ко входу в кубрик. Там выставленный матрос делал вид, будто усердно метет мусор, но если приглядеться, то можно было бы заметить, что делает он это вхолостую, стоя на месте. Ко входу в кубрик можно было попасть и другим путем, через тамбур умывальника. Бакатин осторожно подкрался и заглянул в иллюминатор. Там тоже был пост. Матрос делал вид, что старательно стирает тельняшку. Время от времени он останавливался и поглядывал за пределы умывальника.

Чтобы застать подчиненных врасплох, дежурный по кораблю принял единственно верное решение. Для его осуществления требовались решительность и напор. Миша собрался с силами и рванул напролом. Он влетел в тамбур и на руках по поручням молниеносно стал спускаться в кубрик. Системы оповещения и тревоги с задержкой, но все-таки сработали. Когда офицер оказался в кубрике там уже успели вырубить свет, и были лишь слышны в темноте звуки захлопывающихся рундуков и шкафчиков.

Помощник по снабжению включил освещение. Все моряки лежали в койках и делали вид, что спят. Лишь один из них бодрствовал, неся службу у арсенала, располагавшегося в кубрике.

Вахтенный по уставу доложил дежурному, что все в порядке, без замечаний.

– А чего тогда свет мелькнул? Ведь его выключили? – спросил у него дежурный по кораблю.

– Да нет, все нормально! Вам, наверное, показалось, – авторитетно заявил вахтенный, даже глазом не моргнув. Его служба на флоте уже подходила к концу.

Бакатин взглянул в угол кубрика, где стояли несколько снятых коек и лежали за ненадобностью сложенные в стопку портреты членов Политбюро. Ошибки быть не могло, он ощущал явный запах целой группы продуктов, причем свежих.

Наступило время действовать и доказывать свою правоту. Дежурный направился вглубь кубрика и стал открывать одним за другим рундуки. Он доставал из них спрятанные

на скорую руку тарелки. Чего только на них не было. И балычок, и копченая колбаска, и сосисочный паштет, и дольки аккуратно нарезанных овощей и фруктов, и свежееиспеченный хлебушек. Настоящий праздник живота, ешь – не хочу.

– Это чье? – тихо спросил пораженный богатством стола Бакатин.

– Не знаю, – пожимая плечами, ответил вахтенный у арсенала.

– Хорошо, – уже громко, чтобы было слышно всем, сказал Михаил. – Еще раз спрашиваю всех, чье это?

В помещении кубрика стояла гробовая тишина, никто не желал просыпаться.

– Ну ладно, если хозяина этого стола нет, тогда мы пойдем другим путем, – официально заявил помощник по снабжению, и потянулся к наборному телефону. Он позвонил в ПЭЖ, где в это время должен был находиться его друг, и не ошибся.

– Александр Васильевич! Тут такое дело. Найдена бесхозная скатерть самобранка. Бери своих людей и поспеши в кубрик служб и команд.

Бакатин повесил телефонную трубку и стал ждать, ни словом не нарушая мертвую тишину. Не прошло и тридцати секунд, как в кубрике объявился старший лейтенант Журавлев со своей командой. Увидев разложенные на столе яства, глаза вечно голодных трюмных засверкали огнем желания.

– Это ничье. Угощайтесь друзья! – пригласил к столу «маслопупов» помощник по снабжению.

Трюмные замерли в нерешительности. Они еще до конца не верили своему счастью. Но через пару секунд моряки БЧ-5 уже заняли места за столом и набросились на корабельные деликатесы. Вы когда-нибудь наблюдали, как саранча пожирает попадающуюся на ее пути растительность. Остаются только стебли. Примерно такие чувства испытывали все еще притворявшиеся спящими бойцы службы снабжения. Сквозь не плотно закрытые веки они ревниво следили, как по мере насыщения все добрей и добрей становились трюмные. Их нелегкая служба была вознаграждена достойным призом. Покидая кубрик, каждый из них высказывал слова искренней благодарности помощнику по снабжению за проявленную о них заботу. В это время военнослужащие служб и команд лежали в койках с постными лицами. В эти минуты они могли бы многое высказать этим кукушатам, но, приняв правила игры, молчали, сдерживая свое негодование из последних сил. После этого позднего ужина в первом кубрике службы и команды еще долго обижались на своего начальника, а еще больше на себя, за свою никому не нужную несговорчивость. Больше накрывать отдельные столы им не позволяла гордость и чувство здорового прагматизма.

И... БАСТУРМА

Корабельная служба уникальна тем, что перед лицом стихии и боевой опасности она уравнивает офицеров, мичманов, старшин и матросов. Если побеждать, то всем вместе и если придется погибать то тоже вместе. Это в полной мере относится и к флотскому юмору, острие которого проходится по всем без исключения. И не важно, паж ты или король. Это хорошо и навсегда усвоил в море и наш герой, который в данном случае из субъекта превратился в объект применения флотской смекалки.

Как-то под вечер командир корабля вызвал на ходовой мостик старшего лейтенанта Бакатина.

– Михаил Ильич, вот смотри, куда ни кинь взгляд, всюду открывается однообразная картина синей глади моря, а душа просит разнообразия.

Бакатин обвел взглядом горизонт и подумал: «И действительно, сплошная синева, лишь изредка нарушаемая порхающими стайками летучих рыб», – а вслух сказал:

– Так точно.

– Ну что ты заладил так точно, да так точно. Хочется мне вкусить чего-нибудь необычного, порадовать себя и людей.

– А, чтобы вы хотели, – восторженно воскликнул помощник командира по снабжению.
– Ну не знаю. Может бастурму. Сможешь сделать?
– Смогу, – уверенно заявил старший лейтенант Бакатин.
– Вот только где ее вялить, – задался вслух вопросом Михаил.
– Да это не проблема, – поддержал помощника командир. – Можешь вялить хотя бы тут, на ходовом мостике. Даю добро! Да и под присмотром вахтенных офицеров заодно будет.

Воодушевленный доверием командира, помощник по снабжению собрал своих подчиненных и они под его руководством и присмотром стали колдовать над приготовлением экзотической бастурмы. Три полоски отборного мяса, обильно засыпанные молотым красным перцем, плотно завернули в марлю и торжественно, на вытянутых руках, коки понесли на ходовой мостик, где их лично развесил вялиться помощник командира по снабжению. Период созревания этого деликатеса – процесс длительный, который не под силу ускорить даже гуляющему по верхней палубе соленому морскому бризу и регулярно появляющемуся там командиру корабля.

Старший лейтенант Бакатин ходил к бастурме три раза на дню, как на работу. Затем успокоившись, стал появляться на мостике периодически, чтобы проверить процесс. И однажды, когда дело с бастурмой близилось к финалу, командир вызвал к себе старшего лейтенанта Бакатина и лично попросил его в виде исключения заступить вахтенным офицером, тем более что корабль стоит на якоре в точке. Бакатину ничего не оставалось, как согласиться, ведь на якоре он допущен к несению этого вида службы.

И вот, стоя на мостике, помощник по снабжению решает, что время пришло и пора снимать пробу с бастурмы. В это время как раз на ходовой мостик поднялся командир с группой офицеров «качать» солнце. Увидев озабоченный вид «помохи», он отставил секстан в сторону и обратился к Бакатину:

– А что, помощник, может уже пора снимать бастурму? Наверняка она уже готова.

– Да, да, товарищ командир. Я думаю, что уже пора, – согласился с командиром Бакатин и направился к вертикально висящим палкам бастурмы скрытым от глаз марлевыми повязками. Миша осторожно снял с крюка ближайшую палку и аккуратно начал освобождать ее от пут марли. Развернув сверток Бакатин замер. Он никак не мог поверить в то, что видели его глаза. Взамен ароматной остро-пряной бастурмы он держал в руках аккуратно выструганную деревянную палку. Она была подогнана точно под размер мясного куска. Старший лейтенант бросился снимать очередной шмат бастурмы. Все повторилось снова. Вяленая мясная вырезка была цинично подменена на деревяшку. Бакатин схватил третью палку и с нетерпением стал распутывать марлю, помогая себе зубами. Там оказалось все нормально, но только наполовину: мяса в ней было на пятьдесят процентов, остальное – снова обрубков дерева. Фифти-фифти, как говорят англичане.

– Что там такое? – подал голос командир.

Помощник обреченно показал ему руки. В одной из них был остаток бастурмы, в другой кусок доски.

Скользнув взглядом по тому, что держал в руках помощник, командир изрек:

– Да, видно сильно долго вялилась наша бастурма, что превратилась в дерево.

На Бакатина нельзя было смотреть без жалости.

– Да ладно, не переживай ты так, – поддержал подчиненного командир, – В следующий раз лучше будем следить.

После этого он повернулся и пошел с мостика. Вслед за ним потянулись офицеры, счастливые от того, что сегодня не придется тренироваться определять место корабля по положению солнца.

Спустя несколько дней, когда страсти по бастурме несколько улеглись, один из вахтенных офицеров поведал Мише Бакатину о том, что командир частенько наведывался на мостик и периодически подбедал бастурму сам и щедро угощал ею других. В итоге он допробовался до того, что продукта остался мизер. Вот тогда-то он придумал всю эту затею с

внеплановой вахтой на мостике для помощника по снабжению. И план его сработал лучше некуда. И деликатес был употреблен хоть и раньше времени, но с удовольствием, и никто за это не пострадал.

По возвращению с моря многие офицеры сторожевого корабля на первый ужин в кругу семьи заказали женам жареную картошку по-домашнему. Также они были замечены на рынке в числе активных покупателей бастурмы. Среди них лишь не было старшего лейтенанта Миши Бакатина, в связи с тем, что он был холостяком и ему по понятным причинам выпала в день прихода не сходная смена. Поэтому он мог снова только мечтать о картошке и бастурме. Каково же было его удивление, когда утром на завтраке вестовой подал лично ему тарелку, на которой были аккуратно выложены ломтики свежайшей буровой бастурмы.

На вопросительный взгляд старшего лейтенанта, вестовой ответил:

– Сказано, что вы догадаетесь, от кого!

– Журавлев? – предположил Михаил Ильич первое, что пришло в голову.

Вестовой отрицательно покачал головой и направился к себе в гарсунку.

«Неужели командир? – подумал старший лейтенант, и лицо его озарила счастливая улыбка. – Отец командир», – уточнил про себя Миша и стал налегать на бастурму. Ни до, ни после этого завтрака на корабле он в своей жизни ничего вкуснее не ел, даже когда его угощали испанским хамоном и пармской ветчиной.

ПАМЯТНАЯ ТАБЛИЧКА, ИЛИ РАКЕТНАЯ СТРЕЛЬБА С ГЕНСЕКОМ

При очных встречах ветераны-овровцы непременно вспоминают историю, связанную с появлением памятной информационной таблички из бронзы, что в свое время висела на переборке перед матросским кубриком малого противолодочного корабля МПК-147. Со временем эта история обросла деталями и подробностями, как днище корабля ракушками. Давайте и мы попробуем узнать, в чём там было дело.

***

В ту пору Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев еще не был немощным старцем, а находился в самом расцвете сил. Как известно, у правителей, так же, как и у простых смертных, бывает время отпуска. В тот год Леонид Ильич отдыхал в Крыму вместе с Председателем Президиума Верховного Совета СССР Николаем Викторовичем Подгорным. Пользуясь случаем, они изъявили желание посетить Черноморский флот и воочию убедиться, так ли хороши строящиеся для флота новые корабли, как о них рассказывают Министр обороны и Главком ВМФ.

Желание вождя коммунистического движения не то что страны, а всего мира – приказ для командования флота.

В день прибытия в Севастополь Генерального секретаря ЦК КПСС на одном из причалов на Северной стороне была выстроена словно на параде вся линейка новых проектов кораблей. Среди них был и МПК-147 – головной корабль своей серии. Этим малым противолодочным кораблем командовал офицер, которого трудно было назвать перспективным. Он был в первом звании старшего офицера, но о дальнейшем его продвижении по службе по ряду причин вопрос не стоял. Кадровики даже и не думали брать его в расчет, когда заходила речь о выдвижении офицеров на вышестоящие должности, которые были необходимым условием получения очередной звезды на погоны.

Представительная делегация села в катер и в сопровождении командующего флотом отправилась через бухту к подготовленным к смотру боевым кораблям. Никто из

командования флота и бригады даже не мог предположить, что «дорогой Леонид Ильич» зайдет на борт МПК-147, а тем более обойдет весь корабль. Но случилось то, что случилось.

Командир МПК бодро произвел доклад руководству страны и толково рассказал о боевых возможностях вверенного ему корабля. Особенно расстарался капитан 3 ранга, докладывая о новом комплексе противоздушной обороны. Флотское начальство было довольно – командир действовал в точности, как его неоднократно инструктировали на этот случай. Когда осмотр корабля подходил к своему логическому завершению и Брежнев с Подгорным уже направились к сходне, неожиданно командир МПК выкинул такой фортель, что сердца у его начальников на мгновение замерли от ужаса.

Завершая рассказ о комплексе ПВО «Оса», он вдруг предложил генсеку выйти в море и увидеть новую систему ПВО в действии. Тут же на юте воцарилась гробовая тишина, которую прервал Брежнев: «А что, товарищи, это идея. Почему нет!» После этого остановившиеся сердца снова учащенно забились. Можно было выдохнуть.

Покидая корабль вслед за Брежневым и Подгорным, каждый из флотских руководителей, только что переживших практически кому, выразительно бросал на капитана 3 ранга многоговорящий взгляд, который не обещал ему ничего позитивного. Но командир после общения с самим генсеком будто их не замечал, сияя от полноты переполнявших его чувств.

Неделю флот только и делал, что занимался подготовкой ракетной стрельбы на МПК-147. Ближе к выходным главные должностные лица страны снова появились на малом противолодочном корабле. Правда, состав делегации сильно поредел. Все понимали, что класс корабля не позволяет предоставить каюты и удобства всем желающим. Так что сильно не разгуляешься.

Испросив разрешение у генсека на выход в море, отдали швартовы. МПК планомерно совершил переход в полигон, в районе стрельбы провел приготовление и успешно произвел пуск ракеты из комплекса «Оса». Брежнев с Подгорным были весьма довольны достижениями военно-промышленного комплекса и подготовкой моряков. На радостях руководители государства явно с удовольствием ответили согласием на приглашение командира отведать флотского борща. После хлесткого порывистого ветра и соленых брызг на верхней палубе хотелось согреться и немного расслабиться.

В кают-компании МПК царилась благодатная атмосфера, отпуск больших начальников был полезным не только для здоровья, но и для дела. За успехи советского оружия, как водится, под наваристый борщок пропустили по одной, затем еще под селедочку и еще под макароны по-флотски. Генеральный секретарь оказался человеком доступным и приятным во всех отношениях. Он не был простодушным добрячком, но и заносчивым занудой его нельзя было назвать. Близкое общение с Леонидом Ильичом вдохновляло на новые победы.

Когда стали прощаться, Леонид Ильич Брежнев вдруг говорит: «А что это у нас такой замечательный командир, а все ещё капитан 3 ранга. Надо исправить такое положение дел. А давайте я ему прямо сейчас вручу погоны капитана 2 ранга. Он их заслужил!»

Эти слова лидера страны привели всех в замешательство. И москвичи, и флотские начальники закусили губу. А где было взять погоны капитана 2 ранга, ведь на борту были в основном младшие офицеры – члены экипажа, и большей частью адмиралы, сопровождавшие московское начальство. Стало совсем плохо, когда после своего предложения генсек поднял руку у себя над плечом с согнутой «столиком» ладонью. Это был знак свите положить на нее погоны для вручения командиру. Что было делать, разве что впасть в ступор. Но тут стоявшего где-то рядом и спрятавшегося за один из приборов командира дивизиона малых противолодочных кораблей осенило. Он резвее молнии сорвал с рубашки под новенькой тужуркой, одетой по случаю прибытия генсека, свои погоны капитана 2 ранга, благо они были легко закреплены, и передал комбригу, тот командующему флотом, тот по цепочке Председателю Президиума Верховного Совета. Последний тут же положил погоны на ладонь Генерального секретаря ЦК КПСС.

– А ну-ка, командир, иди сюда поближе. – Брежнев пригласил подойти к нему капитана 3 ранга. – Вручаю тебе погоны капитана 2 ранга и поздравляю тебя с новым воинским званием, – сказал генсек и крепко пожал руку командиру, а затем по русскому обычаю трижды его расцеловал.

Леонид Ильич был доволен посещением флота, да и финал выхода в море получился значимым и эффектным. И это придало ему сил для дальнейшего отдыха на Южном берегу Крыма.

После визита генсека командование флота и бригады призадумалось. Командир МПК-147 уже гордо носит погоны капитана 2 ранга, врученные ему самим Леонидом Ильичом, но этот факт надо было срочно закрепить юридически. Вот и пришлось новоиспеченному капитану 2 ранга искать соответствующую должность, что, надо сказать, было сделать нелегко, чтобы не навредить делу. Но в итоге все решилось, и командир корабля ушел на повышение. Одним приказом его назначили на новую должность и присвоили очередное воинское звание, о котором еще недавно он даже не мечтал. Вот что значит близко пообщаться с первыми лицами государства и вызвать у них доверие.

В чередке повседневных дел о личности бывшего командира как-то быстро забыли, что нельзя сказать о пребывании на корабле Брежнева и Подгорного. В честь их посещения на МПК-147 была изготовлена бронзовая памятная табличка, которую закрепили на самом видном месте.

В 1977 году Леонид Ильич усилил свои позиции и занял еще и пост своего бывшего соратника, став не только руководителем правящей партии, но и Председателем Президиума Верховного Совета СССР. По этому случаю памятную табличку своевременно сняли и заменили на другую. На новой табличке Николай Викторович Подгорный уже не упоминался, будто и не был здесь никогда. В первой половине восьмидесятых годов прошлого века, когда к власти в стране пришло новое руководство, с переборки исчезла и вторая бронзовая табличка.

Эпоха застоя медленно растворилась и ушла в историю, как пелена утреннего тумана, а вместе с ней канули в Лету и бронзовые памятные таблички, хранившие память о значимых людях того периода. В начале девяностых закончились времена невиданного фарта и для бывшего командира МПК, обласканного генсеком и судьбой. В те лихорадочные годы он расстался со службой и затерялся в горниле новых испытаний. Закончил свой боевой путь и головной в своей серии МПК.

Но как бы безжалостно не было время, стирая в песок факты дней минувших, память людская живет и неизменно возвращает из небытия события и личности, оставившие след в сердцах их современников.

Поэтому, дорогие ветераны, чаще встречайтесь и являйте миру давно забытые истории, которые, по понятным причинам, являются абсолютно новыми и большей частью поучительными для нынешнего поколения моряков.

Виктор Иванович Носатов.

Полковник. Член Союза писателей России. Автор серии военно-исторических романов и повестей, рассказывающих о сотрудниках спецслужб, воинах армии и пограничных войсках.

Лауреат Международного литературного конкурса «Границы Содружества — мужество, честь и отвага» (2007), литературно-художественного конкурса «Золотое перо границы» (2009), премии ФСБ России 2009 г., дипломант конкурса МГО СП России «Лучшая книга 2008—2011», 2012 г., дипломант конкурса военных писателей «Служу народу и Отечеству!» имени Героя Советского Союза В. В. Карпова (2009).

Лауреат Всероссийского литературного конкурса «Твои, Россия, сыновья!» 2006 и 2017 гг.

В СПИСКАХ РОТЫ НЕ ЗНАЧИТСЯ

Переливистое благозвучие разновеликих колоколов, исходящее из пустых глазниц островерхой звонницы наземного представительства всевышнего Небожителя, напоминало о воскресной службе и порождало в душе волнительное предвкушение благостного общения с невидимым Богом. Неяркий свет, затеривающийся среди могучих густолистных вязов парковой ограды, постепенно просачивался через закопченную осеннюю крону и, скапливаясь над ней, высвечивая то тут, то там плотную гарную муть, двигался на зовущие колокола, постепенно обволакивая свиданное место Божьего духа и жаждущих праведной жизни грешников. Осветление ускорялось с каждой минутой, и вот уже первые лучи вернувшегося из зарубежного круиза долгожданного Светила, коснулись величественных куполов Храма, страстно слизывая с них видимую позолоту.

Дзинь-дзон-дзон, дзинь-дзон-дзон, дзинь-дзан... Завораживающий звон и чарующий свет, сливаясь воедино в звенящий свет, увлекают и возносят над землей -- то ли душу, то ли все тело, ставшее невесомым и крылатым, – поднимая все выше и выше; и вот уже оно – гнездо звоново, откуда вылупливаются от ударов чугунных языков близнецы дзиньдзондзини и разлетаются далеко по округе, созывая верующий люд к святому лику Христа. Еще взмах крылами, еще вираж – и опять паренье, но уже на уровне глаз распятого Мученика, – в них и страдание и блаженство с непонятным простому смертному одновременьем, – мы не боги и испытываем в одноразье либо то, либо это.

Опять взмах, вновь подъем, выше, выше, все дальше от пылающего уже истонченным светом Храма, и земля уже внизу поката и обща, без подробностей, разглядный лишь один многоголовый Храм в окрестованных светозвенящих шлемах, а в многоцветных нитях, тянущихся к нему слева и справа, лишь угадывается многоликое людское движение; и только орлиные зраки углядят в нем неспешность и солидную торжественность и у молодых, и у старых, и у одиночек, и у пар, и у групп.

Бесшумно парит тело, поет и блаженствует душа в колокольном сопровождении, предвкушая близость Всевышнего.

Дзинь-дзон-дзон-дзинь, дзинь-дзон-дзон-дзинь-дзан...

Но не надобно находиться так долго и в такой близости с Богом, ибо человеку присущи соперничество, зависть и чванливость. Однако общаться с Ним периодически желательно, чтоб не забыть про Него совсем.

Звенящая и истончающаяся пуповинная смычка с ежедневно рожаящей и оплакивающей юдолью – Землей – вытягивается из-за облачности, напоминая о возвращении, тем более что двустворчатые резные врата Храма растворяются, впуская первых прихожан.

Дзинь-дзон-дзон-дзинь, дзинь-дзон-дзон-дзинь-дзан...

Чувствуя усиливающийся обжигающий свет храмовых куполов и успевших уже напитаться заревом окон, плавно глиссируя над прихрамовым небоплесом, над головами идущих, никем не видимый, в церковное нутро, наполненное ладанной нагарью, многоцветьем икон и росписей.

Стихает или становится неслышным изнутри колокольное зазыванье, – здесь иные звуки, иное действие, люди рядом и не надо напрягать зрение и слух, чтобы видеть их глаза и слышать их усердные мольбы, обращенные к явившемуся на воскресную встречу Божьему Духу.

– К тебе взываю я, ибо Ты услышишь меня, Боже! Преклони ухо Твое ко мне, услыши слова мои, о Боже!

О ком и о чем молит эта старушка в траурном одеянии, страстно крестясь и надолго прикикая к полу? Лишь подумалось, и ответ вывалился из-под черного, закрывающего морщинистое лицо платка:

– По убиенным на войне...

И перечисляет имена:

– По Петру Трофимовичу, по Василию Петровичу, по Андрею Васильевичу, Ванюшке и Васеньке...

Целая ветвь мужского родословия – тут, видно, погибшие и в гражданскую, а может быть и раньше, в Первую мировую. А Андрею Васильевичу, Ванюшке и Витеньке, вероятно, досталось хлебнуть лиха в последнюю, Великую Отечественную. Спрашивать – надрезать и без того незаживающую рану. Да и ясно без спроса, что на земле нашей Костлявая, пройдясь своей широкозахватной косой, подрубила не одну мужскую ветвь родословного древа, оставив неисчислимых сирот и неизмеримое горе незабвенное.

С амвона звучат слова о праведности миролюбия и пагубности зла, о вере в человеческое добро и милосердие, угодные Всевышнему.

Слушаю святого отца, и душа принимает их, а взгляд, осторожно касаясь лиц прихожан, ищет следы внутренней уверенности в необходимости своего действия: искренни ли те, кто кладет перстами на себя крест, или фарисействуют? Не впервой приглядываясь таким образом к посетителям Храма, неожиданно нахожу в своей душе и разуме согласие – они все верят или хотят верить во всевышнюю силу добра и справедливости, и для них, видимо, это единственная надежда жить, подпитываясь этой верой.

Храм становился свиданным местом единомыслящих, верующих в высшую справедливость, в Силу Добра, олицетворением которых для них становился Всевышний невидимый и запретный, но хранимый в себе всеми поколениями, закодированный иными словами, – Душа, Совесть, Честь, Милосердие, Любовь, Ум, Терпение, Доброта, Верность. И не зря говорят Старые в ответ на подлый поступок человека – «Бога в тебе нет!» И понятно теперь – когда в тебе есть Бог – Душа, Совесть, Честь, Любовь и Милосердие и прочие качества от Бога, – жить легко и приятно. Бог наставит на истинный путь, пожалеет и поймет, ибо он мудр, добр, милосерден, терпелив и справедлив. Особенно востребовано православная вера в лихую годину...

И вот закончилась воскресная проповедь. Душа оттаяла, растрепанные мысли объединились в голубиную стаю, и полет их стал ровным, высоким и целенаправленным.

С клироса полилось елейно-ангельское песнопение. Серебряная ладанка, курясь благовониями, словно маятник вечного времени раскачивалась в руке церковного служки, который торжественно и величаво осенял крестным знаменем чела прихожан, будто

одаривал божьим благословением. От неземных песнопений и густого ладана кружится голова. Большие и малые камни сверкают на одеждах священника, на окладах икон, восхищая и завораживая, настраивая на лицезрение чуда; и оно не заставляет себя долго ждать, является незаметно и неожиданно, касаясь каждого, кто верует... И все ощущают Его присутствие в Храме как дуновение ветерка, явившегося из-под высокого, расписанного яркими нетускнеющими красками, потолка.

А может кому-то это, как и мне просто показалось. Ну что ж, Бог терпелив, а вера не приходит случайно...

От многолюдия в церкви стало душно. Преодолевая ладанную духоту я стал пробираться к выходу, не дожидаясь конца службы. Огибая один из боковых приделов Храма, вдруг почувствовал непонятное беспокойство, будто укорный взгляд ерошит затылок. Оборачиваюсь и тут же натываюсь на этот взгляд. В полумраке лицо не разглядеть, невольно делаю три-четыре шага навстречу этим глазам, и вдруг, узнав хозяина сверкающих радостью и печалью глаз, от неожиданности, нежданной радости и удивления вскрикиваю. Передо мной стоит Лешка Зотов, седой, худющий и постаревший. Бледное морщинистое лицо казалось изможденным, как у древнего старца в монастырском склепе и только курносый, облупившийся нос, да пронзительные глаза выдавали молодость его души. На нем были простенький, поношенный костюм, светлая застиранная и чуть великоватая рубашка, вся его одежда, казалось, с чужого плеча и кричала о нужде этого человека. Но это был он, старший сержант, неизвестно куда исчезнувший накануне последнего грозного аккорда Великой Отечественной войны – Курильской десантной операции.

Впрочем, все по порядку. С Алешкой Зотовым мы жили в одном доме, учились в параллельных классах, и в 1942 году, несмотря на то, что горели желанием попасть в действующую армию, чтобы бить фашистов, попали служить в Камчатский морпогранотряд. После окончания школы младших командиров охраняли беспокойные Дальневосточные рубежи.

9 августа 1945 года Советский Союз объявил войну Японии. У пограничников Камчатки дел и задач в этот период прибавилось основательно. Кроме выполнения основной задачи по охране и обороне побережья стражам границы предстояло интернировать японских рабочих и служащих концессионных промыслов, а также экипажи судов Страны восходящего солнца, которых война застала у наших берегов.

Получив распоряжение коменданта участка начальник заставы лейтенант Гусев, я, старший сержант Зотов и еще трое пограничников поднялись на борт стоящего в порту японского рыболовецкого судна «Рюхо-мару». Лейтенант объявил капитану парохода, о том, что судно и его экипаж в связи с объявлением Советским Союзом войны Японии подлежат интернированию. И хотя радиостанция на японском судне было заблаговременно нами опечатана, капитан судна каким-то образом сумел передать на эсминец, стоявший за пределами советских вод сообщение о том, что пароход интернирован. Военный корабль, чтобы повлиять на ситуацию, вошел в наши территориальные воды и навел на берег орудия. Застава уже была готова принять бой, а находящиеся на борту судна пограничники заняли оборону, когда эсминец неожиданно поставив дымовую завесу, торопливо покинул территориальные воды. Увидев морской бомбардировщик МБР-2, идущий курсом на материк, начальник заставы облегченно вздохнул.

– Слава Богу, летчики вовремя подвернулись, – проводив глазами удаляющийся самолет, промолвил он.

– Мы бы этот эсминец точно не упустили, если бы японцы не струсил, – огорченно промолвил Зотов, указывая на эсминец, – мои расчеты противотанковых ружей показали бы им где раки зимуют, – самодовольно добавил он.

– Тебе вскоре представится реальная возможность повоевать и осуществить эти угрозы на деле, – усмехнулся загадочно лейтенант.

Не прошло и двух дней, как из штаба поступил приказ о переводе меня и Зотова в резерв пограничного отряда. Но вместо того, чтобы воевать, прибывших с застав сержантов через два дня, на третий начали назначать разводящими в гарнизонный караул.

Вскоре по отряду поползли слухи о готовящейся Курильской десантной операции, в которой примут участие и пограничники. Желаящих, хотя бы в самом конце войны принять участие в настоящем бою, было больше, чем достаточно. На наши вопросы, как попасть в десант, командир комендантского взвода отмалчивался, указывая на штаб. Мол там знают, когда начнется формирование сводной роты.

– Но начальник заставы заверил меня, что я непременно буду зачислен в десант, как командир отделения бронбойщиков, – в отчаянии воскликнул Алексей, после очередного безрезультатного обращения к командиру, на что старший лейтенант грубо заявил, словно отрезал:

– Будешь служить там, куда я тебя назначу! И не задавай мне больше глупых вопросов.

16 августа мы вновь направились в уже довольно надоевший, особенно после службы на заставе, караул. Я, будучи старшиной был назначен начальником караула, а Зотов – разводящим.

Незадолго до начала суточного развода нарядов и караула, на плацу, куда мы с Алексеем прибыли заранее, во всю шло формирование сводной роты. Высокий, статный капитан зачитывал список, и счастливы из резерва погранотряда, радостно шагали в строй. Тех, кого по каким-то причинам в списке не оказалось, со слезами на глазах умоляли офицеров взять их на операцию. Не удержался и старший сержант Зуев. Не обращая внимание на мое предупреждение о том, что приказ начальника штаба о его назначении в караул никто отменять не будет, Алексей кинулся к капитану, формирующему сводную пограничную роту. Мне было видно, как Зотов подойдя к офицеру, что-то горячо и настойчиво ему доказывал, размахивая руками, но тот был непреклонен.

– Ну, что, добился своего, – встретил я понуро бредущего обратно Зотова, – завтра, после караула вместе пойдем к начальнику штаба и докажем ему, что и мы имеем право мстить фашистским союзникам за гибель наших товарищей.

– А у меня личный счет к ним имеется, – уже бодрым голосом промолвил он и в глазах его мелькнул злобный огонек, – никогда не прощу этим фашистским прихвостням гибели моих старших братьев, – глухо добавил он, грозя кулаком в сторону, где по утрам всходило солнце.

На следующий день, после окончания службы, уже в казарме мы узнали о том, что сводная пограничная рота, по тревоге выдвинулась на машинах в порт и погрузившись на ПСКР «Дзержинский», направилась на остров Шумшу.

Это известие повергло Алексея в отчаяние.

– Что же делать? Что же делать? – то и дело повторял он, бродя, как неприкаянный по казарме, – я же непременно должен отомстить за своих братьев.

– А ты сбегай в порт, может быть еще и успеешь, – предложил то ли в шутку, то ли всерьез, кто-то из прикомандированных матросов, – там столько народу и техники, что погрузка на десантные баржи, пожалуй, только к ночи и закончится.

Эти слова успокоили Зуева и вскоре он, ни слова не говоря, куда-то уединился. С тех пор я его больше не видел.

На вечерней проверке Алексея в строю не оказалось. Утром я узнал от командира, что поиски старшего сержанта Зуева в гарнизоне и городе успехом не увенчались и его объявили дезертиром, пропавшим без вести.

Капитану особисту, который занимался делом Зуева, я откровенно рассказал о том, что Алексей непременно хотел попасть в десант и в дезертиры никак не годится. Но у капитана было на это свое видение.

– Явно забрался в тайгу и там сгинул. Нету пути там цивилизованному человеку. Гураны, да звери хищные там шастают. Сгинул он. Так и отпишу.

Через неделю меня отправили на курсы младших лейтенантов и через год я демобилизовался. Отец мой и мать после окончания войны переехали в подмосковные Бронницы, куда, после увольнения в запас перебрался и я. После окончания факультета

журналистики МГУ я, работая в редакции одной из центральных газет, частенько колесил по стране, повествуя о трудовых буднях, о людях, которые восстанавливали из пепла города, заводы и школы.

Однажды, с большим трепетом в душе я навестил город моей юности, который, к сожалению, уже мало походил на тот, который запечатлелся в моей памяти. В доме, в котором когда-то жил я и Алешка, теперь обосновались чужие люди, в основном прибывшие в город в эвакуацию, и оставшиеся там по каким-то причинам. Никто из них, ни о Зуеве, ни о его семье и слыхом не слыхивал. Наверное, после такой же поездки в юность, Геннадий Шпаликов и начертал эти берущие за душу строки:

По несчастью или к счастью,
Истина проста:

Никогда не возвращайся
В прежние места.

Даже если пепелище
Выглядит вполне,
Не найти того, что ищем,
Ни тебе, ни мне.

Путешествие в обратно
Я бы запретил,
Я прошу тебя, как брата,
Душу не мути.

А не то рвану по следу —
Кто меня вернет? —
И на валенках уеду
В сорок пятый год.

В сорок пятом угадаю,
Там, где — боже мой! —
Будет мама молодая
И отец живой.

Так и не найдя того, что искал, я взял билет на вечерний поезд и в последний раз прогуливаясь по аллеям и улицам города моей юности, неожиданно вышел к старинному Никольскому храму, который когда-то был для нас с Алешкой «запретным местом» и как всякий запретное место нестерпимо манил к себе. Воспитанные в атеистическом духе мы мало задумывались о Боге и душе. Все это пришло ко мне позже во время войны. А тогда манила нас в Божий дом лишь нестерпимое любопытство. И вот, уже немного познавший жизнь, повидавший гибель друзей и товарищей я с трепетом в душе переступил порог церкви и свершилось чудо. Я, наконец-то нашел того, кого искал. Передо мной Алешка Зуев, живой и здоровый.

Все эти мысли промелькнули в моей голове в одно мгновение. Леха Зуев шагнул мне навстречу и наши пальцы сошлись в крепком мужском рукопожатии. Трудно было сдержаться от бурных восклицаний, выражений восторгов и искренней радости, но каждый понимал, что здесь не место для этого, и мы, не сговариваясь, стали пробираться к выходу, аккуратно обходя верующих.

И только на улице я заметил, что за нами неотступно следует молодка с грудным ребенком на руках.

– Это моя жена – Сашенька! – представил ее Алексей, светло улыбаясь и нежно касаясь ладонью ее плеча. – А это наш сын Кирюша! Кирилл Алексеевич. Уснул мальчонка...

Я тоже представился, непроизвольно наклонившись к мадонне с младенцем, приблизив руку к сердцу, успев разглядеть ее большеглазое лицо излучающее внутреннее обаяние.

– Мы школьные друзья и сослуживцы... – у меня вдруг перехватило дыхание, будто перед рыданной волной. – Простите... Трудно говорить... Просто чудесное воскрешение какое-то... Живой... Не верится даже... Боюсь радоваться... чтоб не спугнуть свершившееся чудо...

– Да не бойтесь, – улыбнулась Саша, – жить теперь ему до ста лет...

– Не сглазь, Сашенька, – вежливо придержал жену Алексей, в задумчивости наблюдая поверх дальних верхушек заградных тополей, над которыми кружили горластые черные птицы. – У нас вся жизнь еще впереди – не жил ведь! – то боролся за жизнь, то воевал против жизни, растрчивая на все свое здоровье.... Теперь вот только и начал жить, – он ласково обнял жену и нежно лизнул взглядом личико спящего сына. – Начали жить... Что там впереди, кто знает?

Жена предложила:

– Может, поедем к нам, там и повспоминаете... Встречу отметим...

– Нет-нет! – поднял я руки, – у меня билет на руках, через два часа нужно быть на вокзале.

Необдуманно ляпнул про билет. Ну что он по сравнению с посиделками в таком приятном обществе? Ну не уехал бы сегодня, уехал завтра... Уже и отступить поздно.

– Ну хорошо, – с пониманием начала Сашенька, – я вам не стану мешать, вон под сиренью скамейка, в стороне от аллеи, садитесь и беседуйте, а мы с Кирюшей погуляем, может, на базарчик загляну – ты, Леш, не волнуйся. Идите, идите...

Обнявшись, как братья, мы направились к скамье, расположенной в укромном месте. Прогретый солнцем парк был весел и красив. Из храма еще не выходили прихожане, на аллеях почти никого не видно. Уютное место располагало к душевной беседе.

Запоздало прижались щека к щеке.

– В первое мгновение чуть не чокнулся, увидев тебя, – говорю почти шепотом, ощущая набегавшую волну нежности и солидарности к потерянному было другу.

– Думал, что мой дух тебе померещился? – с деланной веселостью произнес Леха, но глаза его не были веселыми, в них, попеременно сменяясь, отражалось то глубинное страдание, то душевное блаженство.

– Конечно, – согласился я, – мне отрядской особист сказал, что ты после побега, наверняка в тайге сгинул...

– А я вот, несмотря ни на что, жив. – Он улыбнулся. Улыбка была вымученной и горькой.

То, о чем он мне поведал потом, походило на страшный сон, который может родить лишь пораженный неизлечимой болезнью мозг. Может быть, я что-то преувеличивал? Вполне возможно! А впрочем, делайте выводы сами.

***

– В том, что я, чуть было не отдал Богу душу, твой особист оказался прав, – начал свое трагическое повествование Алексей, – только не в тайге я тогда прятался, а с передовым отрядом десанта штурмовал японские доты. После того, как узнал о том, что наша сводная рота убыла на операцию без меня, я решил, на свой страх и риск, выполнить клятву, данную себе после гибели братьев – Сашки и Пашки. Я не стал ставить тебя в известность, потому, что знал, что ты станешь меня отговаривать и что самое худшее, тебя могут обвинить в соучастии. До порта я добрался на попутной машине. Там заканчивалась погрузка людей и техники на последнюю десантную баржу. В существующей при погрузке неразберихе, мне удалось проскочить на судно незамеченным, а там я смешался со всеми, и пехотный старшина выдал мне оружие и сухой паек. Баржа уже приближалась к острову Шумшу, когда я попался на глаза пехотному лейтенанту.

– О-о, пограничник, – удивленно воскликнул он, – насколько я знаю ваша сводная рота идет на «Дзержинском», который вышел в море часа три назад. Они уже наверное, высаживаются, – добавил он, услышав далекие разрывы снарядов, – видно не ласково встречают японцы наш первый эшелон. Как настроение? Небось первый раз в деле?

– Да нет, товарищ лейтенант, мне на заставе не раз приходилось захватывать вооруженных диверсантов, а они без боя не сдавались.

– Да, вы всегда на первой линии. За это я всегда уважал и уважаю пограничников. Скажу откровенно, на этой десантной операции обстрелянный командир отделения мне бы не помешал. Конечно мои бойцы так и рвутся в бой, но кто его знает, как они себя поведут при штурме японских дотов. Никто из них, также, как и я, пороха не нюхали, – откровенно признался лейтенант, – всю войну просидели в укрепрайоне.

Взвод истребителей танков к которому прибился Зотов находился во втором эшелоне, и потому начал десантироваться с баржи, когда на острове уже во всю кипел бой. Слышались автоматная и пулеметная стрельба, разрывы снарядов, заглушаемый шумом прибора. Из-за артиллерийского обстрела десантная баржа не смогла подойти поближе к берегу, и команда десантироваться поступила, когда до Шумшу оставалось еще метров сто. Алексей, которому командир взвода доверил отделение, вооруженное противотанковыми ружьями, понимая, что с тяжелыми ружьями и довольно увесистыми патронными коробками солдаты до берега не доплывут, приказал бойцам использовать подручные средства. В ход пошли доски от снарядных ящиков, скамейки и даже перила ограждения, на защиту которых бросился капитан баржи. Но поняв, что деревянные брусья – единственная возможность для десанта добраться вплавь до берега, – махнул на это рукой.

Отделение Зуева высадилось на берег без потерь. Только один расчет потерял в волнах, вызванных разрывами снарядов, весь свой боезапас, но командир тут же разделил имеющийся поровну, и вовремя. Майор, командовавший вторым эшелоном атакующих, приказал взводу ПТРщиков выдвигаться на захваченную высоту и отразить атаку танков.

Несмотря на то, что Алексей командовал на заставе отделением расчетов ПТР, таких размалеванных желтой краской танков он не видел и в альбомах военной техники, но, не растерявшись, сразу же дал своим расчетам команду стрелять по смотровым щелям и в зазор между башней и корпусом. Такие же команды поступили и от взводного, который после десантирования на остров во всем полагался на обстрелянного пограничника. Вскоре загорелись три вырвавшиеся вперед танка.

Остальные, несмотря на потери продолжали охватывать дугой обороняющийся я в глубине острова передовой отряд. Алексей, понимая, что очень скоро они сомнут смельчаков, выдвинул свои расчеты на левый на фланг и когда японские легкие танки подставили свои борта, он приказал открыть по ним массированный огонь. Загорелись еще четыре танка, а оставшиеся десять повернули назад, далеко обходя позиции ПТРщиков.

«Теперь непременно последует артиллерийский налет, – подумал про себя Зуев, и, приказав своим бойцам переменить позицию и выдвинуться в занятый ранее первым эшелоном японский окоп. Так, что начавшийся вскоре артналет не причинил отделению никакого вреда. Когда осела пыль, поднятая обстрелом, и умолкли разрывы снарядов, Алексей услышал вдруг знакомый голос:

– Где этот противотанковый командир, который заставил японцев ретироваться? Дайте я его расцелую!

– Здесь он, товарищ капитан, – суетливо и радостно лепетал взводный, – молодец, что вовремя сменил позицию.

Подскачивший к Зуеву офицер облапил его и трижды поцеловал в запекшиеся губы.

– Спасибо, сынок, – глухо промолвил он, – вовремя ты им головку обрубил, а не то, от нашей пограничной роты никого бы в живых не осталось.

– Ба-а, да я тебя знаю, – вдруг радостно воскликнул капитан, внимательно разглядывая припудренное пылью лицо сержанта, – это не ты второго дня просился ко мне в роту?

– Я, товарищ капитан.

– Но, как же ты оказался здесь? – удивился он, – ведь, насколько я знаю ты еще вчера был в карауле.

– Узнав, что вы уже ушли на «Дзержинском», я сбежал из отряда и двинулся за вами следом.

– Но зачем? – недоуменно промолвил офицер, – ведь тебя могут объявить дезертиром.

– Я поклялся отомстить за гибель моих старших братьев.

– Ты с честью выполнил свою клятву, – торжественно промолвил капитан, – старший лейтенант, обратился он, к сопровождавшему его офицеру-пограничнику, – внесите имя старшего сержанта в список сводной пограничной роты. Во время обороны высоты у меня погиб взводный. Я назначаю вас командиром взвода...

– Но, товарищ капитан, старший сержант Зуев командует отделением ПТРщиков, и героически командует, – возразил было пехотный лейтенант, но капитан, не повышая голоса, спокойно заметил:

– Старший сержант Зуев в пехоте человек временный, а в пограничных частях – постоянный. И не будем на эту тему больше дискутировать. А вы, товарищ старший сержант, принимайте взвод.

Сводной пограничной роте, которая в боях за остров уже поредела на треть, командование поставило задачу развивать наступление вглубь острова и совместно с двумя пехотными ротами первого эшелона выбить японцев из центрального укрепрайона, который стоял на пути к порту.

– Вашему взводу предстоит атаковать два дота, которые стоят у нас, как кость в горле. Их даже артиллерийские снаряды не берут. Пехотинцы уже оставили возле них полвзвода, но так и не захватили. Теперь я ставлю эту задачу тебе старший сержант. Твои люди должны выполнить эту задачу, кровь из носу. Но бойцов побереги. Я попрошу артиллеристов еще раз долбануть по этим дотам. У тебя будет несколько минут, чтобы подобраться к ним поближе.

Нового командира, пограничники, набранные с разных застав и из состава гарнизона морпогранотряда, встретили настороженно. Но узнав от ротного, что это тот самый командир ПТРщиков, который сжег четыре танка и тем самым спас их от неминуемой гибели под гусеницами бронированных машин, бойцы начали относиться к нему с доверием. И, когда он предложил план захвата дотов, в котором отказался от лобовой атаки, а решил во время артналета приблизиться к позициям японцев как можно ближе, и забросать доты гранатами и «Коктейлями Молотова».

– Со мной пойдут три человека. Предупреждаю, что во время броска к дотам можно попасть под осколки своих же снарядов. Поэтому я беру только добровольцев.

– Возьмите меня! Меня! Меня. Я с вами хоть на край света. И меня не забудьте! – раздалось со всех сторон.

– Со мной пойдут... Алексей назвал имена бойцов, которых он хорошо знал по службе на границе, остальные обиженно наблюдали за тем как смельчаки готовятся к атаке.

После артобстрела дотов, два бойца, уже у самых дотов были насмерть иссечены осколками, сам Алексей получил ранение в левую руку и в грудь, только один человек из его группы, не пострадал, он и забросил в первый дот все свои гранаты. Добравшись до второго дота, боец, находясь в мертвой зоне недосягаемости огня пулеметчиков, растерянно взглянул на истекающего кровью Алексея.

– У меня кончились гранаты, – что было сил крикнул он.

– Завали камнями, – приказал Алексей и потерял сознание.

Очнулся он лишь в госпитале. Врачи думали, что он не выживет, и вытащив осколки, положились на Господа Бога. На Господа Бога положился и Зуев. Набожная сиделка, видя, что раненный после того, как пришел в сознание, мучается не столько от ран, сколько от непонятной душевной боли, подарила ему потрепанный молитвенник. Сунув книжицу ему в руки, она сказала:

– Уповай на Бога и Всевышний дарует тебе не только здоровье, но и душевную благодать.

И Алексей, всеми покинутый, всеми забытый, зацепился за этот добрый совет, как утопающий хватается за соломинку. Молитвы умиротворили его душу, но это успокоение было временным. Вскоре он узнал, что находится в армейском госпитале под именем красноармейца Зотова. Никто среди раненных не знал о судьбе сводной пограничной роты. Только позже кто-то из офицеров сказал, что от кого-то слышал о том, что почти все

пограничники первого эшелона погибли. Для Зотова это значило, что он в глазах пограничного командования останется дезертиром, и решил никому не говорить, о том, что он один из тех, кто остался жив.

После увольнения в запас, когда Зотов становился на учет в военкомате, его огорошили известием, что он это не он. Настоящий старший сержант Зотов, дезертировал из части в августе 1945 года и пропал без вести. А красноармейская книжка, выданная ему в госпитале взамен утраченной – не действительна. Выслушав сбивчивый рассказ Алексея об участии в Курильской операции и тяжелом ранении, полученном при штурме японского укрепрайона на острове Шумшу, военком сначала удивленно покачал головой, а потом положил перед ним бумагу, сунул в руку ручку и приказал:

– Опиши все, как было, а я пошлю запрос в военный архив.

Сухой и безрадостный ответ из военного архива о том, что Алексей Зотов в списках пограничной роты, десантированной на остров Шумшу не значится вызвал у того новый приступ отчаяния, но военком оказался человеком настойчивым, в своем искреннем желании помочь фронтовику.

Не один год ходили по самым разным инстанциям запросы. За это время Алексей успел найти ту единственную женщину, которая сумела разглядеть истинную цену этому неброскому на вид, геройскому парню, по воле случая оставшемуся без документов и поддержки родных (старенькие родители, получив весть о том, что их сын дезертир, не смогли снести горя и преждевременно умерли) и оказавшемуся на неопределенное время изгоем...

– Как же ты жил все это время? – с болью в душе спросил я, – как будешь жить без документов дальше, ведь у тебя теперь семья?

– Недавно все наконец-то разъяснилось. Паспорт и все, что положено я уже получил. И вот, – неожиданно смущенно промолвил он, вытаскивая из кармана красную коробочку, – вручил военком сегодня.

В коробочке на бархатной подкладке лежал новенький, кроваво-красной эмали, орден Красной звезды.

– Чудак, человек, – удивился я, – что же ты его в кармане носишь? Место этого ордена на твоей груди. Пусть все видят, какой ты у нас герой!

– Что ты, что ты, – покраснел он, – боюсь, люди начнут всякое говорить. Смотрите, мол, герой пошел, орден чужой нацепил и гоголем ходит...

Андрей Юрьевич Обьедков.

Родился 8 июля 1971 года в городе Мичуринске Тамбовской области. В 1993 году окончил филологический факультет Мичуринского государственного педагогического института, а в 1999 году – Волгоградский юридический институт МВД России. С июля 1993 по февраль 2016 года служил в МВД: инспектором по делам несовершеннолетних, следователем, дознавателем, инспектором пресс-службы. С марта 2016 – специальный корреспондент газеты «Вечерняя Москва».

Член Союза журналистов России с 1994 года, член Союза писателей России с 2010 года, член Союза театральных деятелей с 2016 года. Член Общественного Совета УВД по ЦАО города Москвы. Автор более двух десятков книг. Лауреат литературной премии имени И.Н.Рахманинова (2002, присуждается администрацией

Мичуринского района Тамбовской области), литературной премии имени Бориса Панова (2010, присуждается администрацией города Мичуринска Тамбовской области), лауреат литературной премии МВД «Доброе слово» (2020).

Лауреат и дипломант литературных конкурсов «Твои, Россия, сыновья!» и имени генералиссимуса А.В.Суворова 2020 и 2021 годов.

ИСТОРИЯ РОДА КУБАНЕВЫХ

Короткую, но яркую жизнь поэта Василия Михайловича Кубанева (1921-1942) сравнивают с ослепительной ракетой, которая неожиданно появилась в темном непроницаемом небе, стремительно прочерчивает огненный путь и, рассыпавшись на тысячи искр, тут же почти мгновенно исчезает (Стукалин Б. О Василии Кубаневе// Кубанев В. Перед восходом. – Воронежское книжное издательство, 1955. – С. 5).

Не зря три области: Курская, Воронежская Тамбовская, считают его своим земляком.

Василий Кубанев родился 13 января 1921 года в селе Орехово Землянского уезда Воронежской губернии (ныне Касторненского района Курской области). «В лаптях я ходил до 10 с половиной лет. В это время я всерьез подумывал о том, чтобы стать хорошим писателем, к этому времени относятся мои первые литературные опыты», – писал в одном из писем своей знакомой (Письмо от 14 ноября 1937 года, адресованное Тасе Шатиловой. Хранится в личном архиве сестры поэта Марии Михайловны Калашниковой, до 2005 года проживавшей в г. Тамбове, а ныне живущей в г. Рязани. Письмо частично опубликовано в сборнике Кубанев В.М. Стихотворения. Эскизы поэм. Миниатюры. Письма. Дневники. Афоризмы. – Воронеж: Центр.-Черноземное книжное издательство, 1981).

Жизнь семьи Кубаневых складывалась трудно. И не все знают об истории семьи. Мне хотелось бы приоткрыть эту завесу.

В селе Орехово Курской области в начале 20 века породнились две семьи: Иванова Василия Андреевича и Марины Григорьевны (прозванные Бородычевыми) и Кубанева Андрея Кузьмича с Татьяной Яковлевной (явно не местного происхождения «кубани»). В семье Ивановых родилось 13 детей, девятéro из них выросли, но отец, сохраняя надел земли, сыновей не отпускал от себя даже семейных. Дочерей – Анну, Прасковью, Елену

выдал замуж за односельчан (Данилова Макара, Кубанева Михаила, Сапелкина Леонтия). Старший сын Михаил Иванов – погиб в годы Первой мировой войны.

Остались Семен, Кузьма, Иван, Дмитрий, Пантелеймон. В большой семье был строгий порядок. Задания на работу с утра получали от отца – «бородыча». Обедали в две смены: мужчины (в том числе дети), а дочери и снохи обслуживали их. В уж потом – женщины. Дружными были не только в работе, но и на праздники. Если односельчане устраивали праздничные «кулачки», то бородычевских победить было невозможно.

Однажды в будни Василию Андреевичу сказали, что Поньку (младшего – Пантелея) где-то бьют. Он схватил ремень и с развевающейся на ветру бородой помчался к сыну. Все ждали, что он накажет «обидчиков». А он ремнем гнал домой сына, приговаривая:

- Не связывайся, с кем не следует!

Марии Михайловне видеть деда довелось на фотографии гораздо позже – в 1943 году, когда они жили в Тамбове. След его затерялся в Коми АССР, куда был сослан в результате раскулачивания в 30-е годы. Впервые о нем услышала она десятилетней девочкой, когда с мамой приехали в родное село. С ореховскими ребятишками играли на крыльце дома, а от проходившей женщины донеслось:

- А это что за девочка с ними?

- Так это бородычевская внучка!

В слезах Маша прибежала к маме и спросила:

- Почему они меня какой-то бородычевской внучкой называют?

Мать успокоила коротко:

- Бородычем звали твоего дедушку, в его доме мы сейчас у дяди Семена, его старшего сына, колхозного бригадира.

Корни выбросили, а ростки остались. Добрые ростки!

Добрые ростки оказались по жизни в разных местах. Но не забывали друг друга и родню. Мария Михайловна с мамой побывали не только в Орехово, но и в Воронеже у Кузьмы Васильевича, встречались уже после Великой Отечественной войны 1941-1945 годов с дядей Ваней и дядей Митей в Весыгонске Калининской (ныне Тверской) области, где жили их семьи и дождались своих победителей инвалидами. Не раз довелось побывать Марии Михайловне Калашниковой-Кубаневой и у Пантелея Васильевича в Ельце, где он жил с семьей и работал в совхозе «Елецкий» бригадиром. Позже состоялись встречи с их повзрослевшими детьми. Оказалось, что только по одной только бородычевской родне было 24 двоюродных братьев и сестер. Особенно дружными в этом «букете» родственников оказались Прасковья Васильевна и ее младшие сестры Анна и Елена. Уже в послевоенные годы, когда Марии Михайловне в Тамбове довелось учиться в педагогическом училище, затем в пединституте, а потом уже и работать в качестве лаборантки, ассистентки кафедры психологии Тамбовского государственного педагогического института. Попеременно в их доме появлялись то сестры, то братья двоюродные. Они нуждались в поддержке житейской и получили ее от мамы и от семьи Марии. «Ростки» Кубаневых пустили добрые корни на Тамбовской земле и Воронежской. Учителем в Воронеже, закончив под крылом Прасковьи Васильевны Тамбовский пединститут, Зинаида Макаровна, дочь Анны, в библиотеке заводской проработала ее сестра Галина Макаровна Вольвак. В Тамбове поселились кроме Марии Михайловны с мамой еще три семьи: внучка дяди Вани – Наташа, сын Анны Васильевны – Михаил Макарович с женой Аллой и сын Елены Васильевны – Карп Леонтьевич, приглашенный в Тамбов после окончания Ленинградского университета народным судьей, который до сих пор ведет работу в должности юриста области. О каждом из них можно написать книгу, исполненную добра и света.

В этом не менее интересна и трагична другая часть ее ветки: ростки из дома Андрея Кузьмича Кубанева. Его фотография не сохранилась ни в доме Марии Михайловны, ни у его дочерей Юлии Андреевны и Александры Андреевны. Но в Машиной памяти, когда она была в двухлетнем возрасте, сохранилось лицо обращенного к ней с прощальным взглядом пожилого человека. Черноволосый, с бородой, в которой застряли и снежинки, и сосульки-

ледышки, дает ей конфетку розового цвета с запахом сельской лавочки, где рядом в продаже были керосин, мыло и другие товары.

Удивительно долго вспоминалось М.М. Калашниковой это лицо, не имеющее сходства с фотографией деда Бородыча (Иванова). По воспоминаниям родных дом А.К. Кубанева был в центре села, недалеко от церкви. Это казалось очень заметно на жизни его супруги Татьяны Яковлевны. Она была религиозна и постоянно ходила в храм, не очень много уделяла времени домашним заботам. В семье был сын Михаил, окончивший 4 класса церковно-приходской школы, дочь Юлия Андреевна, сельская учительница и племянник Федор с женой и тремя детьми. Старшая дочь Александра Андреевна жила в Воронеже, была замужем за связистом Пантелеймоном Владимировичем Поляковым и работала телеграфисткой.

Федор по рассказам односельчан, после возвращения с гражданской войны построил для семьи кирпичный дом. В деревянном жила Юлия Андреевна, когда в семью принята была дочь Иванова Василия Андреевича /мама Василия и Марии – Прасковья Васильевна). Очень интересным было сватовство, которое задумала Татьяна Яковлевна, когда пришло время женить сына Михаила.

Татьяна Яковлевна дружила с женой односельчанина Гавриила Голикова Натальей. Он и рассказал о сватовстве при встрече с Марией Михайловной Калашниковой (Кубаневой) в селе Орехово в 60-е годы. Его семья тоже жила недалеко от храма. Вечером перед молебном пришла к Наталье ее подруга Татьяна Яковлевна и предупредила, что после молебна она придет к ним переночевать. Просила с ней не разговаривать, так как она просит бога помочь ей выбрать невесту для сына. В руках у нее был мешочек с бумажками, на которых были записаны имена молодых ореховских девушек. После молчаливого ночлега и утренней молитвы в храме Татьяна Яковлевна молча вытащила одну из бумажек. Там было имя Прасковьи Ивановой. Только после такого гадания Кубанев Андрей Кузьмич послал сватов в семью к Иванову Василию Андреевичу. Вероятно, что и другие имена в мешочке Татьяны Яковлевны были тоже из дружных и трудолюбивых семей.

Что касается Прасковьи Васильевны, то ей досталась нелегкая доля: ухаживать за скотиной (коровой, которая не была приучена к «порядку», поросятами), работать в поле, а также ухаживать не только за мужем, свекровью и свекром, то есть готовить еду в русской печи, борщи, блины, хлеба, но и заботиться о Юлии Андреевне – уборка в ее доме, питание и так далее.

Но она была готова к таким нагрузкам с детства. Еще тогда, когда ей было 10 лет, а сестре Лене 2 года, их послали полоскать белье. Прасковья упала с подмостков в воду и только по крику ее сестренки прибежали соседи и вытащили из воды, поймав за волосы.

Холст, который потянул ее в воду, запомнился на всю жизнь. Но она хорошо помнила и то, как в семье Бородычей трудились Лукьяновна, Полифановна, Митрофановна (по отчеству было принято называть жен маминых старших братьев – Михаила, Семена, Дмитрия, Ивана).

Только и был момент, когда Михаил Андреевич Кубанев встревожился за трудовое подвижничество своей молодой жены. После родов на пятый день она с соседской девочкой-помощницей и с ребенком отправились в поле прополоть. К сожалению, она возвращалась одной дорогой, а Михаил Андреевич поехал за ней другой.

Не очень отличалась трудолюбием и семья племянника Федора Кубанева. Мария Михайловна говорит: не знаю о его грамотности, но так как Андрей Кузьмич хромал, то подрабатывал торговлей в лавочке, которая сначала была чем-то вроде аптеки, а потом появились конфеты, продукты, мыло и прочее. Вся «полевая» работа досталась Михаилу Андреевичу и Федору. На их долю Ореховская крестьянская община по просьбе деда А.К. Кубанева выделила землю. Возвращаясь с этого надела, Федор по вечерам играл на скрипке и утром спрашивал у жены Матрены, а потом у своих малолетних детей:

- Витя! Ты не видел, где хомут?

- Толя! А ты не помнишь, куда вчера хомут положил?

- Тома! Ты не знаешь, куда хомут задевался? – а Томе пять лет. – Ну кому, кому, а тебе Тамара, стыдно не знать куда девался хомут!

Федор в этот момент замечает, что Михаил – его двоюродный брат вытаскивает хомут из телеги. Так что руки от работы в трещинах были только у Михаила Андреевича и Прасковьи Васильевны. Свекровь не ошиблась в выборе невестки.

Михаил Андреевич был с 1900 года рождения, а Прасковья Васильевна – 6 ноября 1901 года рождения, состояли в браке с 15 февраля 1920 года. За время жизни в селе Орехово до 30-го года у них в январе 1921 года родился сын Василий, затем еще сын Коля и дочка Оля. В июле 11 числа 1928 года /вместо 8/ было записано рождение дочки Марии, а через полтора года появился сын Коля, названный так после смерти Коли и Оли. Пока Прасковья Васильевна с малолетними детьми старалась поддерживать порядок в доме и еще успевала кормить поросят, доить коров, помогать супругу в поле. Старшенький Вася постоянно обитал в среде учеников тетки – сестры отца, Юлии Андреевны, наблюдал за тем, как она их учит грамоте. Нередко она приводила учеников в свою хату, если в школе было холодно. Неожиданно для взрослых в 4 года Вася заявил: «А я умею читать!»

Отец Михаил Андреевич показал ему книги, по которым учились школьники Юлии Андреевны и сказал: «Читай!» Вася свободно прочитал тексты. Дали незнакомые ему книги. И эти страницы он сумел прочитать.

Вскоре взрослые заметили, что чтение ему понравилось. Начал читать, как говорится, «взахлеб». Книги собрали в ящик и спрятали на чердаке, и ему сказали, что ополозень осенний унес березу и ящик с книгами тоже.

Вскоре Василий обнаружил книги на чердаке и чтение стало его любимым занятием.

К сожалению, сохранить их не удалось также, как и всё остальное имущество в отцовском доме. Прасковья Васильевна с двухлетней Машей, полугодовалым Колей и супругом Михаилом Андреевичем в 1930-м году оказались выселенными на Соловки. 10-летний Вася остался с тетей Юлей, которая вынуждена была учительствовать в соседней Контемировке, а затем переехала в Воронеж к старшей сестре Александре Андреевне. Там же находилась их мама – Татьяна Яковлевна. Дальнейшая судьба отца А.К. Кубанева осталась неизвестной. В семье неохотно вспоминали эти времена.

О судьбе Василия Андреевича Иванова (главе «Бородычевых») Мария Михайловна Калашникова (Кубанева) услышала от односельчан в 1960-х годах, когда с пионерами из Тамбова, Мичуринска, Воронежа приезжала в Ореховскую сельскую школу в библиотеку. Он оказался в Коми АССР, где работал в банке истопником и умер от угара.

10-летний Вася Кубанев по воспоминаниям старшей невестки Лукьяновны /жены Михаила Иванова/, погибшего в 1914 году, был оставлен тетей Юлей на ее «попечение», так как «заболел». От односельчан услышал, что возможно мама его скоро вернется с малышами, ответил: «Если бы она приехала, я бы голым по деревне пробежал». Этот разговор был вызван тем, что малышей из ссылки разрешали возвращать.

Отец в Соловках, как человек по тем временам грамотный, был назначен писарем. Используя свои служебные обязанности по оформлению документов тем, кто приезжал из разных мест за детьми, он составил документ для отъезда супруги с малыми детьми. Она вспоминала, как в товарных вагонах они ехали человек тридцать. В их распоряжении было ведро с водой и ведро для туалета. Ее бумаги в общей пачке лежали внизу, чтобы при проверке не обнаружили подделки.

В Воронеже их ждали три семьи: Кузьмы Васильевича Иванова (брата мамы) и Александры Андреевны Поляковой (сестры отца), живших в разных местах города. Там уже в доме Поляковых жили тетя Юля с 10-летним Васей и бабушка Татьяна Яковлевна. У Поляковых было двое детей: Володя – 1925 года рождения и Оля – 1930 года рождения. Сейчас Володя с женой живет в Минске, а Оля – в Новосибирске с дочками и внуками.

Отец не мог оставить семью «на произвол судьбы». Оформив себе документы для отъезда, он покинул вскоре Соловки и добрался до Воронежа. По воспоминаниям Прасковьи

Васильевны жить в Воронеже было негде. А тут еще во время посещения рынка кто-то из Ореховцев окликнул отца:

- Здоров, Михал Андреев!

- Вы ошиблись, – ответил быстро мужчина, поднял воротник и пошел дальше.

В памяти Марии Михайловны сохранилось первое воспоминание о семейном быте на станции Колодезная, недалеко от Воронежа. Видимо у кого-то из знакомых Козьмы Васильевича, работавшего на железной дороге в Воронеже, для семьи Михаила Андреевича отвели комнату с русской печкой, на которой размещались дети: Мария с Василием, сенцами и частью сарая во дворе, где «поселили» любимца ребятишек – поросенка. В семью Кубаневых приехала бабушка Марина Григорьевна. Отец устроился работать в контору «Заготзерно» на должность счетовода. Так они дожили до голодного 1933 года. Хорошо Мария Михайловна помнит, как хозяйские ребятишки весной позвали ее в сад к другому соседу:

- Пошли к Михеичу! Там укроп вырос.

А у самих в кулачке соль зажата. Хлеба не было. Схватив «жменьку» соли, Мария побежала за ними. Пучки укропа они макали в соль и ели. Долго девушка помнила этот аромат.

Вася с ровесниками убежал в поле мимо цветущих подсолнухов и догнать их младшей четырехлетней сестре не удавалось. Другом раннего детства Марии Михайловны был Игорь Иванов, сын бывшего священника Дмитрия Васильевича Иванова и его жены. Они жили в одном доме с Кубаневыми, тоже квартирантами. Дверь в их комнату перегораживала кровать Михаила Андреевича и Прасковьи Васильевны. Но Игорь ухитрился приоткрывать ее и дети Кубаневых оказывались в обществе отца Игоря и его старшей сестренки Лины. В более поздние годы эти семьи вновь оказались рядом в Острогжске.

О том, что на станции Колодезной Кубаневы оказались в голодном году, напоминали разные обстоятельства: разговоры об умерших от голода недалеко от складов с зерном, как делили между Марией и соседским Алешкой кашу в одной миске, а он просил: не надо делить, надеясь на то, что управляется с едой быстрее девочки.

Вася находил возможность для чтения, подружившись с библиотекарями, продавцами в книжном магазине. Младшей сестре он принес оттуда азбуку, начал учить буквам, рядом с которыми были рисунки: А – арбуз, Б – барабан, и так далее. Ошиблась Мария только на букве Д, где был нарисован дом, а она говорила «почта», так как этот рисунок напоминал почту на станции Колодезная. Обучение чтению было продолжено на станции Лиски, куда Кубаневы переехали летом. Первая книга, которую юноша дал читать сестре, называлась «Три палатки».

Но главное событие в семье было в эти годы – появление стихов у Василька.

Отец старался поддерживать эту склонность к стихосложению и целую пачку стихов помог отослать в редакцию газеты «Будь готов!», в журнал «Мурзилка». (Только во время работы над библиографическим указателем удалось найти эти публикации Калмыковой Е.И., сотрудницей Ленинградской библиотеки имени Салтыкова-Щедрина. Первая публикация в библиографическом указателе «Советские писатели. Поэзия» обозначена 1933 годом. Но на тот момент они только и остались как библиография в справочнике. Передать родственникам не смогла или не захотела, когда Мария Михайловна Калашникова (Кубанева) направила к ней Володю Капитанова (сына знакомых), живущих в Ленинграде после войны с семьей).

Калмыкова никак их не использовала, не опубликовала, не подготовила сборник. И даже не дала тесты родственникам. Лишь в 2015 году я, работая в Российской государственной библиотеки отыскал вновь эти стихотворения и подготовил к печати сборник Кубанева).

В Лисках отец работал уже в качестве бухгалтера конторы «Заготзерно». Жила семья Кубаневых на окраине, где Вася дружил с сыном врача Стокиева, с Федей Кондратовым.

Запомнилось, как они в «поселке» поставили спектакль. Одну девочку уговорили участвовать, хотя она была дочкой какого-то начальника (может быть директора конторы «Заготзерно») и жила ближе к городу.

Марии как-то удалось по настоянию брата летом /босиком по горячему песку/ дойти до книжного магазина в Лисках. Очень удивило уважительное отношение к брату со стороны продавцов. Он свободно прошел за прилавок и немало пересмотрел книг на различных полках.

Среди взрослых и детей самым постоянным «спортивным» занятием были городки и лапта. Но это после рабочего дня и после уроков. После домашних дел у одного из домов собирались женщины с вязанием или вышивкой. Около них постоянно были мои ровесницы и ровесники.

Юный поэт не оставлял сестру без внимания, так как знал, что часто из-за беготни босиком ей соседка иголкой вытаскивала занозы и заливала йодом шрамы от гвоздей. Однажды у железнодорожного полотна, расположенного недалеко от дома ребяташками собрались смотреть, как из цистерны вытащили задохнувшегося там мужчину. Тут Машу разыскал Вася, взял за руки и увел подальше от трагического зрелища.

Защищал он и маму, когда отец, легко впадавший в гнев по домашним неурядицам, бросил в маму скалку. Услышав громкий голос отца и стук пролетавшего мимо мамы предмета, Вася вышел из комнаты в кухню, прикрыл дверь и четко сказал:

- Папа! Чтобы я больше этого не видел!

Отец не первый раз в гневе бросал предметы в любом направлении /на станции Колодезная во время ссоры за столом он выбросил в окно солонку, а соседка, шедшая мимо дома, принесла тут же со словами:

- Ты что это, Михаил Андреевич, соль рассыпаешь?

Но там Вася не вмешивался в эти вспышки. А в Лисках, видимо, повзрослел до понимания, что он может стать защитником. Там Кубаневы перезимовали. Вася с Федей и Севкой (сын Асеевых) играл в снежки, иногда в «слова», когда из одного слова надо было, сочетая по-разному буквы, набрать несколько производных слов. Например: «клевер» – лев, веер, век. Кто больше?

И еще Мария Михайловна помнит картонные игрушки, склеенные Василием и Федей из нарисованных «заготовок».

Новым местом поселением для Кубаневых вскоре стал Острогжск, где они жили на улице Карла Маркса (против городского сада) и Мария ходила летом в детсад, а Вася поступил в школу № 2. Сестре было уже около шести лет. Если отец задерживался на работе (опять в конторе «Заготзерно»), Вася читал книги сестре с мамой. Как-то они расплакались, слушая историю бабушки по страницам «Детства» и «В людях». Брат поменял книжное чтение. Над выразительным чтением повести Демьяна Бедного «Как четырнадцатая дивизия в рай шла» Маша с мамой уже смеялись, тоже до слез. Прасковья Васильевна приговаривала:

- Вася! Ну хватит!

Настолько он вдохновенно читал!

А главное – любовь к литературе крепла в семье Кубаневых. Появлялись новые книги. Мама, помогавшая отцу поддерживать семью материально /они по выходным дням делали фанерные чемоданчики, которые отец раскрашивал, чтобы привлечь покупателей на рынке/.

Из вырученных денег Прасковья Васильевна тайно «выкраивала» для сына возможность приобретать книжки. А соседка вспоминала, что Василий даже в туалет бежал с книжками в руках. Вскоре к ним приехала бабушка Марина Григорьевна. Ей приходилось спать в коридоре, настолько тесно было жилье. Отец выхлопотал квартиру в конторе, где он был уже главным бухгалтером. Кубаневы переехали на улицу Медведковского. Вася оставался в прежней школе, а Марию приняли в первый класс ближайшей начальной школы, где работали Виталий Петрович и его жена. К этому времени читала Маша, видимо, довольно хорошо (благодаря стараниям Василия), поэтому, когда жена приглашала во время урока учителя попить чайку, он доверял Марии следить, как читают одноклассники. Однажды он доверил М. Кубаневой и урок арифметики. Но с этим девочка уже не справилась.

В этом году им с братом выделили маленькую комнату, где была этажерка для книг, стол для занятий и две кровати. Родители жили в большой проходной комнате, а кухня тоже

была небольшая. И коридор. Все это на первом этаже, с окнами на улицу Медведовского. Рядом на первом этаже жила семья Антиповых с подростками Василием и Мишей. На втором этаже в доме тоже были соседи, но менее доступные. Появившееся тогда в печати стихотворение «Мишка-трус» было отчасти посвящено Мише Антипову, который во время грозы прятался в шкафу у себя дома.

Что касается его школьных занятий, то Прасковья Васильевна была всегда спокойна за сына: на столе были учебники и тетради. Но отец как-то среди этих тетрадей обнаружил дневник Василия. Супруга этого сделать не смогла, так как читать не умела, как многие крестьянские дети того времени. И вот тогда из дневника родители узнали, что брат влюбился в свою одноклассницу Веру Клишину и купил ей валенки, так как зимой ей ходить приходилось в ботиночках, а идти было далековато до школы. Показали учителям дневник. Разразился скандал, так как деньги он скопил из маминых «подачек» на книги. Брат ушел из дома. От его ровесника Володи Попова узнали, что брата приютил отец Володи, так как работал директором дома отдыха и хотел помочь однокласснику сына в беде.

Мама посылала Марию снабдить конфетами брата, посмотреть – не пришел ли он в выходной в Острогжский театр. Когда сестра передала брату конфеты, он сказал: «Я знаю, это мама купила. Отец от нас с тобой прячет конфеты в чемоданчике. Марии Михайловне было это известно, так как иногда он угощал детей, доставая их из «тайника».

Вернулся брат примерно через месяц. Семья как раз обедала на кухне. В сенцах кто-то постучал. Мама крикнула: «Войдите!» Вошел Вася со словами: «А я думал, что вы меня не пустите!» И все рассмеялись.

Только потом мама рассказала, сколько раз она упрашивала сына вернуться, встречая его на улицах. А отец с самого начала побывал в доме отдыха, но увидел сына только вечером в кинозале, когда погас свет. Вася подняв воротник, прошел на свободное место где-то впереди. Отец не решил его тревожить. Ждал, когда «срыв» пройдет.

Вскоре отца перевели на работу в Мичуринск, но брат сразу с ними не поехал. (Они переезжали вместе со всеми вещами в товарном поезде уже летом, когда еще не закончился учебный год).

В Мичуринске брат появился в августе 1937 года и поступил в 10 класс средней школы № 1, на Советской улице. Жили Кубаневы недалеко в двухэтажном доме на квартире от конторы «Заготзерно» на втором этаже. Марию определили во второй класс железнодорожной средней школы № 48, которая была поблизости. Из этого года девочке запомнилось пребывание в больнице 42 дня, так как она переболела скарлатиной.

Жизнь Василия Кубанева в Мичуринске была активной и разнообразной. Кроме занятий в школе, он посещал литературный кружок, на зимних каникулах побывал в Ленинграде. В этом году в семье несколько месяцев жил племянник отца из Ростова, работал Виктор шофером на грузовике и не раз брал с собой Василия в поездки по городу. Очень запомнилось ему тогда поездка вечером, когда разразилась гроза и им казалось, что молнии вспыхивают прямо перед капотом.

А когда в 1938 году организовывалась Тамбовская область к Кубаневым из Воронежа временно привезли бабушку Татьяну Яковлевну Кубаневу. Семья Поляковых, у которых последняя жила постоянно, переезжала из Воронежа в Тамбов, куда глава семьи Пантелеймон Владимирович Поляков (муж Александры Андреевны – дочери Кубанева), был переведен заместителем начальника областного управления связи в Тамбове. Бабушка заболела, и Вася за ней ухаживал, как все, а весной ее увезли в Тамбов, где она умерла.

Друзья-ровесники Василия редко заходили домой к Кубаневым. Из них Мария Михайловна позже познакомилась с Тасей Шатиловой и Сашей Ткачевым. В доме, где жили Кубаневы, ровесников не было, были малыши, да ровесники Маши.

С Тасей Шатиловой, которая училась на рабфаке, Вася познакомился благодаря тому, что она была юнкором «Мичуринской правды», а Вася после встречи с редактором газеты, которому показал свои стихи, получил от Алексея Васильевича Гребенникова

задание: попытаться собрать литературную группу в редакции, посетить литературные кружки, в том числе кружок на заводе имени Ленина.

Очень своеобразными были эти встречи, судя по воспоминаниям друзей Иван Иванович Воронцов, сотрудник «Мичуринской правды»: «В школе № 1 преподаватель математики Стариков Владимир Дмитриевич очень увлечен был поэзией Владимира Маяковского и сумел привлечь ученикам интерес к его творчеству своими рассказами о встречах с поэтом, о его стихах, о его характере. В результате Василий Кубанев начал наряду со стихосложением есенинским, пушкинским осваивать новую манеру стихотворства. Стариков посоветовал ему прийти в редакцию. А меня просил провести его к редактору».

Вскоре Кубанев пришел к редактору Алексею Васильевичу Гребенникову, с тетрадкой этих стихов он и вошел в мой кабинет. Нагнув голову, остановился у края ковра.

- Проходи! С чем пришел? – спрашивает Гребенников.

- Пишу стихи.

- О чем пишешь?

- О жизни.

- Дай посмотреть.

Василий положил тетрадь на стол. Редактор принялся читать, сделал замечания. И отпустил. Редактор подумал: «Зря раскритиковал, не придет больше». А он через два дня принес переделанные стихи.

Вот тогда я и поручил ему собрать литературную группу, назвал, где кружки работают, а еще юнкоров нашей газеты назвал, в том числе Тасю Шатилову».

О встрече с Васей на занятиях кружка в клубе завода имени Ленина рассказал Саша Ткачев: «Собирались мы после занятий, читали каждый свое, а потом обсуждали. Принес и я свои заметки о ровесниках, о дружбе. Прочитал. Руководитель спрашивает у ребят:

- Что вам пришлось по душе, по уму, по характеру?

Все молчат. Тогда он обращается в угол:

- А ты Вася что скажешь?

И вдруг слышу одно слово:

- Не заело!

Ну его, может быть, не заело, а мы начали спорить. И уже после спора Вася предложил Саше: «Пойдем ко мне». Поднялись мы на второй этаж дома, где он жил, прошли в его комнату, а на столе учебники сбоку, а книги и блокноты, наброски в центре внимания. Послушал я про его замыслы о трехтомной эпопее «Россия», о «Стихотворце», маме рассказал своей. Она обрадовалась, что такого друга встретил. А мне стало не по себе, побоялся, что помешаю ему своей дружбой. Прошло дня три. Стук в окно, часа два ночи. Вася у окна:

- Саша, ты не спишь? Пойдем пройдемся, поговорим.

Вылез я в окно. И пошли почтовые ящики искать. Писем у него заготовленная пачка. А в один ящик не хочет опускать:

- Они одной девочке адресованы. Почтальон увидит, скажет: малахольный какой-то. Да я бы и при встрече ей все это рассказал, но она на рабфаке учится и не очень к встречам расположена. Недавно в Мичуринской газете ее статья о Некрасове была. А мне спорной показалась мысль, что его читать легко. Вот и спорю в письмах.

- Так ты на рабфак проберись. После уроков.

- Попробую. А хочешь я скажу: есть у тебя дар божий?

- А как ты это узнаешь?

- Ну вот опиши о себе с тех пор, как себя помнишь и до сегодня. Как мемуары все-равно.

Саше задание показалось заманчивым. Он два дня не ходил на занятия, старательно вспоминал жите свое. Через два дня передал Васе. Тот обещал прочитать дня за два.

- А как ты мне скажешь хорошо или плохо? – спросил Саша.

Если выйду в рубашке без пиджака, значит плохо. Если в пиджаке, застегнутым на все пуговицы, значит – хорошо.

Через два дня едва открыл парадную дверь на лестницу Саша, как на него свалился комом Вася и зажал в объятиях. Когда Саша вывернулся, то увидел Васю в пальто, застегнутом на все пуговицы.

Дружба с Тасей складывалась сложнее. И закончилась «Последним письмом». Хотя во множестве писем он делился с ней и замыслами, и впечатлениями о поездке в Ленинград.

Позвал его на зимние каникулы ленинградский учитель Владимир Дмитриевич Кошелев, познакомившийся со стихами Василия в газете «Будь готов!». Поездке предшествовала переписка ленинградца с мичуринским школьником.

Для поездки отец отдал Васе премию 200 рублей, полученную им в конце года на работе в конторе «Заготзерно» за хорошо подготовленный годовой отчет.

В письмах к Тасе Шатиловой он рассказывал, как его встретили, как В.Д. Кошелев ходил с ним в Ленинградское книжное издательство, где в кабинете начинающего писателя он обнаружил папку со своими письмами, адресованными Кошелеву. Директор издательства вручил Васе книгу стихов А.С. Пушкина, только что вышедшую из печати. Что касается других книг, то он купил их на отцовские деньги. А жил он все каникулы в семье Кошелевых-учителей, у которых детей не было. По вечерам, к удивлению, они составляли меню на следующий день. В один из вечеров, когда пришел племянник Кошелева Миша, Вася читал стихи, говорил о своих замыслах. И услышал от Владимира Дмитриевича, что ни один самый гениальный человек в 16-17 лет не мог справиться с такими замыслами. К сожалению, все, что брат посылал Кошелеву в этом возрасте, не удалось найти в Ленинграде после войны. Видимо, в годы блокады было все сожжено.

Книги брат привез в мешке и, чтобы дотащить их до дома, прибежал за салазками.

Общение его с Ленинградом и ленинградцами окрылило его настолько, что литература стала главным предметом его занятий, во вред всей остальной учебе.

Учительница химии попросила у него домашний адрес, чтобы побеседовать с родителями, а он назвал ей адрес аптеки. После этого матери пришлось чаще общаться с учителями. Отец уже меньше вмешивался в дела сына.

Летом 1938 года семья переехала в Давыдовку. Возможно из-за отцовского желания перемены места внести в успокоение поведения брата. Кубаневы не успели освоиться в новом жилье, как отец, сославшись на необходимость отвезти в область отчет бухгалтерский, уехал гораздо дальше – в Таганрог «на заработки». Такие отъезды были и раньше. Возможно из-за тревожности за то, что отец был «беглым» ссыльным. Вася пытался устраиваться на работу в Давыдовке. Но его здесь слишком мало знали. Единственное памятное событие в отсутствие отца была просьба к маме найти какую-то гадалку-цыганку, которая была известной в Давыдовке предсказательницей. От нее брат услышал, что его ожидает ранняя смерть.

За поддержкой и успокоением Вася уехал в Острогжск, где были и друзья по школе, и знакомые взрослые. Ему помогли найти частную квартиру над оврагом в Лушниковке. Домик, где сдали ему комнату и кухню с общим коридором от хозяев. Его приняли на работу в редакцию газеты. Так на свои плечи он взял заботы о семье. Мама устроилась чернорабочей на МРЗ (мотороремонтный завод), а Марию приняли в третий класс к Анастасии Митрофановне Трипольцевой.

С утра занятия в школе, мама на работе, Вася в редакции. Днем Маше доверили ходить в город за борщом, хлебом и т.д. в столовую на улицу Крамского, вечером мама топила печку голландку, мы собирались вместе, затем Вася уединился в комнате, зашторив дверь, а сестра с мамой укладывались на кухне рядышком с печкой. Вася по ночам что-то читал, писал. И однажды услышал стон сестры. Оказывается, мама рано закрыла трубу и они обе угорели. Прасковья Васильевна пыталась вынести дочь в сенцы, но обе упали. Вася разбудил хозяйку, и девочку отливали холодной водой. Так они зимовали. А весной возвратился отец. Его приняли в «Заготзерно» и дали квартиру на улице Крамского.

Несмотря на привезенные из Таганрога заработки, отец опять подрабатывал (сверх обычной бухгалтерской работы) тем, что переплетал документы по заказу разных контор, а с мамой в выходные мастерил чемоданы из фанеры на рынок. Мама вела домашнее хозяйство. Жизнь вошла в привычные «рамки». Вася из-за финансовых проблем так и не поступил ни в литературный, ни в сельскохозяйственный институты, как мечтал в школьные годы, так как нужно было беспокоиться о семье.

Вера Клишина после окончания школы поступила учиться в Ленинградский химико-технологический институт. Их дружба возобновилась. Но в самом начале появились стихи:

Исходи весь город
Поперек и вдоль
Не умолкнет сердце,
Не утихнет боль...

Они встречались во время каникул, когда Вера приезжала в Острогожск. Но более всего Василий писал, отсылая тетради со стихами, письма-размышления. Вера не успевала отвечать на все его послания. И тогда он слал телеграммы: «Вера ты вера?», по которым телеграфистки догадывались, что автор – Кубанев. Больше всего Марии Михайловне запомнились их встречи на летних каникулах, когда брат готовился идти учителем в двухкомплектную школу села Губаревки. Они покупали книги, учитывая то, что занятия придется вести с первоклашками и третьими классами одновременно. Накупили даже новогодних игрушек. Вася мечтал о том, что Вера со временем сможет быть рядом. Это был уже 1940 год. О занятиях в школе, об уроках в лесу (когда надо было, чтобы ребята усвоили понятия «один» и «много») появились статьи в «Новой жизни». Своего новаторства Василий не мог преодолеть, а это могло осложнить занятия его учеников, когда они окажутся в руках других учителей. Через полгода Василий вернулся к работе в редакции. Но его статьи о школе до сих пор вызывают интерес учителей. Ему удалось внести в опыт своих друзей, закончивших педучилища и направленных в сельские школы, дух новаторства и глубокого внимания к ученикам.

Среди этих друзей был Ваня Толстой, которому он в письмах объяснял, что «судьба не зря столкнула нас лбами» и делится размышлениями с Таней Дешиной, работавшей в селе Готовье Уколовского района.

После войны Ваня Толстой вернулся с нарушениями здоровья, взял у отца в селе письма от Василия, которые тот сберег и уже во время работы в Воронежском областном издательстве подготовил книгу «Человек-солнце», а до этого, после выхода книги «Перед восходом» в 1955 году опубликовал свои воспоминания в журнале «Литературный Воронеж». Так друзья возвращали из небытия талант Василия.

В 1967 году в Воронеже была издана четвертая по счёту книга Кубанева из собранных ими материалов. Составителем был Борис Стукалин, передавший Марии Михайловне вскоре все письма брата и его тетради. Ей была поручена подготовка нового сборника. В разговоре о том, каким может быть этот сборник, Ваня сказал Борису Стукалину и М.М. Калашниковой-Кубаневой: «Ведь главным в его творчестве размышления о человеке».

- Вот, ты работаешь Ваня в издательстве, попробуй издать такую книжицу, – предложила Мария Михайловна, – Все что сказано им о человеке, постараюсь тебе выбрать из его писем.

Работа по осмыслению рукописей брата (ей приходилось перепечатывать их на машинке однажды по поручению Бориса Ивановича, а затем для Ивана Ефремовича) помогла постичь и глубину таланта в этих письмах и широту души брата. Если в 1972 году вышла книга «Человек-солнце» в воронежском Центрально-Черноземном книжном издательстве, то в 1973 году была издана, подготовленная Марией Михайловной книга «Если за плечами только восемнадцать...».

Название ее «подсказал» афоризм брата о том, что надо верить в неисчерпаемые возможности человека, как в солнце. А Иван Толстой оставил самое лаконичное – «Человек – солнце!»

Долго мучилась Мария Михайловна сознанием, что самое главное из писем Василия уже выбрано. Как найти направление для нового издания? Решить это помог один эпизод, когда один тамбовский прокурор пригласил Марию Михайловну в составе группы работников культуры в Соколово, где была колония для несовершеннолетних ребят, осужденных в 60-е годы. /А Мария Михайловна работала психологом в Тамбовском пединституте и участвовала в проведении экспертиз по делам подростков/.

Знакомство с условиями содержания и воспитания подростков завершилось концертом, который подготовили воспитатели колонии вместе с воспитанниками. Ведущий объявил в один из моментов концерта, что свои стихи читает Гена Табакин, стихотворение называется «Коммунист». Стихи были оптимистические. После концерта удалось побеседовать с юным поэтом. Он доверил М.М. Калашниковой две тетрадки своих стихов после обещания показать их тому, кто разбирается в поэзии. Студентка, которой Мария Михайловна отдала эти тетрадки, училась на третьем курсе литфака и полтора года после этого они переписывались. После освобождения из колонии Гена приехал в Тамбов, чтобы увидеться с Надей, показал фотографии: Надину и С. Есенина, сказав: «Вот мои боги!»

А Мария Михайловна подарила тогда ему сборник «Идут в наступление строки» В. Кубанева 1967 года издания, не признаваясь, что она сестра. Через месяц Гена Табакин прислал письмо с признанием, что он еще не зрелый человек, не может оценить стихи письма, опубликованные в книге, «но об авторе скажу – он слишком правильный». Такое признание ее расстроило тем, что Василий не был принят с восторгом. Однако, поразмышляв над самой короткой и строгой «рецензией», поняла, что готовившие прежние издания друзья Василька прошли войну, стали взрослыми и выбрали в книги самое важное, самое зрелое из его творчества, отстранив наивные и менее зрелые размышления, какие могли сблизить Кубанева с подростками и юностью. После сложных раздумий Марии Михайловне стало ясно, что прежние книги В. Кубанева готовили его ровесники, прошедшие войну. Они из рукописей выбрали самые зрелые мысли. А начало их – наивные рассуждения – отсеяли. И возникло решение – готовить для молодежного издания сборник в «биографической последовательности»

Поэтому кроме названия книги «Если за плечами только восемнадцать» появились названия четырех глав в этой книге из его «кубаневских строк»:

«Я – как и все»

«Своё истолкование бытия»

«Во всем запечатлеться и остаться»,

«Из самого сердца выжато».

Когда директор издательства принимал от сестры-составителя рукопись, то по первым страницам сказал: «Наив, наив», а после объяснения ответил: «Да, это похоже на почку, которая открывается».

Это была тоже самая короткая «рецензия», которая означала, что рукопись примут.

Однако, обратившись к воспоминаниям о друзьях, невольно мы ушли в послевоенные годы, когда от их верности давним встречам с Васильком произошло «второе рождение» брата, были собраны и изданы его стихи, письма, дневники, публикации, какие сумели сберечь друзья и вернуть их к жизни, к людям. В том числе и предвоенные, полные тревоги и ответственности за судьбу не только Родины, но всего мира.

23 июня 1941 года «Новая жизнь» опубликовала статью Кубанева «На наших плечах судьба человечества!» Это оказалось верным до сих пор. А Василий прочувствовал это еще до начала войны. В стихотворении «Я заболел» (1939 г.), адресованное Вере Клишиной он сказал:

«Только теперь прояснело мне это,

Широкому сердцу стены узкие.

Ты читала сегодня газету:

Париж еще французский».

Та же тревога за судьбы мира звучала в его душе после просмотра фильма «Александр Невский» и вылилось в вопрос:

- А что ты сделал, чтобы защитить Родину?

Так появились стихи:

«Ты думаешь мне каска не к лицу,

И плотная шинель не по плечу?»

С этой тревогой он давно просился в армию, но его по состоянию здоровья не брали. И после его заявления 22 июня 1941 года об отправлении на фронт военком сказал: «У тебя зрение – левый глаз – 80 %, а правый – 20 %. Как стрелять будешь?»

- 80 и 20 – получается 100 процентов, – пошутил В. Кубанев, и до 14 августа ежедневно ходил в военкомат, пока со слов сестры Марии Михайловны, не направили его в Борисоглебское авиационное училище, учиться на стрелка-радиста. Курсантов эвакуировали в Сибирь, где он и заболел в результате полетов, где не было нужной экипировки. Шинель в 40-градусные морозы на земле не согревала, а в полете была стуже вдвое, так как стрелок, в отличие от летчика, находился в открытой кабине. После комиссования добирался 13 суток до Острогжска. Окончательно слег в конце января, после редакционной поездки в район. Исполнился 21 года 13 января 1942 года, а в феврале – больничное лечение. Тогда не было лекарств, не хватало врачей. Поддерживала его мама тем, что носила дрова, чтобы топить палату. И питание, конечно.

6 марта 1942 года домой к Кубаневым приехали врачи из госпиталя, когда брата выносили уже из палаты. Диагноз: абсцесс левого легкого. Мама вернулась из больницы вечером и по ее напряжённому лицу и выдоху из самой груди: «Вася!» Мария поняла: брат скончался. Мама проводила дочь через два часа в редакцию с заданием: скажи о том, что произошло, там машинистка работает по вечерам, чтобы в это время обмыть сына.

Остановившись у дома на улице Крамского, глядя то на поземку вокруг, то на рваные облака, Мария подумала: «Ну почему он, такой талантливый, молодой? Лучше бы я вместо него!»

Война обрушила на Острогжск и на них с мамой новые беды: оккупацию города 8 июля 1942 года, сгоревшее под бомбами здание, где была квартира Кубаневых, где сгорела библиотека брата (35 ящиков книг в кладовой на первом этаже), и, главное, его первая книга, которую он готовил к изданию, его письма, дневники.

Прощаться с братом пришла первой Таня Дешина (к 8 утра за 40 километров), прислала телеграмму Вера. Никто не мог примириться с такой утратой. Сберегли письма Вера Клишина, Таня Дешина, Ваня Толстой, Тася Шатилова (по мужу Панченко), редактор Иван Корнеевич Зубко. Немало воспоминаний было опубликовано после войны.

Но первым, кому пришла мысль о том, что все, осмысленное Василием, надо собрать, был Борис Иванович Стукалин. Когда город был освобожден от оккупантов (к 15 января 1943 года), он отпросился с фронта на два дня, чтобы найти свою маму и брата Сережу. От них узнал о смерти Василия и разыскал Прасковью Васильевну и Марию Михайловну на улице Авдеевской в доме Марии Дмитриевны Поповой, которая приютила их от голода, нищеты.

Мама рассказала подробно о потере сына, а Марию, окончившую только 6 классов, Борис Иванович спросил:

- Когда Вася вернулся из Орска больным, у него были письма, стихи?

- Были. Две тетрадки!

И по настоянию Бориса Ивановича девочка вспомнила 4 строчки из стихотворения о сосне:

«Вверх расти и зеленью цвести –

Это только жизни половина,

Сердце – это ведь не сердцевина,

И попробуй с ним не загрусти».

Он записал это в блокнотик. И еще записал один отрывок:

«Есть такие люди, что от лени,

Как от тени им не убежать».

Он все это опубликовал уже после войны в сборнике «Перед восходом» в 1955 году. Название первого сборника было пророческим.

Тогда Мария Михайловна рассказала, что брат все время болезни вспоминал свое пребывание в Орске не только в полетах учебных, но и во время болезни. Удивлялся, что врач его стихи записывал в историю болезни. Возможно за неимением времени, и может из-за отсутствия бумаги.

Борис Иванович Стукалин ушел на фронт, а Кубаневы летом уехали к родным сестрам отца в Тамбов (отец погиб в 1943 году на фронте).

И только в 1955 году от родных из Воронежа узнали, что по областному радио говорили о Васиной книге. Это помогло им найти Бориса Ивановича.

В ответ на запрос М.М. Калашниковой из Тамбова в Воронежский областной радиокомитет пришли два письма – от сотрудников радио и от Бориса Ивановича Стукалина с книжкой «В. Кубанев «Перед восходом» и с просьбой «Выщарапать из своей детской памяти все имена, все адреса – может быть мы что-нибудь найдем».

С этой просьбы началась многолетняя работа по возрождению творческого наследия В.Кубанева.

Первым именем, какое Мария Михайловна сообщила Борису Ивановичу Стукалину, было имя его одноклассницы и верной подруги Василька – Веры Клишиной. Она еще до войны после окончания Острогжской школы № 2 поступила в Ленинградский институт тонкой химии. В Острогжске жили ее сестры по адресу ул. Кузнецова, дом № 28. Они учительствовали в городе и районе, не покидая свой дом. Там они потом встретились, когда готовились новые издания книг Василия. Там Мария Михайловна подружилась с Галей, дочерью Веры, и так же со всеми родными Клишиных. От них Борис Иванович узнал, что Вера после окончания института устроилась работать в Перово Московской области, что она сберегла чемодан с письмами Василька и увезла его с собой. Шесть раз Борис Иванович приезжал в Перово, видел эти письма, убеждал Веру, что сказанное в них Васильком нужно не только ей, но и всей молодежи. Вера плакала и не отдавала рукописи. Только на шестой раз она молча отдала ему все, что сберегла. В Воронеже началась подготовка первого сборника с названием «Идут в наступление строки». Московское издательство «Молодая гвардия» уже в 1958 году выпустило первое издание, на которое очень скоро получило из разных мест нашей родины отклики от молодежи. «Быть таким, как Кубанев – моя мечта!» – писал сержант из армии, или медсестра из районного городка: «Пришлите нам 10 книг Кубанева, если можно!»

Поиски продолжались активно. Вторым адресом, какой Мария Михайловна Кубанева-Калашникова сообщила Борису Ивановичу Стукалину – был Ленинград, Васильевский остров, где жил до войны Владимир Дмитриевич Кошелев. В январе 1938 года по приглашению Владимира Дмитриевича Вася-десятиклассник Мичуринской средней школы № 1 поехал на зимние каникулы. Знакомы они были «заочно» по стихам, которые Кошелев прочитал в печатных изданиях.

Третьим адресом и был адрес Саши, которого Марии Михайловне удалось разыскать уже с помощью Ивана Ивановича Воронцова, сотрудника «Мичуринской правды», помогавшего ей в 1956 году в поисках ровесников и друзей Василька.

К сожалению, второй адрес, то есть ленинградского учителя Кошелева не дал находок, так как Владимир Дмитриевич перед кончиной сжег все, что у него было – это было во время ленинградской блокады.

Четвертый адрес обнаружил Николай Сергеевич Гамов во время экскурсии в Москве в музее им. В.И. Ленина. Он спросил у экскурсовода (научного сотрудника) Таисии Васильевны Панченко о том, чем была вызвана телеграмма, адресованная Ленину

острогужскими крестьянами (с Воронежской области). Она пообещала объяснить после экскурсии, а закончив свою беседу с Н.С. Гаммовым тем, что знала в юности острогужского поэта –школьника мичуринской школы № 1, и показала письма того времени, которые получила от Василька. Борису Ивановичу, приехавшему в Москву, чтобы увидеть и письма, и адресата (Тасю Шатилову). Таисия Васильевна дала посмотреть письма, но не отдала, сославшись на то, что сама попробует подготовить книгу о своем друге юности.

Когда Марии Михайловне удалось познакомиться с Т.В. Панченко, они подружились. В одну из поездок в Москву, где Мария Михайловна сдавала кандидатский экзамен по психологии, Таисия Васильевна дала М.М. Калашниковой на два дня почитать письма, но не в кабинете у нее, а в Очаково, где та остановилась у Домны Фадеевны Дмитрук. Марии Михайловне удалось в два дня перепечатать письма на машинке и вернуть вместе с подлинниками Таисии Васильевны первый экземпляр копии, второй передать Борису Ивановичу, а третий – оставить себе. Объяснение было простым: боязнь, что мы снова можем потерять эти рукописи /как уже было в 1942 году/. Письмами из Мичуринска был дополнен сборник Василька, подготовленный Б.И. Стукалиным, и издан в 1960 году в Москве, в «Молодой гвардии». Таисия Васильевна так и не сумела издать их отдельно, хотя дочери передали после кончины матери Марии Михайловне черновые наброски Таисии Васильевны вместе с письмами В. Кубанева и копиями. Издать их более полно удалось в 2001 году в Тамбове при поддержке губернатора Олега Ивановича Бетина и руководителя Тамбовской областной писательской организации Александра Михайловича Акулинина. Это было уже десятое издание стихов, писем, дневников моего В. Кубанева. Назвали сборник «Монологи большого мальчика» по названию статьи бывшего редактора газеты «Мичуринская правда», а воспоминания его опубликованы в Тамбове в областной газете, когда автор был уже на пенсии. После замечаний одной из младших родственниц Марии Михайловны, что «Василий – из прошлого» последняя ответила: «Нет, он из будущего!» В это издание 2001 года были включены стихи-отклики на творчество Василия от читателей разного возраста. Было полностью опубликовано письмо Константина Симонова, присланное в мае 1978 года Борису Ивановичу Стукалину с высокой оценкой таланта Василия и высоким сожалением, что война утащила из литературы человека, который мог бы сделать в ней больше, чем сам Симонов, по его мнению, и многие дожившие до его возраста писатели. /Письмо в сокращении было напечатано в еженедельнике «Неделя» в 1979 году и 6 марта 1991 года в газете «Мичуринская правда»/. В этом сборнике впервые был опубликован отрывок из поэмы Сергея Бирюкова «До востребования – Кубаневу!», подаренный им матери поэта Прасковье Васильевне в 1973 году.

Литературно-художественное издание

РОССИЯ. АРМИЯ. СУДЬБА

КНИГА ВТОРАЯ

Поэзия, проза, публицистика

2002–2021 годы

Составитель

Силкин Владимир Александрович

Вёрстка – Игорь Витюк

Корректор – Михаил Силкин

Дизайн обложки – Александр Кабин

Компьютерный набор – Владимир Силкин

Сдано в набор 12.01.2022. Подписано в печать 12.05.2022

Формат 60x90 ¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.

Условных печ. л. 20,125.

Электронное издание

Федеральное государственное бюджетное учреждение
культуры и искусства

«Центральный Дом Российской Армии имени М.В.Фрунзе»

Министерства обороны Российской Федерации

129110, Москва, Суворовская площадь, д. 2, стр. 1